

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. И. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1902

О Т Д Ъ Л Ь I.

Русские крестьяне Олонецкой губернии.

(ОЧЕРКЪ).

Всѣ отзывы лицъ, производившихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, какъ, напримѣръ, Рыбникова, Гильфердинга, сводятся къ тому, что Олонецкие крестьяне—народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природою, энергичный, предпринимчивый, не лишенный сознанія собственного достоинства и одаренный поэтическою восприимчивостью. «Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ», замѣчаетъ Гильфердингъ.

Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ чувствовалъ себя сравнительно свободнымъ и въ немъ никогда не терялось стремленіе къ высшимъ идеаламъ. Поэтому-то Олонецкая губернія и является настоящей сокровищницей русскаго народнаго эпоса, исчезнувшаго въ средней полосѣ Россіи.

Страннымъ можетъ показаться, что мѣстность, лежащая такъ близко къ Петербургу, есть главная хранительница обильной эпической старины. Справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ Олонецкой губерніи, мы убѣдимся, что нелегко было проникнуть сюда цивилизации и вообще выѣшнимъ влияніямъ, измѣняющимъ условія народной жизни. Гильфердингъ говорить о природѣ этого края слѣдующее: «Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина иѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что здѣсь крестьянинъ обладаетъ большими водоемамиъ, въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ, но дальше—къ сѣверу и востоку—вы видите только лѣсы, болота, опять лѣсы и озера, служащи для сообщенія между деревнями». Есть глухіе уголки, напримѣръ дер. Кулоконда, на сѣверѣ Пудожскаго уѣзда, которая всю зиму отрѣзана отъ сосѣдей, а зима здѣсь составляетъ большую часть года. Только величайшая необходимость, напримѣръ, чья-нибудь болѣзнь, заставляетъ крестьянинъ этой деревниѣхать

за священникомъ и такимъ образомъ прокладывать дорогу въ ближайшее село, верстъ за 30. Неудивительно поэтому, что 15-лѣтній мальчикъ-пастухъ, вызванный судомъ (сессія окружного суда 1896 г.), въ качествѣ свидѣтеля, не могъ объяснить, какой онъ вѣры, и на вопросъ: бывалъ ли когда-нибудь въ церкви? заявилъ, что не помнить, когда былъ въ церкви, и никогда не говѣрь и не приобщался Св. Танкъ.

На Водлозерѣ деревни, расположенные на островахъ, осенью и весной тоже вполгѣ отрѣзаны отъ окружающихъ деревень. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьяне должны обходиться тѣми предметами, которыми такъ скучно снабжаетъ ихъ суровая природа. Ни луку, ни капусты, ни огурцовъ крестьяне не имѣютъ. Переработанный овесъ, картофель, моченныя ягоды (брусника, куманика и морошка) — вотъ главная ихъ пища. Народъ остался здѣсь вполгѣ самобытнымъ и сохранилъ вѣрность старинѣ, имѣя во всемъ свой особый отпечатокъ. Всякаго новаго человѣка невольно поразить особенность здѣшнихъ деревень: изба, большей частью въ два этажа, стоять одна на-юру. Возлѣ не видно никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и только гдѣ-нибудь въ сторонѣ стоять рига и иногда свиной сарай. Исключевые составляютъ усадьбы богатыхъ крестьянъ, у которыхъ большую частью имѣются чисто помѣщицкие постройки. Въ верхнемъ этажѣ крестьянской избы живутъ хозяева, а въ нижнемъ помѣщается скотъ; подобное устройство домовъ имѣть цѣлью сохранять тепло въ жиломъ помѣщесіи. Но, если неприхотлива вѣшняя обстановка крестьянъ, зато сколько роскоши и красоты встрѣчаемъ мы въ костюмѣ женщины! Штофный или шелковый сарафанъ, отдѣланный позументомъ, тонкая бѣлая рубашка съ пышными рукавами, парчевая душегрѣйка, съ густыми сборками внизу, масса бусъ на шеѣ и ленты въ косѣ. Главный интересъ представляетъ головной уборъ Пудожской крестьянки: онъ состоѣть изъ «короны», родъ кокошиника, вышитаго жемчугомъ и блестящими камнями; корона завязывается сзади большимъ бантомъ; спереди на самый лобъ надѣвается «поднизъ» — плетеная изъ бѣлаго конскаго волоса и упинанная жемчугомъ полоса, шириной въ три вершка, и изогнутая въ видѣ трехъ круглыхъ зубцовъ. Жемчугъ для этого убора берется мѣстный, цѣна кото-раго колеблется отъ 4-хъ до 8-ми рублей золотникъ. Въ холодное время сверху душегрѣйки надѣвается еще короткая шубка, тоже штофная съ большимъ, въ видѣ пелерины, воротникомъ изъ куньяго или лисьяго мѣха. Эта красивый костюмъ передается отъ матери въ дочери и т. д. Надѣвается онъ только въ торжественныхъ случаяхъ: на праздники, на выходъ въ церковь, на ярмарку, на гулянья. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ одежды крестьянъ средней полосы Россіи. Разницу составляетъ только шапка: зимою она носится изъ оленьяго мѣха, съ наушниками, лѣтомъ замѣ-

няется полотнищемъ головнымъ уборомъ, плотно обхватывающимъ голову и оставляющимъ свободной только небольшую часть лица. Этот уборъ, называемый «кукель», надѣвается во время лѣсныхъ и полевыхъ работъ, для защиты отъ укусовъ комаровъ, оводовъ и мелкой мошки, которой здѣсь носится цѣлыми тучами. Въ обыкновенное время и въ праздники этотъ уборъ замѣняется картузомъ. Въ общемъ типъ крестьянъ Олонецкой губерніи некрасивый: мужчины низкорослы, коренасты, женщины не превосходятъ ихъ въ физическомъ развитіи и по силѣ иногда поспорятъ съ ними, быть можетъ поэтому они исполняютъ всѣ полевые работы наравнѣ съ мужчинами— пашутъ, боронять, рубятъ дрова. Здѣсь боронять не такъ, какъ въ средней Россіи, гдѣ работникъ идетъ за бороной; здѣсь работникъ или работница сидѣтъ на лошади бокомъ и управляетъ ею. Зато охота является специальнымъ занятіемъ мужчинъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ она служить единственнымъ средствомъ къ жизни. Олонецкие охотники— всѣ искусные стрѣлки. Стрѣляютъ самодѣльною дробью и пулей, которыя сами отливаютъ изъ свинца. Охотятся не только на птицу, которой здѣсь масса: дикия утки всѣхъ породъ (бываются даже бѣлыя), лебеди, гагары, дикие гуси— по озерамъ, мошиники, тетерева, куропатки (бѣлыя), рабчики— по лѣсамъ, кроишины, дупель, бекасъ, гаршины, вальдшины— по лугамъ и болотамъ, но и на звѣра: медведя, лоса, оленя; волковъ и яланыцъ нѣть, но водится еще мелкій пушистый звѣрь, какъ напримѣръ: горностай, куница, выдра, норка и бѣлка. Большую услугу оказываетъ охотнику собака особой мѣстной породы, подъ названіемъ «лайка». Это средней величины собака, длинношерстая, съ острой мордой, короткими стоячими ушами; она бываетъ различной масти. Крестьяне очень дорожатъ своими собаками, особенно тѣми, которые даютъ и по звѣрю, и по птицѣ, что рѣдко соединяется въ одной собакѣ. На медведя они охотятся съ необыкновенной смѣлостью: бываетъ, что охотникъ съ простымъ ружьемъ и въ сопровожденіи одной только собаки выходитъ на медведя. Впрочемъ, чаще охотятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Замою окружаютъ звѣря въ берлогѣ, а лѣтомъ или подкарауливаютъ его на овѣѣ, или приманиваютъ на падаль. Въ обоихъ случаяхъ стрѣляютъ съ приготовленного заранѣе «лабаза». Лабазъ устраивается въ видѣ высокихъ наръ, аршина на три надѣ землей; на колы кладутся доски, сверху настилается сено и на него ложатся охотники. Лабазъ скрывается между деревьевъ.

Въ деревняхъ по озерамъ и рѣкамъ распространѣнъ рыбный промыселъ: ловятся лосось, палтус, сиги, семга и другія рыбы. Рыба эта большей частью отправляется въ Петербургъ; часть ея солится, сушится и составляетъ главное продовольствіе мѣстного населенія. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ; въ нѣкоторыхъ школахъ (Нижнегорская, Пудожскаго уѣзда) дѣтей обучаютъ токарному и столярному ремесламъ.

Олонецкая молодежь—девушки лѣтомъ заняты въ полѣ, а зимою изготавливаютъ пражу и холсты себѣ въ приданое. Для пряденія подруги собираются вмѣстѣ въ чью-нибудь избу и проводятъ время за работой въ пѣсняхъ и разговорахъ. На этихъ собранияхъ, называемыхъ «бесѣдами», парней на нихъ не бываетъ; девушки собираются днемъ и расходятся рано. Зато по праздникамъ бесѣды носятъ совсѣмъ другой характеръ: являются парни, приносятъ себѣ угощеніе и гармонику, и долго за полночь продолжаются пѣсни и пляска. Танцуютъ какой-то особенный танецъ съ такимъ множествомъ разнобразныхъ и мудреныхъ фигуръ, что сразу запоминить его нѣтъ возможности. Говорятъ, молодежь учится ему съ дѣтства. На бесѣдахъ молодымъ людямъ предоставляется полная свобода дѣйствий, и они пользуются ею вполнѣ, но не всегда благонравно. Парень выбираетъ себѣ девушку, съ которой сидѣть цѣлый вечеръ, и отъ него уже зависитъ позволить ей танцевать съ тѣмъ или другимъ или запретить. Нерѣдко изъ-за этого происходятъ сцены, въ которыхъ больше всего достается девушкѣ: на ней обрываютъ платье, бьютъ ее, таскаютъ за косу, а остальные равнодушно смотрятъ и считаютъ это въ порядке вещей. Часто завязываются драки между подпившими «кавалерами» и тогда девицы спасаются кто куда можетъ. Несмотря на безнравственность этихъ «вечорокъ», имъ оказывается поддержка со стороны стариковъ, которые полагаютъ, что безъ этого девушки не выйти замужъ. Дѣйствительно, на «вечоркахъ» нерѣдко решается судьба девушки. Если она понравилась парню, онъ выбираетъ ее въ теченіе несколькихъ вечеровъ подъ радѣ и затѣмъ засыпаетъ сватовъ къ родителямъ. По большей части и невѣста, и ее родные знаютъ отъ кого и когда будутъ сваты. Для этого дня заготовляется вино (водка) и овсяный кисель. Когда прѣѣзжаютъ сваты, родители прячутъ невѣstu за печку, а сами высказываютъ притворное недоумѣніе и даже недовольство и, поломавшись вдоволь, приступаютъ къ дѣлу. Разговоръ ведется «шепоткомъ», причемъ угощаются водкой. По мѣрѣ того, какъ вино начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, голоса повышаются и обѣ стороны входить въ азартъ. Сваты говорятъ, что у нихъ есть купецъ на товарь, имѣющійся у родителей, что имъ поручено приторговать этотъ товарь и т. д. Торгъ начинается съ концѣмъ въ доходить иногда до 50 р., но это рѣдко—обыкновенная цена 15—20 р. Когда торгъ конченъ, ударяютъ по рукамъ. Старший сватъ береть полу своего кафана, подъ которую кладеть руку отецъ невѣсты, а сватъ сверху ударяетъ рукой; тогда дѣло считается оконченнымъ. Свату подносить блюдо, на которое онъ высыпаетъ деньги. Поэтому весь сбрадъ сватанья называется «блюдо». Послѣ этого, отецъ разводить огонь подъ очагомъ, мать раздуваетъ уголекъ и отъ него отецъ зажигаетъ свѣчу, ставить передъ образомъ и всѣ молятся. Потомъ вызываютъ

дочь, она просить, чтобы женихъ самъ пріѣхалъ и по формѣ просить ее у родителей. Сваты послѣ обильного угощенья киселемъ уѣзжали. На другой день невѣста собирается къ себѣ всѣхъ родственниковъ, подругъ и знакомыхъ и «заплачку»; пріѣзжаетъ и женихъ со сватами и родными и привозить водку и пиво. Всѣ гости размѣщаются по старшинству: родители жениха и невѣсты подъ образами, за ними сидѣть «большушки» — старшая, послѣ матери, женщина въ домѣ, за нею почетные родственники и гости, затѣмъ «крестовушки» и подруги. «Крестовушками» называются ближайшія подруги невѣсты, съ которыми она обмѣнялась крестами. Со дnia «заплачки» и до самой свадьбы на долю невѣсты выпадаетъ трудная роль: ей приходится на распѣвъ говорить длиннѣйшіе манологи и дѣлать видъ, что ей очень тяжело разстаться съ дѣвичьей волей. Впрочемъ, дѣвушки съ дѣтства подготовлены къ этой роли: мнѣ случалось встрѣчать 9-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, которымъ со всѣми жестами умѣли произносить всѣ свадебныя пѣсни и выучились имъ со словъ матери. Если же дѣвушка плохо знаетъ причитанья, то ей помогаетъ пожилая «подголосица». Въ началѣ «заплачки» невѣста сидѣть за печкой на коробейкѣ со своимъ приданнымъ, потомъ выходить изъ-за печки, молится предъ образомъ и начинаетъ:

Боже, Господи, благослови,
Бѣлой лебеди загуркати,
Красной дѣвушкѣ заплакати и т. д.

Если дѣвушка сирота и выдаются ей родственники или воспитатели, то, вместо обращенія къ родителямъ, послѣ словъ: «тамъ слезно ли Богу молятся», скѣдуютъ слова:

Еще всѣ ли есть святители
Во собраныцѣ родители?
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобитицѣ,
Сама знаю, сама вѣдаю,
Самой можно догадаться,
Нѣту набольша святителя,
Пресвятой да Богородицы.
Еще нѣть у красной дѣвушки
Нѣть родитель моей матушки!
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобитицѣ,
Еще гдѣ есть у дѣвушки,
Гдѣ кормилецъ — родной батюшка?
Гдѣ родительница матушка,

Тепла права моя пазушка,
Ночная да богомольница,
Денная моя защитница?

Многія дѣвушки до того увлекаются своей ролью, что на заплачѣ го-
лосятъ до обморока. Кончается заплачка угощеніемъ со стороны жениха —
виною, со стороны невѣсты — конфектами, прянками и домашними лаком-
ствами. На слѣдующее утро невѣста просить у отца лошадей, приглашаетъ
«крестовушекъ» и съ ними вмѣстѣ объѣзжаетъ всѣхъ родныхъ и крестныхъ
родителей. Въ каждомъ домѣ невѣста произносить соответствующее причи-
танье и, кланаясь въ ноги, приглашаетъ на свадьбу. Дѣвушка сирота за-
ѣзжаетъ на могилы родителей и надъ ними произносить длинное причитанье
и плачетъ чуть не до обморока. Все время невѣста должна дѣлать видъ,
что ей очень тяжело выходить замужъ и поэтому одѣвается въ самыя ста-
рыя поношенныя одежды, которыя называются «рибуши». Этотъ обычай предсвя-
дебныхъ визитовъ называется «ѣзда съ доброфтомъ». Каждый кого посѣтить
невѣста долженъ ей приготовить хоть небольшой подарокъ: поэтому невѣстѣ
очень выгодно, если у нея много родныхъ. Подруги невѣсты, въ противо-
положность ей, одѣты въ свои лучшіе костюмы и должны выказать самое
веселое настроеніе. Все время поются пѣсни, изъ которыхъ самая популярная
слѣдующая:

Красота-ли моя красота.
Красота ли моя дѣвичья.
Я возьму ли свою красоту,
Я возьму ли свою дѣвичью
На свои ли ручки бѣлыя,
На свои перстни злаченыя.
Отнесу я свою красоту
Не подалече въ чисто поле.
Я кладу ли свою красоту,
Я кладу ли свою дѣвичью
И на землю, на талую,
На траву я на шелковую.
Отйду я прочь, послушаю,
Что не плачетъ ли красота моя.
Вотъ не тужить ли, да дѣвичья.
Вотъ по улицѣ суземской
Мужики шли деревенскіе,
На красу ли разглядѣлися,
На красу ли любовались,

На красоту дивовалися.
Еще чья-то это красота?
Еще чья-то это девичья.

Въ день вѣчанія, утромъ, невѣста, просыпаясь, садится на постель, начинаетъ причитать и плакать, а затѣмъ разсказываетъ сонъ, будто бы видѣній сю. Все это причитанье изложено въ видѣ пѣсни. Затѣмъ, собираются подруги, чтобы вести невѣstu въ баню, гдѣ будетъ происходить обрядъ «отнатія воли». Почему-то существуетъ повѣрье, что воля девушки сосредоточена въ косѣ. Поэтому невѣста всѣми усилиями старается воспрепятствовать расплетанію косы; она перевиваетъ ее многочисленными веревочками, ленточками, втыкаетъ булавки, даже перекидываетъ проволокой. Конечно, ничто не помогаетъ: въ банѣ подруги набрасываются на нее и, исколовши себѣ руки и выдергавъ массу волосъ у невѣсты, все-таки расплетаютъ косу. Тутъ начинаются нескончаемыя жалобы на насилие и пѣсни про «бажону волюшку». Изъ бани невѣstu приводятъ домой, чтобы одѣть въ вѣницу. Здѣсь опять строго соблюдаются правила не выражать радости по поводу свадьбы, и невѣста, со слезами, облекается въ «рибуши» и только лицо покрываетъ густой кисейной фатой. Когда нарядъ невѣсты законченъ, родители благословляютъ ее въ переднюю углу, наставляютъ, какъ угоджать мужу и выслушиваются благодарность и сожалѣніе по случаю разставанія. По приѣздѣ изъ церкви, родители невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у порога, ведутъ ихъ къ столу и сажаютъ подъ образами. Являются гости и по старшинству разсаживаются вокругъ стола. Дѣвушка на этомъ вечерѣ не бываетъ. Пируютъ далеко за полночь и только такая свадьба считается удачной, когда половина гостей очутится подъ столомъ отъ опьяненія. Въ ближайшій праздникъ послѣ свадьбы молодые катаются. Тутъ уже оба супруга разодѣты въ свои лучшіе костюмы и возсѣдаютъ на пѣхой грудѣ подушекъ, одѣяль и ковровъ, чтобы показать какое приданое у невѣсты. По дорогѣ, они низко клаваются всѣмъ встрѣчнымъ. Этимъ катаньемъ заканчиваются свадебныя празднества и начинается для молодухи обыденная жизнь, съ ея мелкими заботами по хозяйству, тяжелыми работами въ полѣ и рабскими подчиненіемъ мужу, свекору и свекрови. Для женщины съ ея замужествомъ кончается ея личная жизнь. Единственнымъ удовольствиемъ служить гулянье на ярмаркѣ и масляничное катанье, въ которомъ она участвуетъ вмѣстѣ со всей семьей. Остальное время она работаетъ наравнѣ съ мужемъ, и если является самой младшою женщиной въ домѣ, то несетъ на себѣ бремя и всѣхъ домашнихъ черныхъ работъ. Поэтому весьма понятно, что въ пѣнахъ, гдѣ отражается жизнь народа и его обычай, проскальзываетъ горькая ипотка и слышится жалоба на судьбу замужней женщины.

Въ заключеніе нужно прибавить, что въ Оловецкой губерніи кромъ «семейныхъ пѣсенъ» сохранился и другой видъ народнаго зпоса—былины, но говорить объ нихъ не буду, такъ какъ труды Рыбникова и Гильфердинга какъ нельзя лучше познакомили съ ними русскую читающую публику. Какъ исполненіе семейныхъ пѣсень выпало на долю женщинъ, такъ «сказителями» былины являются преимущественно мужчины.

Елизавета Дмитровская.

Розга въ дѣятельности одного волостного суда (1862—1895 гг.).

За періодъ времени съ 1862 по 1895 годъ въ Шисьменскомъ волостномъ судѣ Буйского уѣзда, Костромской губерніи, рѣшено было 1562 дѣла. Изъ нихъ дѣлъ, окончившихся присужденіемъ какихъ-либо наказаній, было 455, а дѣлъ, по которымъ присуждено тѣлесное наказаніе,—145. Такимъ образомъ, розга фигурировала въ судѣ болѣе, чѣмъ въ 9% всего количества разобранныхъ дѣлъ, а въ ряду другихъ наказаній составляла болѣе 32% общаго числа. Слѣдовательно, чуть не одно изъ трехъ дѣлъ, по которымъ волостной судѣ выносилъ наказаніе, кончалось обыкновенно розгами. За указанный промежутокъ времени это постыдное наказаніе было присуждено 177 лицамъ, изъ которыхъ только для 9 человѣкъ было отмѣнено или Уѣзднымъ Присутствіемъ, или Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, или земскими начальникомъ, или Уѣзднымъ Съѣздомъ, или, наконецъ, было прощено обидимымъ уже послѣ судебнаго решения. Значитъ, за 34 года свободной крестьянской жизни розга «гуляла» въ этой волости по спинамъ 169-ти взрослыхъ людей. Ея отношеніе къ общему количеству дѣлъ каждого года и къ количеству дѣлъ, окончившихся присужденіемъ наказанія вообще, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число лицъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ.	Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ.
1862	7	4	1	1	1868	1	1	1	2
1863	7	3	3	3	1869	2	1	1	1
1864	5	2	1	1	1870	7	4	3	3
1865	7	3	3	3	1871	17	16	12	13
1866	—	—	—	—	1872	10	8	6	6
1867	1	1	1	1	1873	11	8	6	18

Годы.	Общее число дѣлъ.				Годы.	Общее число дѣлъ.			
	Число дѣлъ съ наказа-ниями.	Число дѣлъ съ тѣлесны-ми наказа-ниями.	Число лицъ, присужден-ныхъ къ тѣлеснымъ наказаниямъ.	Число дѣлъ съ наказа-ниями.		Число тѣлесныхъ наказа-ний.	Число лицъ, присужден-ныхъ къ тѣлеснымъ наказаниямъ.	Число дѣлъ съ наказа-ниями.	Число тѣлесныхъ наказа-ний.
1874	5	4	4	4	1885	70	24	11	11
1875	3	2	2	1	1886	37	8	5	7
1876	19	9	5	6	1887	71	26	7	7
1877	20	9	4	5	1888	49	15	3	4
1878	59	27	8	11	1889	54	12	5	5
1879	37	22	7	7	1890	68	26	8	10
1880	23	12	6	7	1891	92	22	2	2
1881	36	9	3	4	1892	149	17	1	1
1882	78	13	4	4	1893	95	22	3	4
1883	91	34	10	14	1894	152	34	2	3
1884	64	21	7	7	1895	215	36	1	1

Изъ этой таблицы видно, что тенденция къ присуждению розогъ была въ Письменскомъ волостномъ судѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ время было ближе къ крѣпостному праву, и что она въ особенности замѣтно ослабѣла, начиная только съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, на которые падаетъ также 8 изъ 9-ти вышеуказанныхъ случаевъ неприведенія судебныхъ рѣшеній въ исполненіе. Помимо общаго возвышенія чувства самосознанія и собственнаго достоинства въ крестьянствѣ, немалою причиной этого сокращенія розги является здѣсь отрицательное отношеніе къ иной мѣстнаго земскаго начальника, почему въ послѣдніе годы Письменскій судъ, насколько намъ известно, пересталъ совсѣмъ присуждать розги, зная, что, все одно, онъ не получать утвержденія свыше. Поэтому, если въ первые годы своего бытія судъ имался иногда существующимъ какъ будто только для того, чтобы назначать провинившимъ крестьянамъ розги,— такъ мало было въ немъ общее количество дѣлъ и такъ велико процентное отношеніе въ нихъ тѣлесныхъ наказаний,— то послѣдніе годы дѣятельности того же суда весьма значительнымъ увеличеніемъ судебныхъ дѣлъ вообще и постепеннымъ доведеніемъ въ нихъ до нуля употребленія розогъ доказываютъ возростающее въ сильной степени правосознаніе населения, для котораго розга становятся уже печальнымъ пережиткомъ прошлаго.

Впрочемъ, у суда, какъ чисто судебнаго учрежденія, не было и вида

особенно сильного тяготения къ розгѣ: онъ практиковалъ ее въ значительномъ большинствѣ случаевъ тогда, когда являлся не столько судебной, сколько административно-карательной инстанціею. Поэтому изъ 177 лицъ, присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, 80 человѣкъ, т. е. чуть не половина, были осуждены не за какіе-либо единичные проступки, а по представлѣніямъ различныхъ административныхъ лицъ, главнымъ образомъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, по преимуществу за неплатежъ недоимокъ, пьянство и нерадѣніе къ дому. Волостными старшинами было танимъ образомъ наказано розгами 30 человѣкъ, сельскими старостами — 47 и по донесенію становыхъ пристановъ и полицейскихъ урядниковъ о праздношатательствѣ въ торговомъ селѣ Молитнѣ — 3 человѣка. Къ недоимочности и нерадѣнію о хозяйствѣ въ одномъ изъ этихъ случаевъ прибавлена была, какъ отягчающая вину подробность, грубость старшины со стороны дочери недоимщика, которую онъ отдалъ за недоимку отца въ работницы къ которой на это, едвали законное, распоряженіе ея лачностью отвѣтила, что она въ работницахъ жить не будетъ. Въ другомъ случаѣ по представлѣнію сельского старосты былъ наказанъ 20 ударами розгъ одинъ крестьянинъ не за недоимку и пьянство, а за то, что онъ, какъ подтвердило все общество, имѣлъ обыкновеніе принимать слишкомъ живое участіе въ общественной жизни,—кричать и мѣшать на сельскихъ сходахъ. Оба эти случая въ особенности сильно отзываются административнымъ произволомъ,—можетъ быть, потому, что они были еще на-утрѣ крестьянской свободы: первый 7 іюля 1863 г. а второй 10 октября 1865 года.

Что судъ былъ щедрѣе на тѣлесные наказанія по административнымъ доношеніямъ, чѣмъ по чисто судебнѣмъ дѣламъ, видно и изъ того, что высшую мѣру этого наказанія, 20 розогъ, онъ употреблялъ здѣсь чаще, чѣмъ въ дѣлахъ другого рода, и наказалъ ею изъ 80 человѣкъ 37 лицъ, тогда какъ въ дѣлахъ прочихъ примѣнилъ ее къ 40 лѣтамъ изъ 97 человѣкъ. Судомъ наблюдалось пристомъ въ употребленіи означенной мѣры наказанія нѣкоторая градациѣ,—въ зависимости отъ значенія должностного лица, по представлѣніямъ котораго она назначалась. Такъ, изъ 30 человѣкъ, наказанныхъ розгами по донесенію волостныхъ старшинъ, получили по 20 розогъ 16 человѣкъ,—болѣе половины общаго числа, тогда какъ по представлѣніямъ сельскихъ старостъ 20-ю розгами наказаны были изъ 47 человѣкъ только 18 лицъ,—число уже значительно меньшее половины. Низшая же мѣра практиковавшагося въ судѣ тѣлесного наказанія, 5 розогъ, въ дѣлахъ этого рода совсѣмъ не употреблялась. И изъ остального количества наказанныхъ по административнымъ представлѣніямъ лицъ 22 человѣка получили по 15 розогъ, 1 человѣкъ—12 розогъ и 20 человѣкъ—по 10 розогъ.

Въ дѣлахъ же, въ собственномъ смыслѣ судебнѣхъ, розги назначались

больше всего за побои, такъ что за рассматриваемое 34-лѣтіе судебнай дѣятельности Письменского суда онъ были присуждены 52-мъ провинившимъ въ этомъ отношеніи лицамъ. Изъ нихъ 8 человѣкъ были осуждены за побои женщинамъ. При этомъ только четвертая часть ихъ получила по 20 ударовъ, тогда какъ за побои мужчинамъ высшая мѣра наказанія была употреблена по отношенію къ 17-ти лицамъ изъ 46, т. е. больше чѣмъ для трети общаго числа. Послѣднее не значить однако, что во мнѣніи суда побои, нанесенные женщинѣ, являются менѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ побои, причиняемые мужчинѣ, такъ какъ обстоятельство это уравновѣшивается тѣмъ, что за остальные проступки первого раза были присуждены все-таки сравнительно высокія мѣры наказанія: четырѣмъ было назначено по 15-ти розогъ и одному—12, между тѣмъ какъ за побои, нанесенные мужчинамъ, въ 14-ти случаяхъ было опредѣлено только по 10-ти розогъ. Правда, и за побои женщинѣ было присуждено въ одномъ случаѣ только 5 ударовъ розги, но это потому, что обвиняемый чисто-сердечно сознался въ своемъ проступкѣ, что и было принято судомъ во вниманіе ¹⁾). Между тѣмъ вышеуказанные 12 розогъ за оскорблѣніе дѣйствіемъ женщины были назначены лицу, нанесшему побои не одной женщинѣ, но и ея мужу ²⁾; точно также двое, получившіе по 15-ти розогъ, избили не только женщину, но и сына ея ³⁾). Такимъ образомъ присутствіе, въ качествѣ потерпѣвшаго, мужчины являлось въ этихъ случаяхъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ, тогда какъ, повидимому, оно должно бы было усилить наказаніе, потому что самъ проступокъ былъ совершенъ вѣдь противъ большаго количества лицъ. Но, очевидно, во мнѣніи суда драка между мужчинами является не такъ преступной для обидчика, какъ побои его женщинѣ, такъ какъ драка эта почти всегда бываетъ до известной степени обходною. Если же и за побои, нанесенные мужчиною мужчинѣ, высшая мѣра тѣлеснаго наказанія все-таки примѣнялась судомъ въ довольно значительномъ количествѣ, то это происходило часто потому, что въ такихъ случаяхъ присоединились къ главному проступку еще другія обстоятельства, которыя, собственно, и усиливали вину. Такъ, напримѣръ, увеличивающими вину обстоятельствами, какъ выражался въ одномъ своемъ решеніи судъ ⁴⁾, служили разъ «тѣ орудія, которыми нанесены обвиняемыми побои, а именно колья, которыми совершиенно можно было нанести увѣчіе и даже смерть». Въ другой разъ такимъ же увеличивающимъ вину обстоятельствомъ явилось то, что побои нанесены были въ «публичномъ мѣстѣ», на улицѣ ⁵⁾; въ третій,—что били двое одного ⁶⁾; въ четвертый,—что побои, хотя и легкіе, были засвидѣтельствованы врачемъ ⁷⁾,

¹⁾ 23 июля 1878 г.; ²⁾ 14 февраля 1871 г. ³⁾ 13 мая 1871 г. ⁴⁾ 1880 г., дѣло № 20. ⁵⁾ 1880 г., № 17. ⁶⁾ Дѣло 28 августа 1877 г. ⁷⁾ 1884 г., № 46.

и дѣло такимъ образомъ уже выходило изъ своего, такъ сказать, семейно-волостного круга, въ т. д.

Въ общей сложности, за тѣ и другіе побои розга была назначена въ слѣдующихъ размѣрахъ: по 20 ударовъ—19-ти лицамъ, по 15—17-ти, по 12—1-му, по 10—14-ти и по 5—одному лицу.

Третьимъ по количеству присужденныхъ къ тѣлесному наказанію лицъ преступкомъ является словесное оскорблѣніе, за которое Письменскій судъ присудилъ впродолженіе 34 лѣтъ своей жизни 13 человѣкъ, и между ними даже одну женщину, и даже послѣ 23 апрѣля 1863 года, когда послѣдовалъ Высочайший указъ объ освобожденіи женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Это удивительное рѣшеніе, примѣръ которому едва ли наберется много, было постановлено судомъ 15 августа 1863 года по отношенію къ крестьянкамъ деревни Толстикова, Елизаветѣ Ивановой, которая провинилась тѣмъ, что вмѣстѣ съ мужемъ обругала «гусинными словами» патерыхъ дѣвицъ той же деревни. Мужа ея дѣвицы на судѣ прошли, а ее не пожелали простить, и судъ присудилъ ей, какъ женщинѣ «характера сварливаго», 20 розогъ. Въ книгѣ судебныхъ решений нѣтъ сдѣловъ, чтобы это постановленіе было отмѣнено, и нужно думать, что оно было приведено въ исполненіе.

На оскорблѣніе словами судъ вообще глядѣлъ неожиданно строго и, если уже присуждалъ за это тѣлесное наказаніе, то по большей части въ высшей его мѣрѣ, которая и была назначена имъ для 8-ми лицъ изъ 13-ти. Да и въ остальныхъ 5 случаяхъ этого рода количество опредѣляемыхъ розогъ было не незначительное: для 4-хъ лицъ по 15 ударовъ и для одного—13. Оскорблѣніе женской и въ частности дѣвической части здѣсь ставилось безусловно выше, чѣмъ мужской, и потому всѣ 4 случая подобныхъ оскорблѣній были наказаны каждое по 20-ти розогъ. Изъ мужскихъ же оскорблѣній этой мѣрою въ 2-хъ случаяхъ была оценена словесная обида старшины, въ одномъ—оскорблѣніе цѣловальника, тоже своего рода почтеннаго лица, и въ одномъ—клевета въ воромствѣ. Оскорблѣніе волостного судьи и даже цѣлой деревни было наказано легче, чѣмъ обида кабатчика: только по 15 розогъ каждое, оскорблѣніе же пономари даже и того менѣе: лишь 13-ю ударами розги. Ниже этой послѣдней мѣры тѣлесное наказаніе за словесныя оскорблѣнія не назначалось.

Въ дѣлахъ семейнаго характера тѣлесное наказаніе было присуждено въ 11-ти случаяхъ, изъ которыхъ 8 касаются нарушенія дѣтьми долга поченія предъ родителями и обязанности доставлять имъ пропитаніе въ ста-
ростіи. Въ четырехъ случаяхъ это непочтеніе было обнаружено по отношенію къ отцамъ и сопровождалось въ двухъ случаяхъ пьянствомъ, въ третьемъ—недачей пропитанія со стороны уже отдѣленнаго сына, и въ четвертомъ—

самовольнымъ отдѣломъ отъ отца. По приговору суда сынъ, жившій въ раздѣлѣ, кромѣ наказанія розгами, обязанъ былъ къ ежегодной выдачѣ на прокормъ отца 15 пудовъ ржаного хлѣба, а на самовольный отдѣлъ отъ отца судъ посмотрѣлъ такъ снисходительно, что не только не призналъ его недѣйствительнымъ, но и наказаніе за проступокъ положилъ сравнительно мягкое: именно 10 ударовъ розгами ¹⁾), тогда какъ три первыхъ проступка были наказаны по 20 ударовъ каждый. Очевидно, семейныя обстоятельства, которые обыкновенно вызываютъ въ крестьянствѣ незаконные съ формальной точки зреія раздѣлы, были здесь приняты судомъ въ качествѣ смягчающаго вину обстоятельства.

Въ двухъ случаяхъ непочтительность къ матери была наказана розгами, и въ обоихъ лишь по 15-ти ударовъ. Только 15-ю розгами былъ наказанъ нѣкій непочтительный сынъ даже не за одно оскорблѣніе словами матери, и еще за то, что обрубилъ у ней веревки на санихъ и ударилъ ее корову такъ сильно, что та выкинула ²⁾),—слѣдовательно совершилъ въ общей сложности три довольно значительныхъ проступка. На провинности этого рода по отношенію къ отцамъ взглядъ суда былъ такимъ образомъ нѣсколько строже.

Приватные въ домъ заты, по жалобамъ тестя или тещи на ихъ непородочную жизнь, были приговорены судомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ и сыновья по жалобамъ родителей, въ двухъ случаяхъ: одномъ, по жалобѣ тестя, заты назначено было 20 розогъ; въ другомъ, по жалобѣ тещи на то, что заты, пьяница, не кормить семейство,—15 розогъ.

Остальные дѣла семейнаго характера, окончившіяся присужденіемъ розги, любопытны въ особенности потому, что въ нихъ карались этимъ строгими наказаніемъ проступки уже не сына, а отца и мужа. Судъ, слѣдовательно, считалъ значительнымъ преступленіемъ не только непочтительность къ отцу, матери и тестю или тещѣ, но также неисполненіе обязанностей отца къ своимъ дѣтямъ и мужа къ женѣ. Поэтому, напримѣрь, 7 октября 1871 года было назначено 15 розогъ крестьянину деревни Галкина, Елисѣю Иванову, за стѣсненіе жены и дѣтей въ пропитаніи, а 20 февраля 1873 года за жестокое обращеніе съ женой, по жалобѣ ея, присуждено было 5 розогъ крестьянину Малаго Куданова, Гаврилу Андрееву. Точно также 19 сентября 1882 года мужа крестьянки деревни Рожнова, Александры Никитиной, заочно приговорили къ 20-ти ударамъ разги за побой ей и расточеніе имущества, такъ что этимъ и вышеуказанными рѣшеніями своими судъ вовсе не являлся выразителемъ мѣстнаго «обычного права», по которому мужъ можетъ «учить» свою жену, какъ ему захочется.

¹⁾ 20 августа 1889. ²⁾ 30 ноября 1892.

Тѣлесное наказаніе за кражу было присуждено 8-ми лицамъ. На это преступленіе судъ смотрѣлъ вообще не особенно строго, и потому изъ 8 человѣкъ вышестоящій мѣрѣ наказанія подвергся только одинъ, уличенный въ кражѣ двухъ мѣшковъ хлѣба, произведенной имъ при приемѣ въ запасный магазинъ въ сообществѣ съ 7-ю другими лицами, изъ которыхъ разгами наказаны были еще трое, по 15 ударовъ каждый ¹⁾). Изъ остальныхъ случаевъ присужденія разги за кражу въ одномъ было назначено 15 разогъ и въ трехъ—по 10-ти; причемъ послѣдняя мѣра наказанія послѣдовала: за воровство корзины съ вещами на сумму въ 2 рубли, за кражу четырехъ мѣшковъ хлѣба и за похищеніе волка выѣстѣ съ капканомъ, въ который тотъ попался.

Присвоеніе чужихъ вещей повело къ присужденію разги для двухъ лицъ, по 10 ударовъ каждому, причемъ въ одномъ случаѣ было, пожалуй, наказано болѣе неискусство въ ремеслѣ, чѣмъ дѣйствительное присвоеніе чужой вещи. Это случилось по жалобѣ крестьянки деревни Бахмурова, Аѳимы Алексѣвой, на портного, крестьянина деревни Малаго Куданова, Антропа Иванова, которому первая отдала 2 аршина сукна для шитья мужской чайки. Антропъ Ивановъ спилъ чайку, но остатка отъ сукна не представилъ никакого, а между тѣмъ у крестьянки Авдотьи Степановой отъ такого же количества сукна остатокъ оказался, да и самая чайка вышла просторѣче. На судѣ обѣ чайки были сравнены, и чайка Аѳимы Алексѣвой оказалась дѣйствительно короче и уже, чѣмъ у Авдотьи Степановой. Портной былъ долженъ поэтому уплатить истецѣ 1 рубль и подвергнуться кромѣ того тѣлесному наказанію ²⁾.

За порубку чужого лѣса было два раза присуждено тѣлесное наказаніе одному ³⁾ тому же лицу,—въ одномъ случаѣ 20 разогъ, а въ другомъ—15, причемъ виновный кромѣ того обязанъ былъ возвратить владельцамъ стоимость срубленнаго лѣса.

Непочтеніе къ органамъ крестьянскаго самоуправления вызвало тѣлесное наказаніе для двухъ лицъ: одинъ былъ наказанъ 15-ю разгами, по жалобѣ писаря, за то, что явился въ волостное правленіе пьянымъ, а другой получилъ 20 разогъ за то, что, обвиняемый въ присвоеніи чужихъ денегъ не только не сознавался въ этомъ, но и грубилъ суду.

Крѣпостныя преданія съ ихъ обильными наказаніями разгами по усмотрѣнію помѣщиковъ нашли отголосокъ въ судѣ въ двухъ случаяхъ: 7 мая 1862 года было присуждено, по приказанію мирового посредника, 20 разогъ крестьянину деревни Высокова, Ивану Пантегжеву, за неисполнение издѣльной повинности помѣщицѣ Ивашинцевой и за грубости и непріятности ей, а 21 февраля 1867 года былъ приговоренъ къ тому же наказанію крестьянину деревни

¹⁾ 20 августа 1878. ²⁾ 27 мая 1879.

Сирона, Иванъ Григорьевъ, за то, что ночью отломилъ замокъ въ господскомъ домѣ г. Ивашинцевой, напугалъ ея экономку и ударилъ кухарку. Въ обоихъ, такимъ образомъ, случаяхъ непріятности г. Ивашинцевой оцѣнены были, по старой памяти, высшою мѣрою наказанія.

Высшою же мѣрою тѣлеснаго наказанія были наказаны два лица за своеобразное допущеніе мальчика къ развратному, по выражению суда, поведенію. Это были крестьяне деревни Башкова, Михайло Алексѣевъ и Алексѣй Егоровъ. Сынъ первого изъ нихъ учился въ Молвитинскомъ училищѣ, вѣроятно, на волостныхъ средства. Послѣ лѣта рѣшили отдать его въ училище опять и送или ему новую сибирку. Но мальчику «бездна премудрости», видно, ужъ надоели; онъ не захотѣлъ учиться и скрывался у Алексѣя Егорова (дѣдушки?). Судъ постановилъ сибирку у него отобрать, а отца и Алексѣя Егорова наказать по 20-ти ударовъ розгами: первого—«за допущеніе сына къ развратному поведенію», а второго—за поощреніе къ этому¹⁾.

За буйство, выразившееся въ разбитіи стеколъ и ударахъ по чужимъ воротамъ жердью, былъ приговоренъ къ 20-ти розгамъ одинъ человѣкъ.

Наконецъ, розгами же было наказано одно преступленіе религиознаго характера: присуждено 15 ударовъ одному парню, по жалобѣ мѣстнаго причта, за безобразіе, учиненное имъ на колокольнѣ во время пасхальнаго гулянья.

Чаще всего, такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе присуждалось къ Письменскому судѣ въ дѣлахъ административнаго порядка, по представлениимъ своихъ же должностныхъ лицъ и по соображеніямъ собственно фискального характера, въ которыхъ судъ, можетъ быть, являлся строгимъ, главнымъ образомъ потому, что въ этихъ дѣлахъ, вслѣдствіе круговой поруки общества, затрагиваются имущественные, наиболѣе чувствительныя интересы крестьянства. Слѣдующую, затѣмъ, ступень занимаетъ наиболѣе возмутительное зло деревни—кулачное насилие и нещечатное слово, а за нимъ—непочтеніе къ родителамъ и неуваженіе чужой собственности. Въ этихъ, главнымъ образомъ, дѣлахъ розга практиковалась, а все остальное является по отношению къ ней уже болѣе или менѣе случайнымъ. Сравнительно небольшое присужденіе розги въ чисто-судебныхъ дѣлахъ свидѣтельствуетъ, что суду никогда не было особенно присуще убѣжденіе въ ея врачующей нравственное зло силѣ, и потому въ настоящее время Письменский волостной судъ фактически разстался съ этимъ позорнымъ наказаніемъ безъ большого сожалѣнія. Нельзя поэтому не признавать, что изъ розги крестьянинъ здѣсь уже выросъ, и что ея законодательное изгнаніе изъ практики суда—вопросъ, подготовленный самимъ живымъ.

θ. Покровский.

¹⁾ 7 октября 1876.

О принятии чукочь въ русское подданство.

Легенды и документы.

Якутская этнографическая экспедиция была снаряжена Восточно-Сибирским Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на средства И. М. Сабирякова въ 1894 году и организована изъ местныхъ изслѣдователей бывшимъ тогда правителемъ дѣлъ Отдѣла Д. А. Клеменцомъ.

Въ кругъ изслѣдований экспедиціи вошли три округа: Якутскій, Олекминскій и Колымскій. Изученіе народностей Колымскаго округа было произведено г. Іохельсономъ и мноз., причемъ я изучалъ оленныхъ чукочъ, каменныхъ ламутовъ и русскихъ порѣчанъ. Подробныя свѣдѣнія о результатахъ моихъ работъ изложены въ моемъ «Краткомъ отчетѣ объ изслѣдованіи чукочъ Колымскаго края». «Извѣстія В. С. О. И. Р. Г. О.» за 1899 г., т. XXX, выпускъ 1-й.

Столкновенія русскихъ съ чукчами начались съ первыхъ же встрѣчъ съ ними въ половинѣ 17 вѣка. Такъ, уже Семенъ Дежневъ во время своего плаванія кругомъ сѣверо-восточной оконечности Азіи имѣлъ нѣсколько стычекъ съ чукчами не далеко отъ мыса Дежнева въ 1648 году. Съ тѣхъ поръ борьба съ чукчами продолжалась въ теченіе вѣка, но въ данномъ случаѣ казаки, привыкшіе при покореніи юкагировъ и ламутовъ къ легкимъ и часто безкровнымъ успѣхамъ, наткнулись на ожесточенное сопротивленіе, тѣмъ болѣе поразительное, что народъ, оказавшій его, т. е. чукчи, былъ совершенно лишенъ всякой общественной организаціи и только на время борьбы выдвигалъ въ видѣ временныхъ предводителей наиболѣе сильныхъ и отличившихся въ сраженіи воиновъ.

Изъ этой борьбы казаки не только не вышли побѣдителями, но были разбиты на голову и два послѣднихъ предводителя погибли въ сраженіяхъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ: Афанасій Шестаковъ — 14 марта 1730 года на рекѣ Егачѣ и Дмитрій Павлуцкій 15 марта 1747 на верховѣй реки Дабугена. Наконецъ, въ 1776 году бесплодная трата людей въ этой борьбѣ была прекращена, и Анадырская крѣпость, выдвинутая противъ чу-

кочъ, въ качествѣ форпоста, уничтожена, а гарнизонъ, амуниція и запасы переведены отчасти въ Колымскъ, отчасти въ Гижигинскъ.

Пораженіе Павлускаго имѣло болѣе важное значеніе, такъ какъ отрядъ Павлускаго былъ гораздо больше. По мѣстному русскому преданію, Павлускій былъ разбитъ и погибъ оттого, что часть казаковъ, наскучивъ неимовѣрными трудностями походовъ, въ рѣшительную минуту не пришли къ нему на условленное мѣсто. Предводителемъ этой части казаковъ преданіе называетъ пятидесятника Кривогорнацына, послѣдній потомокъ котораго, Митрофанъ Кривогорнацынъ, слѣпой нищій, еще живетъ на Колымѣ въ Походской деревнѣ.

Чукчи не ограничивались побѣдами на тундрѣ, но являлись нѣсколько разъ на Колыму въ байдарахъ и подвергали замки и деревни жестокому разгрому. Такъ, одинъ изъ поселковъ до сихъ поръ носитъ название Погромнаго, а другой называется Дуванинъ, потому что тамъ чукчи будто бы дуванили добычу. Въ 30 верстахъ отъ Нижнеколымска одна рѣчка носить имя Томиловки, такъ какъ на ея берегахъ томилась израненная девушка, убѣжавшая изъ разграбленного чукчами поселка.

Сношенія съ чукчами были возобновлены въ 1789 г. зашиверскимъ комиссаромъ Банинеромъ. Зашиверскъ—городъ на Индигиркѣ, нынѣ упраздненный; но въ концѣ прошлаго вѣка зашиверскому комиссару подчинился также и Колымскій округъ. Банинеръ убѣдилъ нѣкоторыхъ чукчъ соглашаться на платежъ ясака, но взамѣнъ за ясакъ исхлопоталъ имъ выдачу подарковъ отъ казны, превышавшихъ стоимость ясака. Эти подарки по отношенію къ оленнымъ чукчамъ были отмѣнены барономъ Майделемъ. Въ видѣ археического остатка уцѣлѣла еще выдача казенныхъ подарковъ на Ануйской ярмаркѣ восьми торговцамъ, приходившимъ съ Чукотскаго носа, въ обмѣнъ за ихъ ясакъ. Весенняя ярмарка была учреждена Банинеромъ же первоначально на р. Ангаркѣ, впадающей въ р. Большой Ануй, но въ началѣ текущаго вѣка переведена на р. Малый Ануй, гдѣ была для этого срублена деревянная крѣпость самой примитивной формы, собственно говоря, просто группа избъ, обнесенная высокимъ заборомъ. Обороты этой ярмарки очень скоро достигли 200,000 рублей, что для безлюднаго края представляется суммой весьма значительной. Но въ настоящее время обороты эти упали до 10,000 р., т. е. въ 20 разъ, по той причинѣ, что три четверти торговли перешло къ американцамъ, а послѣднія четверть отвлечена на Анадырь, гдѣ русские товары, какъ привозимые морскимъ путемъ, дешевле, чѣмъ на Колымѣ.

Еще въ 1895 году, во время первой поѣздки по стойбищамъ Ануйскихъ чукчъ, я имѣлъ случай слышать, что во владѣніи одной семьи, проживающей на верховьяхъ рѣки Лабугена, имѣется какая-то старая грамата отъ времени прекращенія войнъ, какъ опредѣляли разказы

чики. Описывали ее, впрочемъ, самымъ противорѣчивымъ образомъ даже очевидцы. Одни говорили, что она начертана на свѣтлой пестро же лѣзной доскѣ и похожа на щитъ; другие утверждали, что это знамя, никогда отнятое чукчами у разбитаго ими отряда Якунина (чукотское имя Павлуцкаго); третьи, наконецъ, уверяли, что это ничто иное, какъ лоскуть одежды ивко-его знаменитаго русскаго шамана, который (т. е. лоскуть) до сихъ поръ обладаетъ весьма дѣйствительными чародѣйскими свойствами. Привыкнувъ къ преувеличениямъ чукачъ, я не придавалъ особаго значенія этимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было вхать совсѣмъ въ другую сторону.

Въ 1897 году, во время поѣздки по переписи, мнѣ пришлось посѣтить и вышеуказанную семью и я, конечно, не преминулъ распросить о предполагаемой граматѣ, намѣреваясь приобрѣсти ее, если это мнѣ окажется по средству. Оказалось, что на стойбищѣ дѣйствительно имѣются какія-то старыя бумаги и медаль. Владѣтельницей ихъ была семидесятилѣтняя старуха Пынчекауръ, нѣкогда знававшая лучшія времена, но теперь приютившаяся изъ милости на стойбищѣ своего двоюроднаго племянника Кет-Аймака. Старуха по-видимому очень ревниво относилась къ этимъ бумагамъ, доставшимся ей послѣ покойнаго мужа и даже отказалась показать ихъ мнѣ, объяснивъ, что она покинула ихъ въ весенней бѣставѣ¹⁾, въ пятидесяти верстахъ отъ настоящаго стойбища. Впрочемъ, вечеромъ Кет-Аймакъ, въ качествѣ хозяина стойбища, считавшій себя имѣющимъ право на эти бумаги, сообщилъ мнѣ конфиденциально, что онъ могъ бы послать за ними человѣка, если только я захочу заплатить за проѣздъ. При этомъ онъ назначилъ такую высокую цифру вознагражденія, что я предпочелъ отклонить предложеніе, тѣмъ болѣе что былъ вполнѣ убѣженъ, что бумаги находятся тутъ же на стойбищѣ и что вхать за ними никому не придется. Быть можетъ, не лишнее замѣтить, что почтенный хозяинъ стойбища слытъ между сосѣдами за отъявленного плута и даже имя его Кет-Аймакъ (мерзлая туша) было въ сущности не вменять, а прозвищемъ, которое ему было присвоено послѣ того, какъ онъ былъ пойманъ съ подличнымъ въ кражѣ мерзлой оленѣй туши. Настоящаго его имени я такъ и не могъ узнать, ибо по весьма распространенному обычью онъ ревниво скрывалъ его и откликался только на свою партизанскую кличку. Я простеръ наружное равнодушіе къ бумагамъ Пынчекауръ до такой степени, что на другое утро уѣхалъ къ моему старому приятелю Левтыкѣ, стойбище котораго находилось въ восьми верстахъ. Передъ отѣзdomъ Кет-Аймакъ предложилъ мнѣ уже прямо купить бумаги, но снова назначилъ размѣры уплаты, далеко превосходившіе всѣ мои наличные ресурсы въ то время.

¹⁾ Чукачи и замуты оставляютъ вблизи весеннаго кочевья часть вещей, употребляемыхъ лѣтомъ, имѣя въ виду захватить ихъ при возвращеніи съ зимовки на якоты.

Платежнымъ средствомъ, конечно, являлись не деньги, а кирпичный чай и листовой табакъ, и я, по обыкновенію, былъ снабженъ этими продуктами въ весьма ограниченномъ количествѣ и волей-неволей долженъ былъ сокращать размѣры своихъ расходовъ и раздачъ подъ угрозой потерпѣть немедленное банкротство среди океана чукотскихъ требованій. Въ данномъ случаѣ я разсчитывалъ на то, что бумаги не представляли для жителей стойбища никакой реальной цѣнности, такъ какъ мужское поколѣніе семьи, владѣвшее ими, вымерло, а чукчи вообще относятся довольно подозрительно къ домашнимъ счастыямъ и реликвіямъ чужихъ семей и неохотно принимаютъ ихъ въ свою собственную домашнюю сокровищницу. Такъ какъ чай и табакъ на окрестныхъ жительствахъ цѣнился тогда почти на вѣсъ золота, то я былъ убѣжденъ, что Кэт-Аймакъ не упустить окончить сдѣлку къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Дѣйствительно, вечеромъ того же дня ко мнѣ явился племянникъ Кэт-Аймака, Лёлѣ, съ предложеніями гораздо болѣе скромнаго характера и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ мы согласились обмѣнѣть бумаги Пыничекаурь на полтора кирпича чаю и два фунта табаку. По окончаніи переговоровъ Лёлѣ уѣхалъ за бумагами, которыми, конечно, находились вовсе не въ пятидесяти верстахъ, а на самомъ стойбищѣ въ одномъ изъ дорожныхъ мѣшковъ старухи Пыничекаурь, но которая онъ почему-то не заблагоразсудилъ привести сразу. Часа черезъ четыре онъ вернулся и, забравшись въ пологъ, гдѣ мы сидѣли, вручилъ мнѣ маленький, плоский, полуизломанный ящичекъ, обвязанный веревочкой и содержащий дѣйствительно большую серебряную медаль и отрывки двухъ документовъ о принятіи чукачъ въ русское подданство.

Впрочемъ, въ то время я едва успѣлъ осмотрѣть наружный видъ ящика, какъ вниманіе мое было отвлечено въ другую сторону. Надо сказать, что мы сидѣли тогда въ шатре Омрые, шурина Левтыки. Ровтынга, жена Омрые, женщина довольно чахлого вида, вдобавокъ недавно разрѣшившаяся отъ бремени, въ качествѣ хозяйки находилась съ нами, хотя ребенокъ изъ благоразумной предосторожности передъ чужеплеменниками былъ удаленъ въ самый задний шатерь. Когда Лёлѣ уѣхалъ за бумагами, Омрые высказалъ предположеніе, что появление ихъ можетъ причинить вредъ присутствующимъ. Я послѣдилъ увѣрить его въ благонадежности содержанія этихъ бумагъ (миною еще не виданныхъ) и на этомъ дѣло окончилось. Въ качествѣ человѣка, привычного къ общению съ русскими, Омрые стѣснялся высказать свои опасенія въ полномъ объемѣ, я же никакъ не предлагалъ, что чукотское отвращеніе къ реликвіямъ чужихъ семей заходить такъ далеко, какъ оказалось потомъ.

Какъ бы то ни было, какъ только я взялъ ящичекъ, привезенный Лёлѣ и принялъ его развязывать, Ровтынга вдругъ какъ-то особенно по

танула носомъ воздухъ, тихо простояла и къ моему изумлению и даже ужасу лишилась чувствъ и упала навзничь, недвижная и окостенѣла, какъ трупъ. Омрыэ съ крикомъ подхватилъ ее и принялся качать на рукахъ, мѣрно и сильно подбрасывая ее вверхъ. Когда это не помогло, онъ приступилъ къ обыкновеннымъ шаманскимъ манипуляціямъ лѣченія. Онъ сперва усиленно высасывалъ изъ макушки жены духа болѣзни, погомъ, когда этотъ духъ входилъ ему въ ротъ, ожесточенно фыркаль, тряслъ головой и вообще бѣновался и, наконецъ, сплевывалъ въ сторону, чтобы освободиться отъ этого непріятнаго вкуса. Время отъ времени онъ впускалъ въ свою сжатую ладонь струю дыханія и поспѣшно прикладывалъ руку къ сердцу жены, стараясь сообщить ей частицу своей жизненной силы. — Ухъ, ребенокъ! — повторялъ онъ время отъ времени съ отчаяніемъ. Новорожденный младенецъ былъ его первенцемъ, но въ случаѣ смерти матери, и минуемо долженъ быть послѣдовать за нею, такъ какъ чукчамъ неизвѣстно искусственное вскармливаніе. Когда ничто не помогало, Лёлѣ, не долго думая предложилъ колѣнуть больную ножемъ, утверждая, что его покойный отецъ бышій довольно сильнымъ шаманомъ, именно такъ лѣчили людей, временну унесенныхъ духами (т. е. упавшихъ въ обморокъ). Омрыэ готовъ былъ схватиться и за ножъ, и я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы Ровтынга, наконецъ, не стала приходить въ себя, правда довольно медленно. Обморокъ ея длился минутъ пятнадцать и въ это время лицо ея было совершенно покосе на лицо трупа.

Когда молодая женщина оправилась, мужъ могъ устремить свое вниманіе на зловредный предметъ, подавшій поводъ къ обмороку, т. е. на ящики съ бумагами, который я все еще держалъ въ рукахъ.

— Уйди отсюда съ этими! — сказалъ онъ безъ обиняковъ. — Ты еще настъ уморишь!

— Куда же я пойду? — возразилъ я, довольно основательно предполагая, что въ каждомъ новомъ помышленіи можетъ разыграться такая же сцена.

— Ко (не знаю!), — отвѣтилъ гостепріимный хозяинъ.

— Ну, такъ я не пойду!

— Если не пойдешь, дай выкупъ! — потребовалъ Омрыэ.

Удовлетворить это требование было все-таки легче, чѣмъ предыдущее.

— У насъ такъ ведется — говорилъ хозяинъ — вещь, которая издавно находилась при чужомъ огнѣ, вѣтъ враждебныхъ духомъ на другихъ людей. Эти бумаги были слишкомъ долго у очага потомковъ Эндейву.

Однако злоключенія мои съ этими документами не окончились уплатой выкупа. Какъ очнулась отъ обморока хозяйка, Лёлѣ уѣхала немедленно, прѣтивъ обычая даже отказавшись напиться чаю въ нашемъ пологу. Онъ куда-то

спѣшилъ. Но не болѣе какъ черезъ два часа послѣ его отѣзда явился къ намъ новый гость или, лучше сказать, гости, въ видѣ старухи Пынчекауръ. Я подозрѣвалъ, что она ждала гдѣ-нибудь на дорогѣ возвращенія Лёлѣ, чтобы поскорѣе замѣстить его передъ нами.

— Ты взялъ мои бумаги? — сказала она прямо, послѣ первого обмѣна несложныхъ чукотскихъ привѣтствій.

— Я ихъ купилъ, — возразилъ я.

— Не знаю! — сказала старуха — я не продавала, а бумаги мои.

Я объяснилъ ей весьма сдержанно, что мнѣ не нужно знать, чьи эти бумаги, но что тому, у кого я ихъ взялъ, я отдалъ за нихъ плату.

— Ну, такъ дай плату и мнѣ! настаивала старуха. — Я хозяйка, а ови мнѣ ничего не дали.

Она была такъ настойчива въ своихъ притязаніяхъ, что въ концѣ концовъ я подчинился и далъ ей половину прежней платы, такъ какъ, по ея словамъ, Лёлѣ и Кет-Аймакъ раздѣлили все пополамъ вона хотѣла бы получить такую же долю.

Я распространился съ нѣкоторой подробностью объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ приобрѣтеніе бумагъ, чтобы попутно охарактеризовать способъ сношеній и переговоровъ съ чукчами при путешествіяхъ по ихъ стойбищамъ.

Приобрѣтенія мои состояли, какъ сказано выше, изъ двухъ документовъ, написанныхъ на сырой бумагѣ полулистового формата, въ кромѣ того большой серебряной медали, помѣченной инициалами Екатерины II и 1791-мъ годомъ.

Одинъ взъ документовъ, названный въ заголовкѣ билетомъ, сохранился цѣлкомъ. Другой истѣль и распался на четыре части, вслѣдствіе чего нѣкоторыя слова не могли быть разобраны. Документы привожу съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Билетъ № 37.

Объявителю сего Чукотской чаунской тоенъ Хамахеи вступили въ россійское подданство прошлаго 1788-го года, вчемъ во уверение учинилъ присягу сообразствомъ сродомъ ево платѣ взашиверскую округу каждогодно когда спрошень быть иметь ясакъ скаждаго человека лукомъ владеющими поодной лисице, иногда оно потребуетца то б давать ему безотговорочно закоторое усерд (иे) исказны Ея Императорскаго Величества пожалованы алые кантаны сходны сыркутскимъ наместническимъ мундиромъ. икортки снадѣпсаниемъ напортуяихъ россійсков верноподданио? Господъ команду-имеющихъ прошу чтоб онаго тоена Хамахая принимать и почитать заверно-подданаго Ея Императорскаго Величества раба, для чего сен

бить ему заподписаниемъ мои руки исприложениемъ Герба моего печати.
дань февраля восьмого дня 1789-го Года Земельской исправникъ Бергъ
гешваренъ Иванъ Фишеръ.

М. П.

Казачей сотника Иванъ Зеленыхъ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы
Всероссійской изъ Иркутскаго Наместническаго Правленія Чующаго
Народа Тоену Хамахаю Поуказу Ея Императорскаго Величества
Иркутское Наместническое Правленіе опредѣлило Дать Вамъ Тоену Хамахаю
Сен Ея Императорскаго Величества увазъ стемъ Чтобы Вы Подобров
Вашен Воле Сродными Своими Вошедшіе Под-Высоко-Славное Ея Импе-
раторскаго Величества Всероссійское Императорское под-
данство Противъ Продчихъ были Отличены Симъ Главнымъ Тоена Назва-
ніемъ Ичто Таковое Ваше Ивсехъ Вашихъ Родниковъ Усерднейшее Желаніе
быть Воюномъ Приемется Соособливымъ Уваженіемъ, А Дабы Вы Ивс[е] Ваши
Родники Отъ всехъ почитаемы Ипризнава Емы были Все Россійскими Верно
подданными Ичтобы Вамъ ивсемъ Родникамъ Никто немогъ Учинить Каковаго
Либо Вреда Или Утесненія; То Предписывается Чрезъ Сіе Всемъ Россійскимъ
под Даніымъ Делать Вамъ Вовсемъ Где-бы-то Нислучилось Всакое благо-
дение Ивсе-возможное пособие Ичтобъ Никакихъ Видовъ Кънарушенію Вашего
Спокойствія Итишины Преподаваемонебыло, и что Вы Впротивномъ Всему
Тому Случае Какъ Россійскимъ Такъ Идругихъ Державъ Иностраннымъ
Людямъ Показывать Должны Сен Ея Императорскаго Величества
Укасъ и требовать освои Россійскихъ Единоподанныхъ Всего Вышепроп[и]санаго
Аотъ иностранныи Мирнаго Обхожденія на Противъ Чего Истороны Вашен
Надеется [Рос]сія Что Вы Вверноподданничестве Вашемъ Оставшиесь Не-
пок[олебляемо?] Неупустите..... Ея Императорскаго Величества
Всемилостивише Государыи полезно Итщателно отвращать
Будите Все те обстоятельства Которы Нарушить Могутъ Какъ Ваше Такъ
ивсехъ спо Конституціи:—Воверность Чего Дан. Сен Изъ Иркутскаго
Наместническаго правле Нія Вгубернскомъ Городе иркутскѣ заподписан[и]емъ
Членовъ Исприложениемъ Герба печати; Октября иц дванадес дня 1791 года:
Правленіи Советникъ.... Советникъ Александръ Шостниковъ
Иркутскаго Наместническаго Правленія Советникъ Маоръ Василий Верещагинъ
Секретарь Герасимъ Некрасовъ

Усого указа Ея Императорскаго
Величества иркутскаго наместни-
ческаго Правленія печать

Имя Хамахей (Хымыхай), которое носилъ первый чукотскій тойонъ, вступившій подъ русское подданство, довольно распространено между чукчами. Чаускій Эрмачын¹), посѣтившій барона Врангеля во время экспедиціи 1823 года, тоже носилъ это имя. Въ родѣ теперешняго тойона²) оленныхъ чукочъ имя это такъ же встрѣчается верѣдко.

Чукотская легенда называетъ устроителя первого мира между русскими и чукчами не Хымыхай, а Эннейву. Впрочемъ, у чукочъ одинъ и тотъ же человѣкъ часто имѣть два и болѣе именъ. Въ семействѣ Эннейву эти документы, спрятанные въ ящики, обвязанномъ веревочками, составляли часть семейной святыни и выносились изъ шатра вмѣстѣ съ другими священными предметами во время жертвоприношеній. Ихъ не обходили ни при помазаніи кровью, ни при кроплении жертвенной похлебкой. Поэтому шнурокъ обвязки былъ украшенъ уккамаками—маленьками круглыми амулетами изъ дерева и кожи, походя на большія рѣдкія четки; кроме уккамаковъ къ нему были подвѣзаны двѣ тоненькия кисточки изъ полосокъ мягкой шкурки молодого тюленя, окрашенныя въ дымный цветъ копотью жертвенныхъ огней.

Вопреки вселрѣчивымъ словамъ вышеупомянутыхъ документовъ, устная легенда относительно прекращенія войнъ между русскими и чукчами, разсказыванная мнѣ старикомъ Хромымъ Паганто, по поводу именно этихъ бумагъ, гласить слѣдующее. Нутэвіа чуванецъ изъ рода Этель, убиваемаго съ обѣихъ сторонъ, пришелъ къ Эннейву и говоритъ:—Слишкомъ худо убивать другъ друга! Перестанемъ, сотворимъ союзъ! — Эннейву отвѣтилъ: — Посмотримъ! Поди! спроси сильныхъ людей вашей стороны, что они скажутъ. Потомъ осенью прїѣзжай.—На слѣдующій годъ настала осень. Наставши, осень окончилась. Сидѣть Эннейву дома, слышитъ, кто-то прѣѣхалъ на оленяхъ. Вышелъ на дворъ—инные олени, иная одежда (не чукотская). Человѣкъ привязалъ оленей, не подходить, сидѣть на нартѣ, потупивъ голову, это—Нутэвія. Молча сидѣть, только голову потупляетъ. Эннейву обошелъ вокругъ одинъ разъ, другой разъ. Молчитъ, ничего не говорить. Шнуръ его ногой въ лицо — молчитъ.

¹) Врангель ошибочно принимаетъ это собственное имя за нарицательное имя начальника. Между тѣмъ какъ у чукочъ для выражения понятия начальникъ существуютъ только производные существительныя отъ корня эрмэ, арма, adj. и эрмэхін—сильный. Отсюда образуются эрэм начальникъ (въ русскомъ смыслѣ слова) и эрмачын—вitezъ, богатырь, начальникъ (въ чукотскомъ смыслѣ слова). Хымыхай собственно значить червячекъ, и существование этого имени находится въ связи съ привычкою давать дѣтямъ имена животныхъ.

²) Тойонъ или тоенъ — слово тюркскаго происхожденія и значить гоеподинъ. Тойонъ оленныхъ чукочъ — сань наследственного кнізя оленныхъ чукочъ. Впрочемъ, авторитетъ его чисто призрачного свойства. Тойонскій сань установленъ русскими. Особенно старался укрѣпить его значение въ 1869—70 г.г. баронъ Майдель. Но чукчи обращаютъ очень мало вниманія на этотъ парадный авторитетъ, какъ и вообще на всѣхъ старость и старшинъ, поставленныхъ для управлениія ими и для сбоя ясаковъ.

Еще разъ обошелъ кругомъ, еще разъ сильно пнуль ногой въ лицо, испытываетъ, будеть ли гнѣвъ. Молчить Нутэвія. Тогда Ээнейзу присѣлъ на корточки противъ него.— «Пришелъ?— говорить. — Да!— Съ чѣмъ ты?— Ничего не говоря, достасть изъ сумы медаль и бумагу. Вотъ эта самая бумага съ просьбой прекратить войну и заключить союзъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще кѣкоторые предавія относительно борьбы чукочъ съ русскими и ея прекращенія.

1) Рассказъ чукчи Йекана на уроцищѣ Аконайне въ 1896 году.

Была дѣвочка, именемъ Йынкынѣуть. Собрались въ шатрѣ совершающіе служеніе, закрыли дымовое отверстіе, шаманить, поютъ, а между тѣмъ это собаки ¹⁾). Одни поютъ: «Кооо! Кооо!». Воютъ дружочки. Другіе поютъ: «Кооон! Кооон!» Третья, стоящіе: «Ооо! ооо!, Наконецъ, хозяйка стойбища говоритъ дѣвочкѣ.— Найди щель, загляни! Посмотри, что за поющіе, зачѣмъ они закрыли дымовое отверстіе. — Нашла щель. Заглянула. Все собаки воютъ. Подняла крикъ, люди прибѣжали и стали колотить. Убѣжали собаки на западную сторону, стали русскимъ народомъ. Часть осталась собаками, сдѣлалась ихъ упряжкой. Прежнѣе битые стали гнѣваться за удары, начали войну.— Ухъ! Мы не знали! Наші были собаки, а онѣ стали народомъ.

Стали воевать. Пшелъ Якунинъ, желѣзомъ одѣтый, худоубивательный. Якунинъ, огненный таныгъ ²⁾), сталъ истреблять народъ. Почему худоубивательный? Худо убиваетъ людей, мужчинъ разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раздираетъ пополамъ, какъ сущеную рыбу. У него приемыши, взорванный изъ кочевыхъ людей, изъ племени настоящихъ таныговъ, приносящий пищу, проворный, быстроногий, на бѣгу догоняетъ дикаго оленя, убиваетъ ножемъ. Вываливъ содержимое желудка, хватаетъ за заднюю ногу; такъ просто уносить

¹⁾ Здѣсь изображается праздникъ миёрыги, который будто бы справляютъ собаки. На этомъ празднике совершаются торжественное служеніе надъ добычей охоты, причемъ мужчины шаманятъ, стучатъ въ бубень, а женщины, становясь передъ ними, выражаютъ свой религиозный экстазъ различными странными тѣловиженіями и пляской. Между прочимъ, собакамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ также приписывается совершение такихъ служеній послѣ удачной охоты. Впрочемъ, это описание праздника имѣеть сатирическое значеніе, какъ видно изъ рассказа. Чукчи, насыщаясь надъ русскимъ «проголосомъ», пѣніемъ, не имѣющимъ горловыхъ переливовъ, сравниваютъ его съ собачьимъ воемъ, тѣмъ болѣе, что русскіе на Колымѣ и на Анадырѣ, ближайшіе сосѣди оленныхъ чукочъ, єздятъ на собакахъ.

²⁾ Таныгами чукчи называютъ одинаково коряковъ, чуванцевъ и русскихъ, но коряковъ называютъ при этомъ настоящими таныгами, а русскихъ огненными таныгами. Русскіе причислены къ таныгамъ на томъ основаніи, что они вначалѣ явились, какъ союзники коряковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ чукчами.

домой. Худоубивательный Якунинъ истребляетъ людей, собирая цѣлые возы шапокъ; шапки убитыхъ, двадцать возовъ, послалъ ихъ Солнечному Владыку¹⁾.

Говорить:—Больше нѣть! Всѣхъ истребилъ!

Говорить Солнечный Владыка: — Еще въ травѣ много скрывается птичекъ.

— Докончу! Пусть принесутъ большое ружье. Унесу съ собой!

— Однако нѣть! Убьютъ тебя!

— Могу!

Взялъ ружье, большое ружье, унесъ съ собой. Ходить, ищетъ жителей, истребляетъ. Наши (т. е. чукчи): Нанкачгать, богатырь, одѣтый въ одежду изъ лахтакной²⁾ шкуры, большой, широкій, во время ледохода на рекѣ Номваанъ, ложится поперекъ, задерживая глыбы льда. По его тѣлу проходить кочевые поѣзда, какъ по твердой землѣ. Товарищъ его Тэмэречъ не мене проворный. Пошелъ Взращенный русскими, пошелъ на промыселъ, нашелъ дикаго оленя, убилъ, подхватилъ. Изъ засады смотреть Нанкачгать. Говорить:—Не сможемъ! Тэмэречъ говорить:—Я могу! Выскочилъ, догналъ Взращенного русскими, схватилъ за правую руку. Тотъ дергаетъ, но не можетъ вырваться.

— Если я сталъ тебѣ дичью, то убей³⁾.

— Нѣть, не для смерти, но для жизни тебя схватилъ. Сердце твое не хочу достать.

— Эгэ!

— Почему лицо твое, какъ у настоящаго человѣка?⁴⁾. Кто ты?

— Я изъ кочевого племени, «арощенный русскими».

— А-а! Будь нашимъ товарищемъ, совсѣмъ нашимъ, указателемъ пути!

— Согласенъ.

Пошли вдвоемъ къ Якунину

— Вотъ, вотъ какого человѣка еще привезъ? (кричать Якунинъ).

Схватилъ большое ружье, хочетъ выстрѣлить.

— Зачѣмъ же? Это—товарищъ. Будеть указывать жительства.

Сѣмъ Тэмэречъ, сталъ Ѣсть. Тсть онъ очень скоро.

— Вотъ, вотъ! отчего такъ скоро Ѣесть?⁵⁾.

¹⁾ Государь.

²⁾ Лахтакъ—крупный тюлень породы *phoca barbata*.

³⁾ Въ сказкахъ и преданіяхъ побѣжденныи богатырь всегда обращался къ побѣдителю съ той фразой, которая означаетъ требование *soup de grace*. Для побѣженного считается постыднымъ жить дольше.

⁴⁾ Чукчи сами себя называютъ просто людьми, именно въ противоположеніе всѣмъ другимъ народностямъ.

⁵⁾ Проворство въ Ѣдѣ составляетъ признакъ большой физической доблести, подозрительный въ глазахъ Якунина въ предполагаемомъ измѣнникѣ. Чукотская пословица гово-

Схватилъ большой ножъ.. Хочеть ударить.

— Зачѣмъ? Это товарищъ! будеть указывать жительства.

— А-а!

Заснулъ Якунинъ, покончивъ ъду. Тэмээречь хочетъ его ударить ножемъ.

— Соннаго не убивай! Если Нанкачгатъ силенъ, пусть сражаются завтра двое!

— А - а! Пошли на утро сражаться, Якунинъ, одѣтый жеизомъ, Нанкачгатъ, одѣтый дахтакомъ, двое. Копье Якунина, лезвие длинно въ локоть, копье Нанкачгата такой же длины ¹⁾). Солнце обошло вокругъ неба, сражаются, не могутъ... Люди кругомъ стоять, смотрять. Копье Якунина притупилось, стерлось объ землю до обуха. Желѣзная одежда разсѣчена. Языкъ Нанкачгата вывалился и свѣшивается до плеча. Еще не могутъ.

Эургинъ, изъ сматрающихъ, молодой парень, изъ деревянного лука выстрѣлилъ китовоусовой стрѣлой, пробилъ Якунину глазъ. Облился кровью Якунинъ. Сѣлъ на землю, оперся локтемъ объ землю. Множество людей приступаетъ къ нему, еще убиваешь, ибо онъ силенъ. Тогда Эургинъ ударилъ ножемъ подъ броню, распоролъ брюхо, тогда убили.

На слѣдующій годъ Варошенній русскими и Тэмээречь пошли обозомъ къ Солнечному Владыкѣ.

— А гдѣ же тотъ?

— Нѣтъ его!

— Куда дѣвался?

— Убили его.

— Ага! Я говорилъ ему, не хвастай!...

Тогда перестали драться. Люди изъ народа Эгель, убиваемые съ обѣихъ сторонъ, стали переводить на всѣ стороны. Сдѣлались союзниками, перестали воевать.

2. Разсказано чукчей Коравіей на р. Лабугенѣ въ 1896 году.

(Вторая версія предыдущаго рассказа)

Когда воевали таныги съ чукчами, люди бѣжали изъ внутренней стороны къ морю, но таныги слѣдовали сзади и истребляли неуспѣвавшихъ убѣ-

рить: «Когда молодые люди ёдятъ быстро, старикамъ красиво смотрѣть». Вообще чукчи и молодые, и старые управляются съ ёдой съ большой быстротой и даже осторженностью, когда дѣло доходитъ до костей, хрящей, сухожилій и т. п.

¹⁾) За немнѣніемъ мечей копье составляетъ обычное оружіе чукочъ также и для руко-пашнаго боя.

жать. Кого ловили, худо убивали. Мужчинъ разрубали топоромъ промежду ногъ внизъ головой. Женщинъ раскалывали пополамъ, какъ рыбу для сушки. Убивали оленныхъ на край земли, помѣстились подъ утесь, подъ крутыми скалами построили въ ущелья крѣость; но таныги пришли и взобрались на горы и, скатывая сверху камни, изломали укрѣпленіе и истребили людей.

На земль Нэтэнъ за мысомъ Пеэкъ¹⁾ поставили подъ утесомъ, нависшимъ надъ берегомъ, другую крѣость. Сверху нельзя скатить туда камни. Таныги взошли на утесь. Ничего не могутъ сдѣлать, ибо камни перелетаютъ черезъ границу жительства. Стали обходить, ища прохода. Впереди идетъ въ желѣзномъ панцирѣ Якунинъ.

У входа въ узкое ущелье стоять Эургинъ съ деревяннымъ лукомъ въ рукахъ и пить изъ круглой чаши воду.

— Шей хорошенько! — говорить Якунинъ. Больше ты не будешь пить на этой земль!

Схватилъ Якунинъ копье, сталъ размакивать. Пригаетъ вверхъ, какъ вершина лиственницы, машеть копьемъ, какъ лоскутомъ. Эургинъ наложилъ на лукъ маленьку стрѣлу изъ китового уса. Лицо Якунина покрыто желѣзомъ. Только двѣ дыры вместо глазъ. Пока прыгаетъ, выстрѣвляя, попалъ ему въ глазъ. Упалъ на землю Якунинъ. Набѣжали и схватили его.

— Ты — худоубивающій! У насъ нѣть топоровъ, чтобы разрубить тебя. По крайней мѣрѣ иначе заставимъ тебя почувствовать смерть.

Развели огонь. Жарятъ его у огня. Хорошо поджаренное мясо срѣзываютъ ломтиками и жарятъ снова. Умеръ. Таныги, испугавшись, бѣжали, но ихъ настигли и истребили. Тогда къ знаку радости устроили гонку судовъ. Жители Нэтена собрались на гонку. Пришли люди изъ Нуувана, Уелена, Пичуна и всѣхъ приморскихъ селеній до Банкарема²⁾. Но всѣхъ побѣдили два брата, рожденные сукой, изъ Экалируна. Ставкой была плѣнная девушка, Таныгинка. Ее взяли, женились на ней. Тогда размножился родъ рожденныхъ сукой³⁾.

3. Разсказано на р. Лабугемъ чунчей Плянанго въ 1897 году.

Когда въ первый разъ сошлись на битву таныги и чукчи, стали строить другъ противъ друга. Сильно испугались наши, ибо таныги совсѣмъ не-

¹⁾ Пеэкъ — мысъ Дежневъ. Нэтэнъ — мѣстность Ледовитаго прибрежья съ чукотскимъ поселкомъ того же имени.

²⁾ Приморские чукотские поселки Ледовитаго побережья.

³⁾ Семья такъ называемаго «тойона оленныхъ чукочъ» ведеть свое происхожденіе именно отъ этихъ братьевъ, прародительницей которыхъ (но не матерью) считается черная сука.

виданные: торчать у нихъ ушища, какъ у моржей; копья длинною по локти—такъ широки, что затмеваютъ солнце. Глаза желѣзные, круглые. Вся одежда желѣзная. Копають копьемъ копья землю, какъ драчливые (оленя) быки копытомъ, вызываютъ на бой.

Всѣ сидять, потупивъ головы, боатся. Вышелъ таныгъ, копьемъ машеть.

— Кто, кто выйдетъ со мной на борьбу?

По прежнему сидять, потупивъ головы; молчать, не рѣшаюсь. Старичекъ изъ нашихъ, старый, старый старичекъ, ходить впереди.—Ну, кто, кто попробуетъ?...

Всѣ молчатъ.

Есть четыре сильныхъ: Чимкель, Айнарыгинъ, Эленинуть Лявтылевалинъ¹⁾.

— Ну, пусть хоть Чимкель попробуетъ!

Впереди Чимкеля сидитъ его отецъ. Ждеть богатырь, пока заговорить старика. Однако всѣ сидятъ молча, не рѣшаются. По прежнему ходить старичекъ впереди рядовъ.

— Кто, кто, кто попробуетъ?

Крикунъ крикнулъ:—Ну, пусть я!

Кивающій головой закивалъ:—Ты, ты!

— Нѣть, я!—Крикнулъ Эленинуть.—Я отъ роговъ тоже острая спица. Пусть сперва обломають!

Копье къ ногѣ приложилъ, выскочили по глубокому снѣгу. Началось. Три дня, три ночи борются. Никто не можетъ одолѣть. Сталъ Эленинуть изнемогать. Но усталъ и таныгъ. Сдвинулась желѣзная шапка на затылокъ, показались волоса. Вся голова сѣдала. Прокусилъ масквовъ губу Эленинуть.—Неужели буду побѣждены старикомъ?

Сталъ виться, какъ волосъ, вокругъ таныга, наконецъ ранилъ его въ бедро. Упалъ таныгъ на локоть.

— Ого! Силенъ ты! Одержалъ верхъ надо мною. Только теперь удавѣль себѣ побѣдителя!

— Не говори же потомъ, что между рожденными бѣломорской женой не нашлось человѣка помѣртвиться съ тобой!

— Ага! Кто отецъ твой? Покажи мнѣ его! Хорошо тебѣ, взростившему такого сына!. Ну, убей меня!

— Нѣть!..

— Убей меня, говорю! Побѣжденному зачѣмъ жить на свѣтѣ?

¹⁾ Имена героевъ борьбы съ таныгами еще живутъ въ народной памяти и многие семьи ведутъ свое происхождение отъ того или другого изъ нихъ. Самое известное имя—Лявтылевалинъ, что значитъ кивающій головой. Айнарыгинъ значитъ крикунъ.

Какъ ни приставалъ, не убигъ. Тогда снялъ съ себя жеганую одежду, отдалъ копье, говоритъ:—Этимъ ты владѣй, если ты сильнѣ! Вотъ мой обозъ. Тутъ моя жена, дѣти и имущество.—Самъ ушелъ пѣшкомъ о посохѣ.

4. Разсказано чукчей Ремиленомъ на р. Молондѣ въ 1895 году.

Задолго послѣ битвѣ открылась ярмарка и сошлились многіе чукчи, хотѣть торговатъ. Но пріѣхалъ начальникъ отъ Женщины-Властителя, говоритъ:—Мой духъ худъ. Я хочу воевать. Вы многихъ нашихъ людей убили.

— Это не мы, это Анадырскіе!—Отпираются наши. Ходили по крѣпости четверо. Первый—Леутъ, богатый купецъ, второй Кочёни, дѣдъ Чепатки, третій Леляльпыленъ, дѣдъ Эйгелина, четвертый Вотиргинъ, мой дѣдъ¹⁾). Торговли нѣтъ. Ходить, разсматриваютъ домъ начальника. Посмотрѣли украдко сквозь щель, сквозь тонкую дверь, видѣть: человѣкъ сидѣть, весь въ красномъ, шапка красная, сапоги красные, вся одежда красная. Говорить Кочёни:—Сломаемъ дверь, схватимъ его!

Сломали тонкую дверь, схватили, унесли домой. Онъ бьется, кричить:

— Сюда, сюда люди!

Никого нѣтъ; ночь. Унесли его на стойбище Леляльпылена. На другой день зашумѣли русскіе люди, закричали начальникъ:—Отдайте человѣка!

— Нѣтъ, не отдадимъ! Давайте торговатъ, тогда отдадимъ!—Нечего дѣлать. Согласились русскіе на торговлю. Тогда отпустили краснаго человѣка. Леутъ богачъ далъ ему двѣ черныя лисицы, ради искупленія.

Послѣ того стали искать переводчика и нашли изъ чуванскаго рода Этель на Большой Рѣкѣ.

Опять говоритъ начальникъ:—Нѣтъ! Мой духъ худъ! Куда вы дѣвали столько нашихъ людей?

— Не ищи ихъ, перестань! Поставь надъ нами начальника! Пусть онъ платить дань ради тѣхъ убитыхъ людей! Указалъ на Вотиргина. Но Вотиргинъ отговорился.—Я живу у моря!—и указалъ на Леляльпылена. Тогда наложили ясаки, но ясаки были немногочисленны. Только потому баронъ²⁾ ихъ умножилъ.

¹⁾ Чепатка—богатый «торговый чукча», ведущій въ настоящее время торговлю на Аниской и Анадырской ярмаркахъ. Эйгелинъ—вышеупомянутый «стойонъ оленныхъ чукочъ», тоже современный. Леляльпыленъ—его прадѣдъ, поставленный тайономъ въ ковцѣ прошлаго вѣка.

²⁾ Баронъ Майдель см. выше.

5. Русское преданіе о погромѣ, произведенномъ чукча

(Рассказано мѣщанкой Ариной Шкулевой въ Походской деревнѣ на 1 1896 году).

— А ты знашь, есть этто, Чукочья була деревня ¹⁾.
стояла, теперь на боку лежитъ. Давно это була. Ии на то доси
чукочъ сторожить. О и огромная! Каждая стѣна четыре саж. . . вышина
само съ церковью наравнѣ. Внизу мостъ, вверху опять мостъ (бревенчатый
полъ). Вотъ однова ³⁾ стоять на каланчѣ старичекъ. Вотъ стало утро отза-
ривать, смотрить за протоку: совсѣмъ свѣтло стало. Дерево видится лежачее,
и показалось ему, будто черезъ дерево человѣкъ перевалился въ чукотской
кухланкѣ нерпичихъ кишекъ. Кухланка—родъ нашихъ окончинъ ⁴⁾.

Вотъ сталъ говорить ребятамъ.—Эй, ребята! Смотрите! Живо—чукчи
насъ скрадываютъ, испѣнить ⁵⁾ хотятъ!.

Ну молодажники ⁶⁾, они и не вѣрять.

Старикъ сейчасъ котомку на спину, а посохъ въ руку и пошелъ на Поход-
ское ⁷⁾. Они стали тамъ лѣтовать, потомъ осеновать. Какъ ночи стали чернѣе,
чукчи пришли на нихъ сонныхъ, ну всѣхъ и перепѣнили. Кто выбѣжитъ
изъ дома, того и убютъ. Только двое братъя, такіе удалые, какъ ихъ ни
гоняютъ, не могутъ ихъ ни копыемъ ткнуть, ни стрѣлой угодить. Вотъ
бѣгали, бѣгали. Старшой и побѣжалъ мимо одной старухи. Старая чукчанка
сидить на санкѣ, ужъ и ходить не моготъ, ползать. Такъ она стрѣлила
костянкой ⁸⁾, да угодила ему въ колѣно. Тутъ упалъ, да закричалъ:

— Эй братъ! Развѣ ты одинъ на свѣтѣ жить хочешь? Какъ станешъ?—
Ну, тотъ на проходѣ самъ и отдался. Такъ обоихъ и убили.

А еще булы парень, какъ упалъ между мертвыми навзнакъ, будто тоже
мертвой, такъ лежитъ и видить: одного-то брата одѣли въ бѣлую кухланку,
другого въ пеструю. Одного положили на бѣлую постель ⁹⁾, другого на пеструю.

¹⁾ Чукочья деревня—бывшее русское поселеніе на р. Колымѣ при впаденіи р. Чукочей въ 50 верстахъ отъ океана. Верхній срубъ каланчи, съ которой сторожили чукочъ, еще цѣль. Нижній растасканъ на дрова. Впрочемъ, теперь на р. Чукочей нѣть ни одного русского «дыма», а въ сосѣднихъ тундрахъ ни одного чукотскаго шатра, такъ какъ населеніе счастли вымерло, отчасти переселилось въ другія мѣстности.

²⁾ Доспѣть—сдѣлать.

³⁾ Однова—однажды.

⁴⁾ Кухланка—верхній балахонъ изъ шкуръ, кожи или ткани, также изъ спицыхъ вмѣстѣ тюленыхъ или моржевыхъ кишекъ. Изъ того же материала приготовляютъ окончины т. е. лѣтнія оболочки для оконъ, при отсутствіи стеколь.

⁵⁾ Испѣнить—перебить, истребить.

⁶⁾ Молодажники—молодые люди.

⁷⁾ Деревня Походская на лѣвомъ устьѣ р. Колымы.

⁸⁾ Костянная стрѣла.

⁹⁾ Постель—оленяя шкура.

А старуха-то ходить не моготь, такъ ползать, отъ тѣла къ тѣлу переползывать, каждому въ лицо засматривать. Какъ до живого дошла, да посмотрѣла. Була у нея въ рукахъ полѣмка¹⁾. Ни лезвея, ни лица, ничего нѣту, ну да у чукочъ и желѣзо тогда не было. Вотъ и давай этой полѣмкой поперекъ лба у него потихоньку рубить. Тукъ да тукъ! Все перелобье вырубила. А ужъ не крикнула, смолчать. Богъ терпѣніе далъ. Какъ только они извѣлися, онъ и всталъ, въ Походскую даль вѣсть. Ну въ крѣпость²⁾ тогды казакъ булъ прямо комарь, естолько много. Магазины эти теперь пустые стоять, булы мукой завалены подъ самой верхъ. Вотъ и послали ихъ съ орудіями разыскивать чукочъ. Ну они дошли до Чукочей, за єдомой³⁾ дымъ увидали. Да они о чомъ на драку пойдутъ. Тогды вѣдь одного чукотскаго имени страшились. Такъ и своровали и не сказали про дымъ. Пришли, сказали: «Нигдѣ нѣту!»

Чуки потому говорили: — А мы изъ зарѣчья перешли по льду, да въ чукотской єдомѣ лѣто прожили. Русави гусевали⁴⁾, а мы дружными-то свои стельки⁵⁾ на дорогу бросали, чтобы они устрастились, ходили поосторожнѣе. Ну, да ужъ нѣть.

Оттуды эти чуки разбрелись въ разны стороны. Ины-то дошли даже до Индигирки. Вотъ ходять парни гусеватъ. Булъ стариочекъ Портнягинъ на Портнягиной тонѣ. Говорить къ нему: — Что за диво? Мы гусюемъ, а къ намъ и прилетываютъ откудова-то чукотски костянки, одного до смерти убили. Пристанемъ, сколько ходимъ. Никого найти не могомъ!

— Повели бу меня на то мѣсто! — говорить Портнягинъ. — Я бу, можетъ, и нашель.

Пошли всѣ вмѣстѣ. — А гдѣ? — сказывать. — Этто! — говорить. Поднялись на берегъ, ни кого нѣту. Только калтусъ⁶⁾. Кочки видятся на калтусѣ чисто безъ конца; такія крупныя. — Вотъ — говорить — по этимъ кочкамъ стрѣляйте стрѣлами! — Стали стрѣлять. Каку кочку ни стрѣлять, то и чука. Каку кочку ни стрѣлять, то и чука.

Они — прѣтчи-то⁷⁾, кочку выкопаютъ, до подъ кочку и садуть, сверху кочкой прикроются, траву расправать, да и смотрать скровь. Тутъ ихъ и перепѣлили всѣхъ.

¹⁾ Палемка — небольшой кроильный ножъ съ полуокруглымъ лезвиемъ, вродѣ сапожного.

²⁾ Нижнеколымская крѣпость.

³⁾ Чукотская єдома. — отрогъ скалистой гряды на западной тундрѣ.

⁴⁾ Гусевать промышлять линнаго гуся.

⁵⁾ Чукотскія стельки по формѣ нѣсколько разнятся отъ русскихъ, такъ какъ носки чукотской обуви болѣе плоски и круглы.

⁶⁾ Калтусъ — кочковатый мокрый лугъ.

⁷⁾ Прѣтча — проказникъ.

Другие пошли по тундрѣ, да вышли на Дувайное ночью. На Дувайшомъ-то опять люди жили. Тѣхъ всѣхъ переплыли. Карбасы-то у нихъ ножами испротыкали. Каки люди выбѣгутъ, въ карбасъ нападаютъ, хотятъ на рѣку угrestи, карбасть только свистить, вода наливается. Тутъ всѣ и прі-утонуть. Потомъ пошли на Омолонъ, а тамъ имъ встрѣчу доспѣли, про это сами юкагиры сказываютъ. Достальны-то разбѣжались порозно. Досельны-то юкагиры пасти бисерками сторожили. Надергаютъ ихъ на ниточку, да и до-спѣютъ на наживу. Чукчи ползутъ доставать бисерки, да и покладутъ въ пасть. Хозяинъ-то придетъ смотрѣть пасть.

— То чего, кака мечта лежитъ? Еще живой...

А онъ по-русски будто и говоритъ:—Эй, которая топора шита та, бита та!—Отпустить будто просить. Ну у нашего чого въ рукахъ топоръ или ножикъ, тѣмъ и благословить. Такъ извѣлись современемъ и всѣ.

А на Анадырской сторонѣ какое многолѣдство было, тоже чукчи все исплыли. Вотъ булы городъ, а въ городу осенью люди живутъ. Какъ вечеръ придется, воронье то и слетается, такъ и куркатъ, такъ и куркать¹⁾. Вотъ старушки выходатъ, старички.— Эй, робаты! — говорятъ.— Къ чему же воронье куркать, видно опять чукчи придти хотать, насы погромить хотать.— Ну, кто вѣрить, кто и не вѣрить. Вотъ взаболь²⁾ на утренней зарѣ и пришли, на сонныхъ напали, всѣхъ и перебили. Бабъ-то поплыли. Одна була, у неї булы титенной робенокъ, она и уѣгла и робенка унесла на рукѣ. Вѣгла, бѣгла, слышитъ погонь за собой; обернулась, гонять ее двѣ санки. Какъ обернулась, одинъ отъ и стрѣлилъ, да робенка-то и угодилъ, ну и убилъ. Она упала на робенка, стала воять. Они іи схватили, да понесли. Только понесли, ножикъ у неї булы, выдернула его, самое себя зарѣзала. Троихъ бабъ чукчи унесли. Одна-то—по дорогѣ яръ у рѣки обвалился—подъ яръ зарѣзала само въ глубину. Такъ вѣдь сколько коньками и колодами, всю парченку³⁾ испрокололи, а туту-то не могли угодить. Цѣлыхъ сутки тутъ прожили доставали іи, да не могли достать, съ тѣмъ и попустились. Ну какъ они уѣхали, она вышла, пошла напрамъ, туда, где знала людей. А двухъ-то совсѣмъ увезли. Мужевья-то у нихъ були въ отлучкѣ, оба богатые. Вотъ вернулись, бабъ иѣту, давай собирать выкупъ. Понакупили табаки⁴⁾, а тѣ чукчи були на острову за промысломъ. Сѣли въ карбасъ, погребли. Гребли, гребли, прїѣхали на островъ. Одна баба, какъ увидѣла мужа, таѣ и за слѣзы, другая отъ роду, безо вниманія. А между тѣмъ у обѣихъ по титеному робенку. Стали выкупывать: такъ да савъ, по сумѣ ии, какъ ии, на выкупъ и дали.

¹⁾ Куркать—каркать.

²⁾ Взаболь—дѣйствительно.

³⁾ Парка—женская верхняя одежда.

⁴⁾ Табаки—пачки табаку. Онъ складываются въ трехпудовыя выючныя сумы.

— Бабъ то, говорять, отдадимъ, а ребята не отдадимъ.

Вотъ посадили бабъ въ корбасъ, повезли. Такъ мужевыи стоять на берегу, ребята на рукахъ держать. Какъ отгребли, первый-то и завоили, такъ себя по бедрамъ и хлопнули.—Ахъ, говорить, я дуракъ! На табакъ нолстился, а бабы лишился. Другу таку, а гдѣ наживу?

А другой только молчать, ничего ему...—Слушай, мамука!... Друга-то баба вѣдь трижды бѣгала къ чукчѣ своему, трижды ее ворачивали. Третій разъ убѣжала, да такъ и пропала безъ вѣсти. То есть чукчи ее въ свою вѣру перешаманили¹⁾.

Анадырской отъ городъ весь раззорили, церковь изломали и крестъ на воду спустили, стойкомъ поплылъ. Отчего старики-то говорили, «что Анадырь еще возновится» и правда—вотъ теперь возновился. А тогда какій буди шелены, утвари, все сюда назадъ вывезли! А городъ огъ зорили, какъ вѣдь уродовали юколу²⁾, рыбу, кака была, всю на дворъ вынесли, измачкали. Флаги со жиромъ вынесли, вылили на землю, а пустыя фляги побросали, всю ъдущкую изничтожили. Потомъ люди, которые живые остались, цѣльну зиму голodomъ ходили.

6) Преданіе обрусьльыхъ юкагировъ о нападеніи чукочъ на юкагирскіе поселки на устьѣ р. Омолона.

(Рассказано омоловскими юкагирами Василиемъ Востраковымъ въ деревне Колымской въ 1895 году).

Лѣтъ за сто было. Пришли чукочы въ байдарахъ. Русски деревни погромили. На Погромномъ крестъ стоять, и того всего копьями испрокололи. Потомъ къ намъ пошли на Омолонъ. Байдары-то на берегу покинули. Стали горой обходить. Одна старушка вышла, слышитъ. Это по вороньему кричать, перекликаются. Смотритъ, а тамъ копья блестятъ на ратовыхъахъ. Сказала людамъ. Жители сейчасъ это всю ъду, припасы, юколы собрали, на корбасъ склали, достальны-то корбасъ продыроватили, глиной замазали, на берегу покинули. Сами упали въ Омолонъ. Пришли чукочы, видать: никто нѣту, корбасъ на берегу стоять, сѣли въ корбасъ, погребли; другіе-то къ байдарамъ вернулись, на нихъ выплыли. Тѣ, что на корбасахъ, тутъ потонули, а байдары вѣхали въ Омолонъ; на рѣкѣ-то у настъ быстерь, борозду³⁾ не знать, всѣхъ пооприкидывало. Тутъ они и потонули всѣ.

B. Бѣгоразз.

¹⁾ Русскіе утверждаютъ, что чукочы при помощи шаманства приворачиваютъ къ своей вѣрѣ серда женщинъ, попавшихъ къ нимъ въ замужество.

²⁾ Особый родъ вяленой рыбы.

³⁾ Борозда—фарватеръ.

Н а г а й б а к и

(Крещеные татары Оренбургской губерніи).

О ч е р къ.

Между многочисленными инородцами, населяющими Оренбургскую губернию, обитают нагайбаки, крещеные татары.

Въ 1842 году, въ виду усиления района по такъ назыв. новой линіи крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ, были переселены казаки 3-го и 5-го кантоновъ, въ количествѣ 2877 душъ мужскаго пола. Изъ нихъ первые нагайбаки, станицы Бакаливской и Нагайбацкой ¹⁾, въ числѣ 1250 человѣкъ, основали между старой и новой линіями поселки: Кассель, Остроленко, Ферелампенуазъ, Парижъ, Требій, Краснокаменскъ и позже Астафьевскій въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи.

Нагайбаки ²⁾ зачислены въ казаки на основанія Высочайшаго указа, даннаго на имя статского советника Кириллова, 11 февраля 1736 года. Между ними до сего времени сохранилось преданіе, что они потомки арскихъ татаръ, крещенныхъ Иоанномъ Грознымъ, будто бы насильно, по завоеваніи имъ Казани.

Между тѣмъ документъ, сообщенный намъ однимъ изъ нагайбаковъ, передаетъ обѣ этомъ такъ: «Казань взята царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ 1-го октября 1552 года, тогда и ноги окрестились, записались въ подушный окладъ и переселились на свободныя башкирскія земли въ Уфимской губерніи, гдѣ нынѣ Мензелинскій и Белебеевскій уѣзды. А какъ ново-крещеные претерпѣвали отъ воровъ-башкирцевъ многое раззорѣніе, во время башкирскаго бунта 1735—1740 г., и при многихъ баталияхъ оказали себѣ ревностными воинами за что, по именному указу Государыни Императрицы Анны Ioанновны, изъ ясака исключены и служивыми быть опредѣлены и Ея Императорскимъ Величествомъ пожалованы за ихъ усердную службу и за

¹⁾ Нынѣ два села Белебеевскаго уѣзда—Бакала и Нагайбакъ.

²⁾ Старикова, Откуда взялись казаки. 1884 г.

перенесенное разорение отъ воровъ-башкирцевъ вмѣсто жалованья землею, съ тѣмъ, чтобы они поселились на оставшихся пустыми послѣ бунтовавшихъ башкиръ земляхъ и именовались бы нагайбаками казаками и построили бы въ селѣ Бакалахъ и Нагайбакѣ дѣвъ деревянныя церкви на свое иждивеніе». Въ числѣ крестившихся нагайбаковъ были татарскіе мурзы, которые послѣ крещенія удалились въ теперешнюю Уфимскую губернію и поселились въ селѣ Бакалы и деревнѣ Нагайбакъ¹⁾). Встарину на этомъ мѣстѣ жили наганы, здѣсь же кочевалъ башкиръ Нагайбакъ, по имени которого и самая деревня (юртъ) стала называться Нагайбакской. Здѣсь же жили башкирскіе бунтовщики Кусюмъ и сынъ его Акай. Впослѣдствіи въ составъ нагайбаковъ вошли выходцы изъ киргизскаго племени, которые явились въ Оренбургъ, приняли крещеніе и затѣмъ были отправлены на жительство въ крѣпость Нагайбакскую и ея окрестности. Выходцы изъ киргизскаго племени, которые зачислялись въ составъ нагайбаковъ, принадлежали къ различнымъ племенамъ. Позже, въ царствованіе императрицы Екатерины II, сюда же были включены племенные турки, арабы (Агабашевъ—медвѣжья голова, Карабашевъ—черноголовый, Араповъ). Всѣ они слились впослѣдствіи съ нагайбаками и образовали какъ бы особое племя.

До 1736 г. нагайбаки платили ясакъ въ казну и особый оброкъ башкирамъ за земли, которыми они пользовались. Въ этомъ году статскій советникъ Кирилловъ, управлявшій Оренбургскимъ краемъ, на основаніи выше-приведенного Высочайшаго указа, записалъ нагайбаковъ въ казаки и отъ взысканія съ нихъ ясака освободилъ, а оброчныя земли отдалъ въ ихъ собственное владѣніе на 50 верстъ во всѣ стороны отъ ихъ мѣста жительства. Затѣмъ правительство обязало ихъ отправлять казачью службу наравнѣ съ прочими казаками Оренбургскаго края.

Всѣхъ нагайбаковъ въ вышеупомянутыхъ семи поселкахъ, по свѣдѣніямъ станичныхъ правленій, считается 5138 душъ обоего пола, изъ нихъ мужскаго 2551 и женскаго 2564.

Казачьи поселенія Оренбургскаго войска со времени своего образованія носили различные наименованія. Первоначально они значились подъ «нумерами», позже они назывались выселками, хуторами. При введеніи общественнаго управления въ войскѣ, когда были учреждены станичные правленія и поселковые, эти поселенія получили названія поселковыхъ.

Въ нагайбакскихъ поселкахъ можно встрѣтить и русскихъ, съ которыми нагайбаки живутъ въ согласіи. Сосѣдей же киргизовъ они не любятъ, хотя ѳздать къ нимъ пить кумысъ и есть махранъ (масо). Въ первыхъ сильно развито конокрадство, что немало препятствуетъ развитію здѣсь скотоводства.

¹⁾ Альметевы и Бектеевы ведутъ свой родъ отъ этихъ татарскихъ мурзъ.

Нагайбаки любить давать другъ другу прозвища. Фамилія, какія они носять, произошли большей частью отъ татарскихъ именъ и называй, напр., Атугановъ, Акмаметевъ, Айдагуловъ, Альметевъ, Бектемировъ, Дюскинъ, Ишимовъ и т. д.

Нагайбакъ росту средняго, съ соразмѣрными частами тѣла, сложенія крѣпкаго и къ физическому труду способенъ. Очертанія лицъ нагайбаковъ настолько разнообразны, что не представляютъ общаго типа; за малымъ исключениемъ они напоминаютъ великоросса.

Жилище и его принадлежности. Дома нагайбаковъ деревянные, незатѣйливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны; состоять изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ холодными сѣнями. Кухня выходитъ во дворъ; передъ сѣнями устраивается крытое крылечко, съ одной стороны котораго привѣшивается умывальникъ. Войдя въ кухню, вы увидите въ одвомъ углу большую, глиновитную русскую печь, съ боку въ ней вмазывается чугунный котелъ (казанъ), въ которомъ варится ежедневная пища; противъ печи устраиваются нары (широкія скамейки), замѣнающія собой кровать. Въ лѣтнее время обѣдъ приготавливается на дворѣ, для чего гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ устраивается печь съ казаномъ. Вдоль стѣнъ кухни тянутся широкія лавки, составляющія вмѣстѣ со скамьемъ и столомъ всю мебель кухни; впрочемъ у стѣнъ около печи помѣщается залавокъ, придѣланный къ стѣнѣ, это родъ стола, внутри которого сдѣланы полки, гдѣ хранятся съестные припасы и посуда. На залавокъ хозяйка приготавляетъ кушанья.

Горница во многомъ отличается отъ кухни: на стѣнахъ красуются различные картинки, представляющія замѣчательныхъ бывшихъ и современныхъ военныхъ дѣятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. Въ углу около двери помѣщается бѣлая, какъ снѣгъ, голландская печь съ карнизами. Если въ домѣ есть сноха, то постель ея со множествомъ шуховиковъ и подушекъ помѣщается въ этой же горнице. Между оконъ на стѣнѣ помѣщается небольшое зеркало, задрапированное вышитымъ полотенцемъ. Въ праздники или когда собираются гости, горница представляетъ изъ себя какъ бы домашнюю выставку: по стѣнамъ развѣшиваются лучшія полотенца, вышитыя чернымъ и краснымъ шелками (вышивки свидѣтельствуютъ объ изящномъ вкусѣ и искусствѣ нагайбачекъ), вывѣшиваются также лучшія праздничныя одежды. Изъ иконъ особенно уважаемы Николая Чуд., Спасителя и Божіей Матери. Вообще въ домѣ нагайбаковъ царить чистота и аккуратность, въ противоположность другимъ инородцамъ, окружающимъ ихъ. Надворныхъ построекъ много. Скотъ во все времена дня находится на «кардѣ», а вечеромъ пригоняется во дворъ.

Одежда мужчинъ нагайбаковъ не имѣть въ себѣ ничего характерного; зимою въ праздничные дни носять овчинный, крытый сукномъ или другой матеріей, тулуши съ чернымъ мерлушковымъ воротникомъ, а подъ нимъ воротное военное пальто (туружка) или пиджакъ. На головѣ они носятъ черныхъ мерлушчатыя шапки, на шеѣ пуховые шарфы. Обувь различная—по сезону: зимой надѣваютъ пинсы, лѣтомъ сапоги, въ рабочее время лапти. Лѣтомъ богатые одѣваются въ военное казачье пальто изъ черминецкаго сукна, а то изъ камлota. На голову надѣваютъ фуражку съ кокардой. Одежда женщинъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Рубашки носятъ татарскаго покрова изъ краснаго или синаго холста собственнаго издѣлія. Къ подолу пришиваются двѣ цвѣтныя оборки. Поверхъ рубашки надѣвается «жилань», шелковый или шерстяной, это родъ камзола съ рукавами или безъ рукавовъ. Передникъ служить дополненіемъ всего туалета. Праздничныя рубашки шьются изъ ситцу. Дѣвушки на головѣ носятъ бѣлый колпакъ съ серебряной бахромой, ниспадающей до самыхъ бровей; впрочемъ, онъ уже выходитъ изъ употребленія и замѣняется обыкновеннымъ платкомъ. Вообще одежда нагайбачекъ утрачиваетъ постепенно свою самобытность, по той причинѣ, что нагайбаки смѣшаны съ русскими; тамъ же, гдѣ они живутъ особнякомъ, одежда сохранилась прежняя.

По выходѣ замужъ, женщина надѣваетъ «сурака», это нѣчто въ родѣ русскаго кокошиника, солошь вышитый золотомъ; поверхъ сурака надѣвается круглый вышитый платокъ съ бахрамой. Одно время мѣстное начальство запрещало носить этотъ головной уборъ, находя его почему-то безобразнымъ, но со стороны нагайбачекъ послѣдовалъ резовный протестъ; болѣе упорныя старушки носятъ сурака и до сего времени. Остальная верхняя одежда нагайбакихъ женщинъ та же, что и у русскихъ. Изъ украшений, кромѣ колецъ, серегъ¹⁾ и браслетовъ, онѣ носятъ ожерелья и нагрудники, сплошь унизанные крупными серебряными монетами стараго чекана, а дѣвушки надѣваютъ еще чашь-кабы—это длинная лента, шириной въ два вершка, унизанная, какъ и нагрудникъ, монетами; она покрываетъ всю косу. Въ общемъ нарядъ этотъ довольно красивъ и оригиналенъ.

Пища нагайбаковъ какъ въ праздники, такъ и въ будни не отличается особенно отъ пищи русскихъ. Национальное же и самое любимое кушанье ихъ «каймак» приготавливается слѣдующимъ образомъ: надоенное коровье молоко вечеромъ нагайбачка процѣживаетъ въ деревянныя ведра и оставляетъ въ нихъ до утра. Утромъ парное молоко смѣшиваетъ съ вечернимъ и выливаетъ въ казанъ (котель). Какъ только казанъ закипитъ, нагайбачка разливаетъ изъ

¹⁾ До переселенія серги носили также мужчины.

нега молоко въ деревянные ведра и подвѣшиваетъ ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Къ слѣдующему утру молоко отстаивается въ видѣ толстой пѣни — это и есть каймакъ. Сюда же еще можно отнести чухонское масло, перемѣшанное съ фруктами, творогомъ и даже медомъ (замораживается). Въ общемъ нагайбаки любятъ смѣсь жирнаго съ сладкимъ. Пища во время угощенія гостей поражаетъ своимъ обилиемъ и разнообразіемъ, причемъ надлежащаго порядка при подаваніи блюдо не соблюдается; такъ, напримѣрь, первымъ блюдомъ подается компотъ, а къ концу обѣда жирный супъ съ гусатиной, баариной или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ напитковъ болѣе всего употребителенъ квашеный медъ. Пьянство не сильно развито.

Бытъ и занятія. На земледѣліи и скотоводствѣ занимается все благо-
состояніе нагайбака. Землю онъ пользуется на казачьихъ правахъ, и на каж-
даго изъ нихъ полагается по 30 десятинъ земли. Для посѣва землю не удо-
браняютъ, искусственнаго орошенія не производится: «Богъ не дастъ урожая,
такъ вичто не поможеть», разсуждаетъ нагайбакъ, вслѣдствіе чего нерѣдко
губнетъ хлѣбъ отъ засухи, кобылки; ранніе морозы, которые начинаются здѣсь
съ 15 августа, также немало способствуютъ этому. Развитію скотоводства
много препятствуетъ бичъ Оренбургскаго края — конокрадство, практикуемое
киргизами; но несмотря на это, каждый домохозяинъ старается развести какъ
можно больше головъ скота; пастбища въ распоряженіи нагайбаковъ велико-
льпныя. Огородничество за малымъ исключеніемъ не развито. Войсковое нач-
альство взяло теперь на себя трудъ выести послѣднее. О садоводствѣ не
имѣютъ понятія, да оно и бесполезно при здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Звѣ-
роловство ограничивается охотою на волковъ, лисицъ, зайцевъ и корсаковъ:
на него смотрять скорѣе не какъ на промыселъ, а какъ на забаву. Нагай-
баки ведутъ обширное хозяйство, несмотря на то, что военная служба посто-
янно отвлекаетъ ихъ отъ дома; кроме того для нихъ слишкомъ обремени-
тельна подводная повинность, т. е. обязанность бесплатно доставлять лошадей
для проѣзда военныхъ чиновъ. Обмундировывается казакъ на свой счетъ.
Жизнь его исполнена постоянныхъ трудовъ и заботъ, особенно въ лѣтнее ра-
бочее время; онъ вѣчный труженикъ; лѣтомъ отъ зари до зари онъ на ра-
ботѣ, дорожа не только днемъ, но и часомъ. Сельскохозяйственные продукты
сбываются въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ.

Семейные нравы, обычай и другія племенные черты. Женщины у нагайбаковъ находились прежде почти въ состояніи рабства, хотя и не въ такой степени, какъ у киргизовъ и татаръ; такъ, напримѣрь, невѣстка должна была надѣвать и снимать обувь всѣмъ домашнимъ. Теперь же, бла-
гопаря проникшему къ нимъ просвѣщевію, женщины пользуются уваженіемъ.

Въ полевыхъ работахъ и дома по хозяйству она не уступаетъ мужчинѣ въ силѣ и трудолюбіи. Женившись, братья долго вмѣстѣ не живутъ,—отдѣляются и заводятъ свое хозяйство. Женится нагайбакъ довольно рано, не выходя однажды изъ предѣловъ законнаго возраста. Выбираетъ молодой человѣкъ невѣstu самъ, чemu родители нисколько не препятствуютъ.

Прежде у нихъ былъ обычай похищенія невѣсты. Дѣвушка никуда безъ провожатаго выйти не могла, потому что ее высиживали и ждали удобнаго случая, чтобы схватить и увести ее. Если родители въ тотъ же моментъ догадывались о случившемся, бросались въ погоню и отнимали дѣвушку. Позже сами дѣвушки уѣгали, условившись предварительно съ женихомъ или сообщали секретно свое намѣреніе родителямъ; но всѣ эти обычай, лѣтъ съ 50, какъ уже исчезли. Въ настоящее время молодой человѣкъ, полюбивъ дѣвушку, старается прежде всего достигнуть ея взаимности и, въ случаѣ успѣха, заявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться. Послѣдніе выбираютъ свата или сваху и посыпаютъ въ домъ избранной дѣвушки. Придя къ родителямъ дѣвушки, сваха повелительнымъ тономъ восклицаетъ: «посадите меня на подушки, подъ ноги дайте пинекъ». По этимъ словамъ уже узнаютъ о цѣли ее визита, и желаніе ея немедленно удовлетворяется. Затѣмъ, сваха начинаетъ перечислять достоинства жениха и при этомъ незамѣтнымъ образомъ распарываетъ подъ собой подушку; это продѣливается для того, чтобы невѣста скорѣе соглашалась. Отецъ семейства благодаритъ за вниманіе, оказанное его дочери, и на первый разъ отказываетъ свахѣ, ссылаясь на какія-либо обстоятельства, оправдывающія его отказъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ дѣло улаживается, и отецъ просить къ себѣ родителей жениха, чтобы условиться относительно калыма (плата за невѣсту) и подарковъ (съ женской стороны). Въ день бракосочетанія, женихъ, въ сопровожденіи своей матери, свахи и шафера, отправляется въ домъ невѣсты. При входѣ въ избу, онъ дальше «матицы» не долженъ проходить. Будущая теща встрѣчаетъ его и усаживаетъ на подушку¹⁾, причемъ обѣщааетъ подарить овцу или жеребенка; затѣмъ, ставить на столъ большую кадку съ масломъ, береть оттуда масла и мажеть ему голову, приговаривая: «будь такъ же сладокъ и мягокъ для своей жены, какъ сладко и мягко это масло». Всѣдѣ за симъ на столѣ подается каша, и родители невѣсты требуютъ калыма, или, иначе говоря, выкупа за невѣсту, и уже по получении его ёдятъ кашу. Женихъ разливаетъ вино, привезенное имъ, и угожаетъ подругъ невѣсты. Послѣ обѣда вся эта веселая компания, во главѣ съ женихомъ и невѣстой, отправляется съ пѣснями кататься по поселку. По возвращеніи домой, начинается приго-

¹⁾ Знакъ особой почести.

тование невѣсты къ вѣнцу. Родители благословляютъ дочь и ся нареченаго жениха. Во время совершения бракосочетанія, новобрачные незамѣтно спускаютъ себѣ подъ ноги по серебряной монетѣ, желая этимъ обеспечить за собой въ будущемъ супружескую любовь. Изъ церкви молодыхъ встрѣчаютъ на дворѣ съ иконой и хлѣбомъ-солью, при этомъ все присутствующіе на свадѣбѣ становятся въ одинъ рядъ. Получивъ отъ родителей благословеніе, молодые отѣдываются хлѣбомъ (за все это время новобрачная стоитъ съ покрытой головой). Послѣ этого заражѣе приглашенный мальчикъ подходитъ къ новобрачной и бросить передъ ней три раза уздой; новобрачная каждый разъ дотрагивается до узды рукой и даритъ затѣмъ мальчику полотенце; все входить въ домъ, молодые проходить за перегородку¹). Провожатая невѣсты призываютъ маленькаго мальчика и, давъ ему въ обѣ руки стрѣлы (охотничы), береть его за руки и открываетъ такимъ образомъ лицо молодушки, закрытое шалью, спрашивая: «такъ ли?» Отвѣтивъ сама же: «не такъ!», она снова закрываетъ лицо новобрачной и, продѣлавъ это до трехъ разъ, говорить на конецъ: «такъ?» и окончательно открываетъ лицо молодушки, послѣ чего послѣднія уже не закрываетъ. Тутъ же подходить поздравлять молодыхъ и дарить молодую деньгиами. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, начинаютъ пировать. Тѣмъ временемъ виновница торжества, въ сопровожденіи другихъ женщинъ—родственницъ мужа, отправляется на рѣку, какъ бы узнать, куда ходятъ за водой. Зачерпнувъ воды, она возвращается домой и этой водой, называемой у ногайбаковъ «сытой», поить всѣхъ гостей, которые снова дарятъ ей деньги. По окончавшему пира, когда гости собираются расходиться по домамъ, новобрачные, а также сестры и братья молодого нарочно задерживаются ихъ; гости же, не желая долгѣ оставаться, откапаются деньгами.

Приданое невѣсты привозится черезъ нѣсколько недѣль или даже мнѣсѧцъ спустя послѣ вѣнчанія, такъ что молодые до этого времени пользуются обстановкой своихъ родителей. Приданое привозится въ Покровъ Пр. Богородицы, въ Троицныи день или вообще въ большие праздники; тогда только и начинается торжество, а все вышесказанное еще не есть свадьба.

Въ означенный день, по приглашенію родителей невѣсты, родственники и гости начинаютъ сѣѣзжаться въ лучшихъ повозкахъ, и затѣмъ весь поѣздъ распредѣляется такъ: впереди єдетъ «аргышъ» (вожакъ), за нимъ везутъ постель молодушки и все приданое, вслѣдъ за ними єдетъ деверь ея съ женой и т. д. На постель сажаютъ двухъ мальчиковъ. На встрѣчу этому поѣзду въ домѣ свата выходить съ хлѣбомъ-солью и пивомъ. Затѣмъ, шаферъ жениха начинаетъ торговаться постель у мальчиковъ, сидящихъ на ней; по-

¹) Входя въ домъ, новобрачная вѣшасть на узды полотенце, желая обрѣсти здѣсь счастье.

съдніе запрашивають иѣсколько тысяч рублей, торгуются и, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ соглашаются на иѣсколькоихъ копѣйкахъ. Все приданое вно-
сать въ домъ. За столъ гости садатся по старшинству. Въ это время стар-
шая невѣстка развѣшиаетъ въ комнатѣ полотенца, занавѣски молодой, при
чемъ просить дать ей серебряные и мѣдные гвозди и получаетъ день-
гами. Послѣ этого всѣмъ родственникамъ молодого раздаются подарки. На
другой день всѣ бывшіе на свадьбѣ взымаютъ къ себѣ молодыхъ и дарятъ
имъ домашнихъ животныхъ. Затѣмъ гости опять приглашаются въ домъ
тестя, послѣ чего начинаютъ ходить изъ дома въ домъ по очереди другъ
къ другу, и пиръ шумный, веселый, въ казачьемъ духѣ, продолжается еще
иѣсколько дней. Нигдѣ, кажется, не уничтожается столько водки, сколько
здѣсь на свадьбѣ: у бѣдныхъ отъ 5 до 10 ведеръ, у богатыхъ отъ 10—20
ведеръ.

Дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, нагайбаки отдаютъ
въ школы, гдѣ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и
письмо, ариѳметика и для мальчиковъ строевая часть. Наряду съ строевымъ
образованіемъ они обучаются военнымъ прѣемствамъ; имъ также рассказываютъ
события изъ боевой жизни. Учителя изъ мѣстныхъ нагайбаковъ или присылаются
изъ татарской учительской или крещено-татарской школы въ Казани. Главный
интересъ школы состоить въ обученіи дѣтей русскому языку. Съ дѣтьми нагай-
баки ласковы, а тѣ, въ свою очередь, уважаютъ своихъ родителей.

На службѣ и въ частной жизни нагайбаки отличаются неподкупной
честностью и покорностью властамъ. Они преданы царю, и это вошло въ
сознаніе каждого изъ нихъ. На войнѣ отличаются храбростью, что видно изъ
того, что между ними много георгіевскихъ кавалеровъ. Нагайбакъ рѣдко
измѣняетъ данному слову. Въ общемъ онъ способенъ, понитливъ, темпера-
мента хотя и горячаго, но отъ природы добръ и уступчивъ; въ основѣ его
характера—мягкость, гибкость; онъ не мстителенъ, но постоять за свою честь
въ случаѣ надобности умѣеть; въ нагайбакѣ, повидимому, простоватомъ, кроется
неукротимая воля и сильная энергія. Отличительная же черта въ характерѣ
женщинъ—скромность; большинство изъ нихъ очень застѣнчивы.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молодежь обоего пола предается
разного рода играмъ и забавамъ; въ вечернее время поеть пѣсни, водить
игры и хороводы. Съ наступленіемъ осенихъ темныхъ вечеровъ хороводы и
игры прекращаются, на смѣну имъ являются «вечерки», куда дѣвушки со-
бираются съ рукодѣліями. Сборнымъ мѣстомъ у нихъ бываетъ домъ какой-
нибудь бѣдной вдовы или бездѣтной старушки. Сюда являются молодые парни,
прощеные и непрошеные, повеселиться.

Дѣвушки на рождественскихъ святкахъ гадаютъ; болѣе всего употре-

бителенъ слѣдующій родъ гаданія: изъ собравшейся молодежи выбираютъ двухъ девицъ, наблюдаютъ при этомъ, чтобы они были младшими въ семье, и чтобы родители ихъ были живы; затѣмъ, отправляютъ ихъ на реку за водой. Провернувъ воды, она опускаютъ въ ведро медную монету: если она ляжетъ на дно орломъ вверхъ, значитъ, урожай хлѣба въ предстоящемъ году будетъ хороший. Потомъ принесенную воду ставятъ на столъ, и каждая изъ девушекъ, загадывая что-нибудь про себя, опускаетъ въ ведро перстень; затѣмъ, одна изъ девицъ начинаетъ разбалтывать рукой воду и поеть короткій куплетъ святочной пѣсни¹⁾; пропѣвъ, она вынимаетъ изъ ведра перстень и отдаетъ обладательницѣ его; по смыслу пропѣтаго куплета, уже догадывается объ ожидающей ее судьбѣ. Гаданіе это продолжается до полночи.

Масленица — самый разгульный зимний праздникъ, и въ немъ участвуютъ все безъ различія пола и возраста. Молодежь катается по поселку съ пѣснями, причемъ поютъ очень протяжно иѣздить шагомъ. Затѣмъ, они собираются на площадь и сваливаютъ другъ друга на снѣгъ; игра эта продолжается всю масленицу.

Случаевъ, когда нагайбаки устраиваютъ попойки, много, но самые выдающіеся изъ нихъ: свадьбы, крестины, храмовые праздники, проводы казака на службу и весенняя скачки.

Проводы казаковъ-нагайбаковъ въ службу сопровождаются особыми обрядами. Казакъ, отправляющейся на службу, въ самый день отѣзда ставитъ передъ иконами сѣчку, затѣмъ беретъ цѣлый коронный хлѣбъ и, срѣзавъ горбушку, отдаетъ ее семью, а себѣ отдѣляетъ небольшой ломтикъ и тутъ же съѣдаетъ его; горбушка же должна сохраняться его семейными въ особомъ сундуке до возвращенія казака со службы. Сѣвъ ломтикъ хлѣба, казакъ кладетъ передъ иконами три земныхъ поклона, потомъ кланяется въ ноги отцу, матери и другимъ старшимъ членамъ семьи. Всѣ выходятъ во дворъ, затѣмъ казакъ три раза кланяется въ ноги своему коню, боевому товарищу по службѣ; потомъ, перекрестясь, садится на него и при выѣзда со двора три раза ударяетъ нагайкой о ворота. На улицѣ онъ сѣзаетъ съ лошади и прощается съ родными и знакомыми, которые тѣсно обступаютъ его съ пожеланіемъ благополучного возврата домой. Наконецъ, казакъ беретъ за поводъ лошадь въ дѣсть съ ней за околицу, въ сѣмь вѣстъ и вся остальная толпа. Девушки поютъ ему при этомъ прощальную пѣснь. Приводимъ ее въ переводѣ.

1.

Пришло время вспрѣгнуть на коней,
Вотъ виднѣется Гунбейская переправа:

¹⁾ Нѣкоторые девушки знаютъ около сотни этихъ пѣсень.

Таковы ужъ дѣла и обстоятельства моего сына,
Что ему надлежитъ уйти, покинувъ свою родину!..

2.

На вершинѣ Біекейской горы
Лежать блестая драгоценные камни...
Лебеди летать, но не достигаютъ того мѣста,
Куда уходитъ, говорятъ, казацкія головы (т. е. казаки).

3.

Луна—наверху, мы—внизу.
Развѣ можно догнать луну?
Ужъ не пойхать-ли намъ вмѣстѣ, вмѣстѣ!
Что мы станемъ дѣлать въ разлукѣ?

Проводы эти имѣютъ видъ довольно торжественный.

Великій праздникъ Пасхи ознаменовывается скачками и джигитовкой. Въ послѣдней участіе принимаютъ не только молодые парни, но и подростки. Джигитовать—значить дѣлать всевозможныя эволюціи на лошади: джигитъ становится на перекинутый крестъ на-кресть стремена и скакать стоя, скакать кверху ногами, держась руками за стремена или за сѣдло или висить на одной сторонѣ лошади, стараясь на полномъ карьерѣ поднять съ земли какой-нибудь предметъ. Посадка нагайбака на лошади чрезвычайно красива, какъ и у всѣхъ казаковъ вообще; нагайбакъ ъздить на короткихъ стременахъ; на рыси онъ становится на стремена и такъ низко наклоняется иногда, что голова его почти касается шеи лошади; но когда ъдетъ шагомъ или галопомъ, составляющими обыкновенный аллюръ, онъ держится прямо.

Къ рыцарскимъ упражненіямъ нагайбаковъ можно еще отнести борьбу: при многочисленной толпѣ зрителей дное изъ присутствующихъ выходить на середину, снимаютъ верхнюю одежду, затѣмъ обхватываютъ другъ друга, пригибаются къ землѣ то въ ту, то въ другую сторону, стараясь пристомъ повалить противника на землю. Зрители между тѣмъ подзадариваютъ борющихся, выражаютъ одобрение или осыпаютъ насмѣшками, приходя сами въ то же время въ сильное возбужденіе. Наконецъ, одинъ изъ борющихся, при общемъ ходѣ окружающихъ, сконфуженный, падаетъ на землю. Поднимается шумъ, восклицанія, слышатся упреки, одобренія и бой оканчивается.

Въ свободное время нагайбаки сидѣть группами на завалинкахъ; женщины всегда съ руководствомъ. Отдѣльно отъ нихъ ведутъ бесѣду съ добродѣльными старичками и, покуривая коротенькия трубки, вспоминаютъ про бывшіе походы. Въ поселковомъ правлѣніи часто у казаковъ-нагайбаковъ бываютъ сходки, гдѣ предсѣдательствуетъ поселковый атаманъ. На сходкѣ атаманъ объявляетъ

распоряжения начальства относительно чьей-либо жалобы или дѣлежа луговъ или же рѣшаютъ свои частные дѣла. Въ поселковомъ правлении и въ официальной сходки всегда бываетъ толпа народа: это для нихъ клубъ своего рода; здѣсь ведутся оживленные споры о чёмъ-нибудь, долетаютъ сюда и газетныя новости, причемъ къ новостямъ политическимъ выказывается особыній интересъ.

Въ нагайбакахъ сильно развито гостепріимство и простирается оно на всѣхъ, кромѣ прожорливыхъ киргизовъ. «Если посадить его за столъ, онъ и салфетки всѣ съѣсть», говорятъ они про него, и, кажется, не ошибаются. Какъ только въ избу зашель «кунакъ» (гость), нагайбачка тотчасъ накрываетъ столъ скатертью и ставить на него хлѣбъ съ каймакомъ. Гости за столомъ сидятъ чинно, похваливаютъ поданныя кушанія и много не Ѹдѣлятъ. Женщины церемонятся больше всего. Прежде былъ обычай, вставъ изъ-за стола, отдавать хозяевамъ по извѣзкому поклону; теперь обычай вѣтъ утратился.

Въ нагайбакахъ развито и эстетическое чувство, и они не лишены поэтическаго дара. Любимый изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ гусли, на которыхъ они играютъ артистически. Характеръ ихъ пѣсень болѣе чаю заунывный; въ нихъ слышится тоска по утраченной милой родинѣ, откуда они были переселены. Въ этихъ пѣсняхъ напрасно искать возвышенныхъ мыслей, выраженныхъ въ изящной формѣ. Нагайбакъ плохо знаетъ свой языкъ, которому никогда правильно не обучался. Главную роль въ его стихахъ играетъ рифма, и, сочиняя пѣсни, онъ больше имѣеть въ виду приготовленную заранѣе мелодію. Въ пѣсняхъ больше всего воспѣваютъ любовь и природу.

Содержаніе же сказокъ нагайбаковъ наивно-пошлое. Приведемъ одинъ образчикъ изъ ихъ анекдотовъ: «Жили были мужъ да жена. Мужъ занимался ловлею рыбы, а жена ничего не дѣлала и крайне была лѣнива. Мужъ, наловивъ рыбы, приносилъ домой и отдавалъ женѣ чистить; она же, чтобы свалить съ себѣ эту обязанность, отдавала чистить кошкѣ; та каждый день рыбу съѣдала, а хозяйка терялась въ догадкахъ,—куда дѣвается рыба. Наконецъ, мужъ, выйдя изъ терпѣнія, взялъ прутъ и сталъ лупить кошку; посѣдѣвши бросилась къ хозяйкѣ и начала ей царапать руки.—Отпустимъ ее, говоритъ жена. — А зачѣмъ она съѣдаетъ рыбу, вѣдь я не для нея тружусь—отвѣчаетъ мужъ. И каждый разъ, какъ онъ начинаетъ бить кошку, она исцарапываетъ руку хозяйки до крови. «Э! подумала она, что же я сама до сихъ поръ не чистила рыбу», и просила мужа не бить кошку. И съ той поры хозяйка уже всегда сама чистила рыбу».

Татарскій языкъ, на которомъ нагайбаки говорятъ, не литературный, а народный, употребляющійся только для выраженія житейскихъ нуждъ. Чужихъ

вліяній на ихъ нарѣчіи не замѣтно. Манера говорить у нагайбаковъ очень живая.

Во время болѣзни нагайбаки обращаются къ фельдшерамъ, хотя и не особенно довѣраютъ имъ. Послѣдніе, обучаясь фельдшерскому искусству, преимущественно проходятъ научно-теоретический курсъ по книгамъ и безъ практической подготовки назначаются въ станицы. Здѣсь, находясь по нѣсколько лѣтъ въ удаленіи отъ войскового врача, они не могутъ пріобрѣсти практическіхъ познаній на столько, чтобы самостоятельно и съ успѣхомъ продолжать изученіе. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является недовѣріе со стороны населенія къ рациональной медицинѣ. Эти же причины, въ связи съ природнымъ суевѣріемъ и невысокой степенью умственного развитія казачьаго населенія, заставляютъ его для излѣченія своихъ недуговъ обращаться большей частью къ знахарамъ и знахаркамъ, которые съ успѣхомъ отправляютъ своихъ пациентовъ прежде времени въ праотцамъ. Между прочимъ, если болѣзнь, по мнѣнію знахарки, произошла отъ прикосновенія бѣса, то она спрыскиваетъ больного водой, пощептавъ предварительно надъ ней; если отъ покойника — велитъ печь прѣсныхъ алады, а если болѣзнь причинилъ водяной, то въ рѣку спускаютъ щепотку крупы и соли. Но общеупотребительныя средства, какъ то: отвары ромашки, звѣробоя, бородавки, травы, репейного корня, а также нашатырь, синий купоросъ, мышьякъ, сургуча здѣсь въ большомъ употребленіи. Кликушъ, или перво больныхъ, между нагайбачками положительно никогда не бываетъ; надъ подобными больными изъ русскихъ онѣ даже смѣются.

Основаніемъ разныхъ предразсудковъ и суевѣрій въ здѣшнемъ населеніи служить, какъ и везде, главнымъ образомъ ненѣжество, а отсюда наклонность безсознательно вѣрить всякой иебылицѣ, передаваемой изъ рода въ родъ за непреложенную истину.

Лѣтъ сто тому назадъ у нагайбаковъ былъ слѣдующій обычай: въ одинъ изъ весеннихъ дней нагайбачка варила кашу, и въ тотъ день въ домѣ должны были царить миръ и спокойствіе; татарь и русскихъ въ домѣ быть не должно. Затѣмъ, двѣ женщины, надѣвъ чистое бѣлье и положивъ кашу въ двѣ посуды, съ зажженой восковой свѣчой спускались въ подполъ и, кланяясь въ поясъ воображаемому домовому, просили его, чтобы онъ молился Богу за нихъ и чтобы самъ онъ отвратилъ отъ нихъ въ этомъ году всѣ бѣды. Сказавъ такую рѣчь, онѣ несли кашу обратно и семейные тутъ же ее съѣдали, причемъ молиться Богу послѣ стола въ этомъ случаѣ запрещалось. Затѣмъ въ эту же ночь нагайбачка съ кашей и прѣсными чепешками отправлялась на рѣку и, обращаясь къ рѣкѣ, вела слѣдующую рѣчь: «отецъ водяной и красавица водяная, примите отъ меня даръ сей и оградите домъ мой въ этомъ году отъ опасности! Съ той же молитвой она обращалась

къ Богу и, поклонившись въ поясъ по направлению къ рѣкѣ, спускала принесенную кашу и лепешки въ воду. При возвращеніи домой, оглядываться нельзя. Все вышесказанное женщинами продѣльвалось съ благоговѣніемъ и тайно отъ другихъ. Точно такъ же нагайбачка входила съ кашей въ конюшни, гдѣ на привязи стояла лошадь, и опускала стяжку вту въ ясли; затѣмъ, поставивъ передъ блюдомъ свѣтку, низко кланялась и, шепча, къ кому-то обращаясь, молитвы, просила, чтобы скотъ въ этомъ году оставался дѣль и невредимъ и чтобы лошади были такъ же крѣпки, какъ сталь; при послѣднихъ словахъ, она гдѣ-нибудь въ углу конюшни зарывала кусочекъ стали и, опять низко кланяясь,— удалялась.

Нагайбаки вѣрить въ бессмертие души, хотя ясного представления обѣ адѣ и раѣ не имѣютъ; впрочемъ, склонны представлять себѣ рай въ видѣ прекраснаго сада, а адъ, какъ огненное море, гдѣ во всевозможныхъ видахъ мучатся грѣшники. Подобному представлению о загробной жизни много способствуютъ лубочныя картины, такъ распространенные у насъ на Руси.

Похороны совершаются по христіанскимъ обрядамъ. Причтать и вѣти по покойникѣ не принято и даже считается неприличнымъ; вообще въ характерѣ и поступкахъ нагайбака замѣтна большая выдержка. По окончаніи похоронъ, всѣ присутствующіе на нихъ приглашаются на поминки. За столомъ гости размѣщаются, какъ и всегда, по старшинству или по важности занимаемаго положенія въ обществѣ. Прежде всѣхъ блюда подаются холодные блины съ медомъ. Пить водку на поминкахъ считается предосудительнымъ. Вечеромъ, послѣ похоронъ, въ домъ умершаго приглашаются дѣвушки. Они садятся около опустѣвшей постели умершаго и, какъ бы вспоминая его, поютъ заунывныя, плачевые пѣсни. По праздникамъ, для поминовенія усопшаго на могилу его родственники приносить пищу; послѣдній обычай переняты, по всейѣ вѣроятности, отъ русскихъ.

На умственное и религиозное состояніе нагайбаковъ имѣть влияніе не столько жительство близъ русскихъ, сколько школа и церковь. Въ вѣрованіяхъ нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій языческихъ съ христіанскими¹⁾. Въ перечисленныхъ видахъ семи поселкахъ склонности къ магометанству не замѣтно, за исключеніемъ поселка Требій, о которомъ будетъ сказано дальше. Нагайбаки носить на груди крестъ, за столъ садятся не молясь, собираются воскресные и праздничные дни, посѣщаются, хотя и не часто, церковь исполнять многие христіанскіе обряды и въ то же время не собираются постовъ, установленныхъ св. церковью. Ученіе христіанской вѣры нагайбаки мало понимаютъ и видятъ въ ней лишь одни внешніе обряды безъ пониманія ихъ духовнаго

¹⁾ Нагайбаки, проживав въ Баканахъ, имѣли, должно быть, сношенія съ чеченцами и чувашами.

смысла. Предание нагайбаковъ гласить, что они были крещены насильно, даже при содѣйствіи орудій пытки. Что они были крещены дѣйствительно поспѣшино, безъ руководителей, которые постепенно внушили бы имъ истины христіанской религіи—слишкомъ очевидно, а что касается орудій пытки, то это было въ духѣ временъ Иоанна Грознаго. Всякій знаетъ, какъ трудно склонить магометанина къ какой-либо вѣрѣ. Но что болѣе всего могло отталкивать нагайбаковъ отъ христіанства, такъ это не высокій правственный уровень первыхъ проповѣдниковъ его въ нѣкоторыхъ поселкахъ. Когда эти пастыри церкви были замѣнены впослѣдствіи лучшими, незнаніе русскаго языка (въ особенности женщинами), съ одной стороны, и татарскаго, съ другой—послужило новымъ препятствіемъ къ ихъ сближенію съ обращаемыми въ христіанство. Индифферентное отношеніе нагайбаковъ къ вопросамъ непонимаемой ими религіи охлаждало первоначальный пыль священниковъ, и пастыри и новокрещенные были чужды другъ къ другу. И до сихъ поръ нагайбаки разсказываютъ нѣкоторые курьезные случаи изъ того времени. Напр., робкая нагайбачка, идя къ исповѣди, не знала, зачѣмъ ее сюда позвали; затѣмъ, вопросы изъ ломаниемъ татарскому языкѣ и наивные отвѣты нагайбачекъ обнаруживали полное непониманіе или значенія исповѣди.

Въ 1880 году нагайбаки впервые услышали, наконецъ, богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Радостно встрепенулись они, услышавъ впервые на своемъ родномъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрадамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тугою покорностью. Интересъ религіозный между ними возбудился. Они увидали, наконецъ, что обряды и таинства имѣютъ глубокій смыслъ.

Около этого же времени въ школахъ и всюду стали являться въ большомъ количествѣ священные книги, переведенные на татарскій языкъ профессоромъ казанской духовной академіи Ильминскимъ. Грамотные изъ нагайбаковъ живо заинтересовались этими книгами, которыхъ стали переходить изъ рукъ въ руки; распространенію этихъ переводовъ много способствовали, конечно, ученики мѣстныхъ школъ.

Богослуженіе на татарскомъ языкѣ совершило чудо: то, чего не могли достигнуть въ три столѣтія, совершилось въ какія-нибудь 15 лѣтъ. Нагайбаки толпами идутъ въ церковь и прежняя, отображавшаяся скука на ихъ лицахъ во время богослуженія, замѣнилась теперь слезой умиленія.

Священниками теперь состоять уроженцы изъ нагайбаковъ и въ мѣстномъ населеніи пользуются большимъ уваженіемъ. Проповѣди въ церквяхъ слушаются нагайбакскими христіанами съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждый, прида домой, передаетъ смыслъ ея тѣмъ изъ членовъ семьи, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли быть въ церкви. Особенно привле-

кательно для нихъ шѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языке. Шѣніе отличается стройностью, выдержанностью и производить сильное впечатлѣніе на младшихъ.

Но все вышесказанное относится только къ тѣмъ поселкамъ, гдѣ есть церковь, и гдѣ богослуженіе совершаются на татарскомъ языке, а въ остальныхъ, гдѣ ничего подобного нѣтъ—все остается по прежнему.

Въ настоящее время одинъ только поселокъ Требій открыто отпалъ отъ христианства: жители его объявили себя магометанами. Исключительную склонность Требійцевъ къ магометанству можно объяснить тѣмъ, что, проживая въ Белебеевскомъ уѣздѣ, они были окружены татарами. Кроме того, съ переходомъ въ христианство они, по всей вѣроятности, были не въ силахъ отречься совершенно отъ прежней религіи, которая такъ овладѣла имъ умами и воображеніемъ. Церковь въ Требій построена недавно. Священникъ не подготовленъ къ миссионерскому служенію, а для того, чтобы бороться съ совратившимися, необходимо знать существо магометанской вѣры, убѣдительного опроверженія которой онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ представить. Онь въ ихъ глазахъ не авторитетное лицо¹⁾: «вѣдь самъ не больше нашего знаешь»,—говорить ему требійцы. Если священникъ и озабочивается насчетъ утвержденія ихъ въ христианствѣ, то все стараніе его обращается теперь на внѣшность: чтобы ходили въ церковь, совершали требы и т. д., потому что обратить ихъ внимание на существенные стороны религіи онъ хотя и старался, но безуспѣшио: темные казаки подчинились произволу татарскихъ мулль. Между тѣмъ, поселковый атаманъ угрозами заставляетъ ихъ крестить дѣтей. Это еще болѣе ожесточаетъ совратившихъ. На отступлѣніе этой горести людей отъ прав. вѣры высшее духовенство смотритъ сквозь пальцы, резонно предполагая времени ихъ возсоединеніе съ христианской церковью.

Калмыковъ нагайбаки не любятъ и, зная ихъ привычку питаться падалью, смотрять на нихъ съ отвращеніемъ.

Переселившись на новые мѣста, нагайбаки, въ особенности женщины, сильно тосковали по прежней—богатой природой—родинѣ: приходи съ ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу рѣки и горько плакали. Кругомъ казаковъ кочевали киргизы, а угнать чужой табунъ считалось у нихъ особымъ доказательствомъ удальства. Впрочемъ, въ отношеніяхъ нагайбаковъ съ киргизами не замѣтно особенной вражды. Степная жизнь послѣднихъ въ грязныхъ кибиткахъ — крайне непривлекательна для взора нагайбаковъ, и нѣтъ между ними ничего общаго, что могло бы сдружить или сблизить ихъ между собой.

¹⁾ Требійский священникъ—бывшій казакъ ихъ поселка.

Башкиры живут у нихъ большою частью въ работникахъ. На башкиръ нагайбаки смотрятъ съ пренебрежениемъ, почти не считая ихъ за людей.

Къ русскимъ казаки относятся съ уважениемъ, не считая однако себя ниже ихъ. А первые, въ свою очередь, смотрятъ на нагайбаковъ свысока; послѣднее происходитъ отъ привычки русского человѣка не любить все то, что не русское.

До переселенія у нагайбаковъ былъ обычай, по которому девушки по выходѣ замужъ долгое время не могли говорить со свекромъ, свекровью и старшими изъ мужинной родни. Наконецъ, они сами просили ее разговаривать съ ними и, при этомъ, поднося ей монету, спрашивали: «серебро или золото»? Она должна была дать отвѣтъ, и съ этого времени ей уже разрешалось говорить съ ними.

Нагайбаки во время званихъ обѣдовъ предлагаютъ тосты, и каждый, обращаясь къ тому, за чье здоровье онъ хочетъ пить, поетъ ему застольную пѣснь, наблюдая при этомъ, чтобы слова пѣсни подходили къ характеру воспѣваемаго.

Переселенія нагайбаковъ изъ Белебеевскаго уѣзда, правительство представило имъ самимъ право выбирать мѣстожительство въ край. Большая половина ихъ образовала выше переименованные семь поселковъ, а остальная часть разбрѣлась по русскимъ казачьимъ селеніямъ—ближе къ Оренбургу¹). Эти послѣдние, поселившись въ русскихъ поселкахъ, совершенно утратили свои природные обычай, одежды и пр., но сносились съ татарами въ Оренбургѣ, они отчасти, хотя и тайно, предались магометанству. Такъ какъ въ этихъ поселкахъ русскихъ больше, то и богослуженіе въ церквиахъ совершаются на славянскомъ языке. Большинство здѣшнихъ нагайбаковъ—христиане только名义льно, но старательно скрываютъ это отъ русскихъ. Священники мѣстные казаки оказываютъ почтеніе, но если пристальнѣе всмотрѣться въ отношеніе ихъ къ своему іерох., то подъ маской угодливости нельзя не замѣтить въ нихъ холодно-жестокую уступчивость необходимости и совершение отсутствіе искренности. Они склонны къ магометанству, а сами ровно ничего не понимаютъ въ этой религіи, и не пристали, какъ говорится, ни къ вашимъ, ни къ нашимъ. Изъ обычавъ, утратившихъ свою самобытность, у здѣшнихъ казаковъ сохранился только одинъ: правднованіе «куранъ-байрамъ». Въ этотъ день нагайбаки єздятъ въ поле и совершаютъ тамъ нѣчто вродѣ жертвоприношенія. Для этого въ поле приглашается татаринъ, который продолжительное время читаетъ молитвы и вакалываетъ барана. Затѣмъ, это жертвеннное мясо варятъ

¹⁾ Нѣженскомъ, Ильинскомъ, Подгорномъ, Гирьялъ и Алабайталъ.

въ котлахъ и съѣдаются. Все это дѣлается незамѣтнымъ образомъ отъ русскихъ. Сюда даже приглашается священикъ служить молебенъ. Татаринъ же колетъ барана, пріѣхавъ на мѣсто еще наканунѣ, и, сдѣлавъ свое дѣло, поспѣшио уѣзжаетъ, а потому нѣкоторые гости изъ русскихъ и не подозрѣваютъ всего происшедшаго.

Недавно жители Нѣженского поселка подали прошеніе, изъ котораго видно, что они не желаютъ имѣть въ своемъ обществѣ христіанъ, никогда не посещающихъ церкви. Нагайбаки вспомнились и не пропускаютъ теперь ни одной церковной службы. Но какъ далеки они отъ того чувства, какимъ переполнены сердца ихъ же собратьевъ Остроленцевъ, Ферелампелуазцевъ, Парижанъ и др.! На своихъ отступниковъ нагайбаки смотрятъ съ презрѣніемъ.

Нагайбакъ рѣзко отличается отъ другихъ инородцевъ въ краѣ. Онъ — казакъ, что означаетъ олицетвореніе отваги, мужества, смѣлости, находчивости и безшабашной удали: одно это название можетъ достаточно характеризовать его.

E. A. Бектеева.

М. Черный Островъ.

О Т ДЪЛЪ II.

О бытѣ казаковъ Восточнаго Забайкалья.

Русское казачье населеніе Восточнаго Забайкалья въ данное время населяетъ бассейны рр. Ингоды, Шилки, Онона и Пряргунскія степи. Оно сложилось изъ двухъ группъ: 1-ю группу составляетъ та русская казацкая вольница, которая открыла свое завоевательное движение черезъ озеро Байкалъ въ 1638 году, подъ начальствомъ атамана Максима Перфильева, дѣло которого продолжали его послѣдователи: пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ урядникомъ Скороходовымъ, перешедшіе въ 1643 году Байкалъ, и сотникъ Бекетовъ съ Максимовыми, которыхъ въ 1653—1654 гг. удалось проникнуть чрезъ Яблоновый хребеть и въ 1654 году заложить Нерчинскій острогъ.

Слѣдомъ за казаками, иногда и раньше ихъ, проникали туда же промышленники, привлекаемые во вновь покоренную землю пушниной, а вслѣдствія благородными металлами. Изъ тѣхъ и другихъ въ послѣдующее время образовалось служилое слово, которое несло свою службу въ городахъ, острогахъ и по границѣ, и во времена Сперанского изъ нихъ составили забайкальскій городовой полкъ и возложили на него полноправную службу; остальные же казаки числились станичными и были обязаны охранять и защищать мѣста, ими заселляемыя, и выставлять по границѣ караулы.

Вторую группу образовали нерчинско-заводскіе крестьяне, которые составлялись изъ крестьянъ, переселенныхъ изъ Западной Сибири въ началѣ 17 столѣтія; къ нимъ приписали жившихъ уже въ Забайкальѣ государственныхъ крестьянъ, которые, начиная съ конца 60-хъ годовъ 17 столѣтія, формировались: изъ крѣпостныхъ крестьянъ, ссылавшихся помѣщиками взамѣнъ рекрутчины, отставныхъ солдатъ, подлежавшихъ ссылкѣ преступниковъ и крестьянъ, отправлявшихся въ концѣ 18 столѣтія добровольно въ Сибирь для пашни.

Въ 1851 году нерчинско-заводскіе крестьяне были переименованы въ казаковъ и вмѣстѣ съ станичными казаками Нерчинскаго округа составили пѣшіе казачьи батальоны. Въ среду казаковъ, состоявшихъ изъ этихъ двухъ группъ, съ 1854 по 1858 годъ былъ введенъ новый элементъ—штрафованные нижние чины гарнизонныхъ батальоновъ внутреннихъ губерній Россіи.

Отсутствие здѣсь русскихъ женщинъ заставляло казаковъ похищать себѣ женъ изъ инородокъ, почему у русскаго казака, за исключениемъ позднихъ колонизаторовъ, часто встрѣчаются монгольскія черты лица: то выдающіяся скулы и широкій носъ, то при правильныхъ чертахъ лица жidenьевская бородка, то узкие, сѣрые, съ косымъ разрѣзомъ глаза. Инородческое влияніе инородческихъ женщинъ отразилось на русскихъ не въ одномъ физическомъ измѣненіи расового типа, оно, частію, отразилось и на ихъ міровоззрѣнії, на языкахъ, обычаяхъ, покрояхъ одежды.

Современная казачья усадьба состоитъ изъ дома, амбара, сараевъ, повѣтки для скота, хлѣвовъ для овецъ, дворовъ и прилегающаго къ дому огорода. Все это обносится заборомъ, сдѣланымъ изъ досокъ, бревенъ, жердей или частоколомъ. Въ нѣко торыхъ же караулахъ, за отсутствиемъ лѣса, надворные постройки ограничиваются

однимъ амбарчикомъ и жердяными двориками. Часто не бываетъ и двора. Входъ въ избу обыкновенно со двора. Изба казачья состоитъ изъ двухъ половинъ: сѣней и собственно избы, а у зажиточныхъ же дома состоять изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ коридоромъ. Иногда внутри дома дѣлаютъ перегородки, на которыхъ размалеваны красками разные узоры или цветы. Окно бываетъ отъ 3-хъ до 4-хъ съ ординарными рамами. Дома кроютъ берестой, а сверху драньемъ, зажиточные тесомъ, стаки соломой, или лиственничнымъ корыемъ. Стѣны, въ большинствѣ случаевъ, круглые и потолки не обтесанные и не бѣленые. Однѣ разы въ году, къ Пасхѣ, какъ стѣны, такъ и потолокъ скребутъ особыми желѣзными скребками. Встрѣчается, что обтесанные и не обтесанные стѣны и потолки бѣлять известью. Почти половину избы занимаетъ громадная русская печь. Печь дѣлается настолько широкой, что въ зимнее время на ней спать нѣсколько человѣкъ; кроме того, на ней же сушатъ хлѣбъ для помола; устье печи полукруглое, передъ нимъ шестокъ, который есть продолженіе dna печи; на шестокѣ становятся вынутые изъ печи горшки; нижняя часть печи представляется собою ящикъ изъ плахъ, набитый галькой и глиной, и поверхъ всего этого настланъ кирпичный подъ (дно печи) и только стѣны и сводъ печи выкладываются изъ кирпича. Внизу, въ деревянной части печи, устраивается помѣщеніе для куръ (шестокъ), а за печкой, около стѣны, широкая полка «гопчикъ», гдѣ кладутъ ухватъ, кочергу, лопаты и проч. Подъ печи помѣщается кадка для воды и лоханка для слиянія помой, надъ ней же и умываются, беря изъ ковша воду въ ротъ. Рядомъ съ печкой на аршинномъ разстояніи отъ потолка почти половины избы занимаютъ палаты (досчатая горизонтальная заборка). На палатахъ ночью снять, а днемъ складываются не нужную «платье» (платье) и прочія ненужныя принадлежности. Около самой печи вдоль ея со стороны входной двери тянется «слѣнивка», гдѣ отдыхаютъ днемъ; съ нея же лазятъ на печь и палаты. Отъ палатъ къ передней стѣнѣ почти по среди избы тянется брусья, на который кладутъ кушаки, шапки и прочія вещи. Въ «кути» около стѣны приделана широкая полка для посуды. У нѣкоторыхъ тутъ же въ углу прибить небольшой шкафчикъ. Въ переднемъ углу большая рѣзная божница съ массой иконъ. Около стѣнъ идутъ белыя лавки и разославанная кровать, на которой въ безпорядкѣ валиются разное платье и тряпицы. Колы не красены; поэтому, желая сохранить ихъ чистоту, на полъ настилаютъ замѣй солому, а лѣтомъ свѣжую траву или мелкій песокъ. То и другое создаетъ пыльную, ничѣмъ не вентилированную атмосферу. Зимой въ жиломъ домѣ помѣщаются за особыми перегородками около входныхъ дверей, телята, ягнята и поросыта, въ шестокѣ подъ печью—куры. Все это создаетъ невозможный воздухъ; однако и взрослые, и дѣти такъ свыкаются съ нимъ, что незамѣчаютъ постоянного влажности.

Одежда мужчины состоять изъ сарниковой или ситцевой рубахи съ ременнымъ кушакомъ или шнуркомъ, изъ дабовыхъ или тиковыхъ панталонъ (то и другое запашивается до невѣроятности) изъ ичеговъ, изъ картуза, халата или чуги (зипунъ изъ сукна собственного издѣлія). Въ праздники грязная рубаха и панталоны сѣняются чистыми и дополняются пиджакомъ или жилетомъ и шароварами изъ бумажной матеріи, а не то и изъ тонкаго сукна. Холостые парни надѣваютъ зачастую «холодай»—рубашка изъ яркоцвѣтныхъ шерстяныхъ матерій или изъ кашемира. Зимой носятъ баражковая съ ушами шапки; зажиточные же казаки дѣлаютъ ихъ изъ лисьихъ лапъ, а щеголи покупаютъ круглые бобровыя или другія шапки. Верхней же одеждой въ зимнее время служить баранья дубленная шуба; причемъ у олонскихъ и аргунскихъ, а часто и у нерчинскихъ казаковъ шубы бурятскаго покрова съ низкимъ воротникомъ, плисовой оторочкой вокругъ подола, груди и общлаговъ. Во время зимнихъ работъ или извоза сверхъ шубы надѣваютъ доху изъ шкуры домашней или дикой козы, на руки—бараны рукавицы или вязанные изъ шерсти варежки съ «мохнатыми» сверху, т. е. рукавицами, сшитыми шерстью вверхъ. Вместо сапогъ служать уты изъ козьей шкуры, сшиты шерстью внутрь, и чулки или же валенки. Женщины носятъ внизу ситцевую рубашку съ подшитой къ ней дабовой или холщевой «станушкой» (юбкой). Сверху надѣваются ситцевое платье, или сарафанъ, или же юбка съ кофтой. Голова бабы прикрывается повойни-

комъ (родъ шапочки съ шнурками), и сверху его повязывается расписнымъ платкомъ, концы которого завязываются подъ подбородкомъ; на плечахъ носятъ шаль, а спереди запонь. При выходѣ изъ дома женщины надѣваютъ курму, пальто изъ бумажной матеріи, а зимой шубу, покрытую всюду, причемъ праздничная дѣлается съ большими лисьими или бѣличными воротникомъ. Одежда дѣвушки также, что и бабы, только отсутствуетъ повойникъ. Женская обувь состоять изъ чулокъ, башмаковъ или сапоговъ. Въ праздничные дни надѣваются чистыя платья изъ цветной матеріи или ситцевыя.

При каждой семье есть старшой—дѣдъ или отецъ, а если нѣть таковыхъ, то старшій братъ «большакъ». Старшой есть полновластный хозяинъ и распорядитель.

Пища забайкальскихъ казаковъ хотя и однообразна, но сытна. Скоромные обѣды состоять: изъ щей съ гречневой или ячменной крупой, капустой и съ мясомъ, которое крошатъ ножами въ корытцѣ и всыпаютъ въ общую миску, изъ гречневой или ячменной каши съ саломъ или съ молокомъ, а у зажиточныхъ съ масломъ. Каша иногда замѣняется поджареннымъ на салѣ или на маслѣ картофелемъ. Въ лѣтнее же время обѣдъ дополняется простоквашей, а у зажиточныхъ и въ зимнее время подаютъ кислое молоко (родъ варенца безъ сахара). Въ праздники обѣдъ разнообразится похлебками изъ брюшины или кишекъ съ картофелемъ, а у зажиточныхъ дополняется жаренымъ мясомъ. Весной передъ отправкой на поле въ нѣкоторыхъ мѣстахъ їдятъ «зavarуху»¹⁾ съ саломъ, съ масломъ или съ молокомъ. Постные обѣды состоять изъ щей съ рыбой и крупой, или съ «порсой»²⁾ вместо рыбы; изъ овсянаго киселя съ коноплянымъ масломъ и изъ тертой рѣдкви съ квасомъ и картофелемъ. Въ праздники у зажиточныхъ готовятъ «студень» (холодецъ) изъ гречневой крупы. Къ ужину подаютъ остатки отъ обѣда. Какъ лакомство, зимой їдятъ пареную (печеную въ вольномъ жару печи) брюкву и «курсуны» изъ черемухи, битой на каменной плите. «Курсыны» по своей формѣ и величинѣ напоминаютъ собой круглые пряники. Только что приготовленные курсуны сушатъ на солицѣ и называются связками на шнурки для зим资料 запаса. «Курсыны» въ большинствѣ случаевъ угощаются дѣтей. Сушеную черемуху мелить въ муку, которая идетъ для начинки пирожковъ. Позднею осенью спѣлое яблоко разбиваютъ съ молокомъ и морозятъ для зимы.

Чай для забайкальца не только напитокъ, но и одинъ изъ важныхъ пищевыхъ продуктовъ. Чай является необходимымъ для каждой семьи, и забайкальцу не понятно, какъ можно жить безъ него. Правда, въ прошлой старинѣ не многие имѣли возможность пить чай, зато они замѣняли этотъ напитокъ «шультой» (гнившая древесина березы), «чагой» (особый наростъ на березѣ), листьями травы «блѣсовитки» и яблони.

Забайкальцы пьютъ преимущественно кирпичный зеленый чай («карымскій») и только за послѣднее время стала распространяться черный кирпичъ (полубайховый); байховый же чай заваривается только для гостей.

«Карымскій» чай пьютъ или съ забѣлой, приготовленной изъ молока, масла и яицъ, или черный съ однимъ масломъ, или бѣленый сметаной. Постный же чай пьютъ съ коноплянымъ сѣменемъ или съ сокомъ; пьютъ его также и съ «затураномъ» (ячменная или пшеничная мука, поджаренная на постномъ или скромномъ маслѣ).

«Карымскій» чай готовятъ такъ: толкнуть его въ деревянной или чугунной ступкѣ, всыпать въ чугунку съ водой и кипятить въ печи, потомъ выливать въ «байдару» (высокая глиняная миска) и солить, а затѣмъ деревяннымъ или желѣзовымъ ковшемъ («поваренкой») «сливать»³⁾ его около $\frac{1}{4}$ часа. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Забайкалья чай всыпать въ воду послѣ того, какъ она будетъ влита въ «байдару». Когда же чай остываетъ, его подогрѣваютъ горячими камнями, опуская ихъ въ «байдару». «Шару» (выварка чая) большинство сушатъ и снова завариваются. Болѣе бѣдныя семьи варятъ такимъ образомъ «шару» раза два.

¹⁾ Пшеничная или ячменная мука, замѣшанная въ кипящей водѣ.

²⁾ Мелкую рыбку чабановъ, юнельковъ и пр. варить вмѣстѣ съ кишками, затѣмъ отдѣляютъ кости и сушатъ оставшееся мясо, которое и составляетъ «порсу».

³⁾ Зачерпываютъ чай ковшемъ и, приподнявши его, снова выливаютъ въ «байдару» потомъ опять затерпываютъ и выливаютъ, и т. д.

Увеселенія Забайкальскихъ казаковъ.

Здѣсь я имѣю въ виду только тѣ увеселенія, которыми пользуется взрослая молодежь обоего пола совѣтно. Болѣе веселое время для деревенской молодежи, какъ и вообще для всѣхъ поселянъ — святки, которые въ Забайкальѣ называются «страшными вечерами». По народному вѣрованію, ночью въ эти дни по улицамъ бѣгаютъ шиликуны, т. е. незлобивые духи, которые продызываютъ различныя мелкія пакости¹⁾; больше же всего появляются шиликуны наканунѣ Нового года и Крещенія. Вечеромъ въ эти дни, жители углемъ ставить кресты на откосахъ дверей, оконъ домовъ, прочихъ построекъ и на воротахъ дворовъ. Нужно замѣтить, что эти кресты ставятся не въ силу христіанского міровоззрѣнія, а въ огражденіе отъ шиликуновъ, которые въ предстоящую ночь уѣгутъ отъ нихъ.

Играчки²⁾. Играчики устраиваются въ продолженіе всѣхъ святокъ — «страшныхъ вечеровъ». Инициатива устройства ихъ принадлежитъ дѣвицамъ, которая для этой цѣли забираютъ на всѣ святки просторную избу. За аборигентъ хозяйка избы получаетъ съ каждой дѣвушки фунтовъ по 10 круглого хлѣба или по 6—9 мягкихъ (ячменныхъ, гречневыхъ или пшеничныхъ) булокъ; случается, что платятъ и деньгами. Играчка начинается съ наступленіемъ сумерекъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока окончательно не стемнѣеть (часовъ до 9 вечера). Дѣвицы и парни приходить на играчку въ обѣденной грязной одеждѣ и большая часть какъ дѣвушекъ, такъ и парней остается въ верхнемъ платьѣ. Парни не принимаютъ активнаго участія въ играхъ и танцахъ дѣвицъ, приходить же они на играчку лишь для того, чтобы, пользуясь полуракомъ, пошалить съ дѣвицами. Все свободное пространство около дверей заполняется толпой подростковъ мальчишечъ и дѣвочекъ. Послѣднія, въ свою очередь, такъ же, какъ и взрослая дѣвушки, стараются устроить на площадкѣ около дверей хорошие танцы, но назойливые мальчишки своей шалостью не даютъ имъ возможности доканчивать начатую пѣсню; галдение мальчишечъ лишь дополняетъ шумъ и нестройно-крикливое пѣніе дѣвушекъ. Болѣе распространенные играми являются «жилинь, или бояре»³⁾, «А мы просо сѣли», «Золото хороню». Въ послѣдней игрѣ послѣ словъ: «очутился перстень на правой ручкѣ, на лѣвомъ мизинцѣ», конецъ варируютъ такъ:

«Ой вы, дѣвушки, не дайте,
Мое золото отдайте,
Меня мать будеть бить,
Меня мать будеть бранить:
По три утри, по четыре прута золотые,

Пятый жемчужный.
Куда мышка шла,
Туда рожь густа, умолосиста,
Какъ изъ волосу коврига,
Изъ полузерна широгъ.

Сѣять макъ и ленъ. Къ этой игрѣ поется слѣдующій вариантъ, повторяющійся до тѣхъ поръ, пока не скажутъ — «поспѣль».

На горѣ-то макъ, макъ,
Подъ горой-то такъ, такъ,
Маковка — маковочка,

Златая головочка!
Встаньте врядъ,
Не пора ли рвать?

Игра въ олени. Эта игра нѣсколько варируетъ отъ игры описанной. Среди избы на стулѣ или скамѣ садится парень. Дѣвушки ходятъ кругомъ и покутъ:

Подъ кустикомъ олень,
Подъ ракитовымъ олень,
Тепло літѣ, олень,
Холodo літѣ, олень,
Прюдѣнсья, олень

Прюкнутайся, олень!
Съ мужичка облачка опоясочки,
Съ малаго робеночка пеленочки,
А со дѣвушки платокъ.

¹⁾ Рѣзыхъ и шаловливыхъ дѣтей называютъ шиликунами, вѣроятно, отъ слова шалить.

²⁾ Описание играчика взято у казаковъ Нерчинскаго округа, Уздинской станицы.

³⁾ «Народные увеселенія Иркут. губ.» Щукина. «Зап. Император. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

При этомъ какая-нибудь девушка отдастъ платокъ, послѣ чего снова начинается пѣсня и такимъ образомъ продолжается до тѣхъ порь, пока всѣ участницеи девушки не отдадутъ платковъ, которые въ концѣ игры выкупаютъ подѣлками.

Круговая пѣсня. Во время пѣнія круговыхъ пѣсень девушки, обнявшись другъ съ другомъ или съ парнями, ходятъ кругомъ и поютъ извѣстная пѣсня: 1. «Во лузахъ было, въ зеленыхъ лузахъ». 2. «Какъ по ельничку, да по березничку». 3. «Со юномъ я хожу, животомъ гудяю». 4. «Сѣни мои, сѣни». Эта пѣсня въ началѣ и въ концѣ варируется такъ:

Сѣни новыя, королевы.
Изба стара Зубирева!
Буть-то быть-то мѣвъ
По сѣнечкамъ не хаживайте и т. д.

Заканчивается же слѣдующимъ вариантомъ:

Я не слушала отца,
Да потѣшала молодца,
«Я зато его потѣшу,

Что одинъ сынъ у отца—
Зовутъ Ванюшкою-Пивоварушкой.

5.

Вечеръ шла молода,
Поздно вечеромъ одна.
А на встрѣчу молодой,
Закатистый удалой,
Закатистый удалой,
Подъ нимъ конь вороной,
И весь уборикъ золотой,
И золотая претушия
Улыбается на неѣ;

Черна шляпа са первомъ
И эполеты серебромъ.
Черну шляпу скидывалъ,
Честь девицѣ отдавалъ:
— Здравствуй, милая моя,
Да вечеръ быль у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала, отсылала,
Прочь отказывала.

6.

По утру рано младешинка вставала,
Я сердечного дружка дожидалась.
Не ему было, канальѣ, мной владѣти,
Что владѣть было прежнему дружку,
Я котораго въ девицахъ любила,
Золотымъ его колечкомъ дарила.
Не за-толь меня маменька журила:
Ты куда, дочерь, колечко девиала?
— Въ зеленомъ саду, маменька, гудяла,
Я зеленую капусту поливала,
Съ гряды на гряду колечко катила.
Ужъ я тутъ свое колечко потеряла,
Потеряла, обронила, прязамяла!—
Не далеко мила дружка проводила:
Я отъ Троицкихъ воротъ да до Горбатскихъ
Ужъ я голосомъ рывѣла,—
Миль не слышить;
Шелковымъ платочкомъ махала,
Миль не видеть.

7.

Изъ-за лесу, изъ-за горъ
Подымались тучи, громъ
Со великимъ со дождемъ.
Какъ со этого дожда
Стала улица грязна,
Стала улица грязна,
Пройти молодцу нельяя.
Прошелъ, прошелъ молодецъ мостовицкой,
Противъ Машинъ окна останавливался:
Черну шляпу скидываль,
Честь дѣвицѣ отдаваль.
—Ужъ ты, дѣвица, душа,
Да кто есть дома у тебя?
—Да нѣту никого,
Да заходи ко мнѣ въ окно.

8.

Выночникъ мой, да выночникъ,
Лазуревый да цвѣточникъ.
Я куда тебя, выночникъ, положу?
Положу тя, выночникъ, на головку
Ко удалому да къ молодцу.
Что не кумъ съ кумомъ да покумилися,
Что не братъ съ сестрой да посестрилися,
Дорогимъ съ дорогими да подарилися,
Золотымъ кольцомъ да обручился.
Середи кружка да остановился,
Середи кружка да на лужечкѣ¹⁾
Красны дѣвушки да во кружечкѣ.
—«Ужъ ты, мой кумъ,
Ужъ какъ я, твоя кума,
Гдѣ мы съ тобой сойдемся,
Тамъ и обоймемся».

Дѣвушки выходить изъ кружка и каждая цѣлуетъ какого-нибудь парня; послѣ чего снова продолжаютъ хороводъ.

Помимо «игранчиковъ» въ «страшные вечера» по домамъ устраиваютъ «нимельцы» (жмурики)²⁾.

Гаданье и маскарадъ (машкарадъ). Гадасть и маскируется молодежь описываемаго иною района преимущественно наканунѣ Нового года и Крещенья, какъ бы пользуясь въ эти дни веселіемъ духовъ-шиликуновъ. Маскарадный костюмъ состоить изъ шубы, вывернутой шерстью вверхъ, и берестянной или бумажной собственнаго издѣлія маски; за неимѣніемъ же таковой, лицо намазываютъ сажей и подѣшиваютъ бороду. Въ такомъ видѣ замаскированные сначала ходятъ изъ дома въ домъ, а потомъ бѣгаютъ по улицамъ и, соединившись вмѣстѣ съ прочими парнями и подростками, которые ищутъ спрятавшихся дѣвушекъ, разбираютъ заборы, выволакиваютъ изъ оградъ телѣги, сани, бороны, сохи и т. п. и изъ всего этого дѣлаютъ посреди улицъ барrikады. Дѣвушки, между тѣмъ, скрывшись отъ назойливыхъ парней, начинаютъ гадать. Каждой изъ нихъ хочется приподнять занавѣсъ своего неизвѣстнаго будущаго и

¹⁾ Лужайка. ²⁾ Щукинъ: «Народныя увеселенія Иркут. губ.». «Записки Имп. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

узнать, что ее ждетъ. Главное же что дѣвушку интересуетъ, это скоро ли наступитъ жеданое время замужества, въ которую сорону предстоить ей выйти замужъ, кто и каковъ по характеру и состоятельству ли будеть ея мужъ и, наконецъ, какова будеть ея новая жизнь. Ради всего этого создались различные способы гаданья.

Молотъ и глу. Межъ жернова ручной мельницы кладутъ иголку. Одна дѣвушка крутить жерновъ, а другая садится подъ него и прислушивается къ звукамъ иголки, на основаніи которыхъ и дѣластъ выводъ, сообразуясь съ своимъ замѣчаніемъ.

Замыкаться. Ложась спать на Крещенье, дѣвушки замыкаютъ воротъ своей рубашки висячимъ замкомъ, и что приснится ей въ эту ночь, то и сбудется.

Иманомъ (ко злому). Дѣвушки заходить въ хлѣвъ и въ потьмахъ стараются изловить козла. Если дѣвушка изловить козла (имана), то женихъ будеть богатъ; если козлуху, то—бѣденъ.

Вешами. Это гаданье похоже на гаданье «на сборникъ» у великорусского населения; только тамъ кладутъ три вещи въ горшокъ. У Забайкальскихъ казаковъ кладутъ на столъ уголь, бумагу, кольцо, поварникъ¹⁾, соль и проч., послѣ чего всѣ дѣвушки закрываютъ глаза; руки складываютъ назадъ и пятятся къ столу, чтобы взять какую-либо изъ вещей и по взявшей, такимъ образомъ, вещи дѣлаютъ слѣдующіе выводы: кто возметъ уголь у той женихъ будеть кузнецъ, соль—поваръ, бумагу—писецъ, кольцо знаменуетъ скорый выходъ замужъ, поварникъ—быть замужемъ за вдовцемъ.

Кольцомъ. Въ стаканъ, налитый водой, кладутъ кольцо и смотрятъ въ него. Показавшійся въ кольцѣ мужчина будеть женихомъ, а показавшійся гробъ предвещаетъ скорую смерть. Или: Кольцо, подвѣшенное дѣвушкою на волосъ съ своей головы, медленно опускается въ стаканъ съ водой, и въ который край стакана оно ударить, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Количество же ударовъ опредѣляетъ, сколько лѣтъ осталось ей до замужества.

Снѣгомъ. Дѣвушки, вѣдя ночью въ огородъ, падаютъ на снѣгъ навзничъ. Если лежбище утромъ окажется аккуратное, то женихъ будеть красивъ, и на оборотъ. Или: дѣвушка ложится на снѣгъ спиной и если на утро около этого лежбища окажется еще второе, то она скоро выйдетъ замужъ; если же во второмъ лежбищѣ окажется земля вырытой, то скоро умретъ.

Гаданье на растани. Дѣвушки, выйдя ночью на растань, чертятъ два круга. Въ одинъ кругъ садится дѣвушка, желающая гадать, а въ другой всѣ остальные. Наступаетъ тишина. Первая дѣвушка усиленно старается услышать или лай собаки, или звонъ колокольца, и съ которой стороны она услышитъ, туда и выйтти ей замужъ. Или: Иногда на растани бросаютъ кольцо, съ приговоромъ: «гдѣ собака залаетъ, тамъ мой женихъ». А то дѣлаютъ и такъ. Приводятъ на растань старую кобылицу, завязываютъ ей глаза мужскими панталонами, и дѣвушка, желающая гадать, садится на кобылицу лицомъ къ хвосту; затѣмъ, взявшись за хвостъ, погоняетъ кобылицу. Куда она повезеть, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Или: Наканунѣ сочельника дѣвушки выходятъ на растань съ двумя зеркалами. Одно зеркало ставятъ на снѣгъ, а съ другимъ въ рукахъ дѣвушки становятся спиной къ лунѣ такъ, чтобы отраженіе въ немъ луны было видно и въ первомъ зеркальѣ; причемъ одна изъ нихъ смотрѣть въ стоящее зеркало. Если покажется ей въ зеркальѣ идущіе къ вѣнцу, то она скоро выйдетъ замужъ, а если—гробъ, то умретъ.

Лошадью. Лошадь приводятъ на прорубь, завязываютъ ей глаза и, сбивши съ пути, пускаютъ ее. Въ которую сторону она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвушкѣ замужемъ.

Пѣтухомъ. Хлѣбное зерно насыпаютъ въ нѣсколько кучекъ (по количеству дѣвушекъ) и выпускаютъ пѣтуха. Чью первую кучку онъ будеть раньше клевать, та дѣвушка выйдетъ замужъ.

Курицой и пѣтухомъ. Посередь пола ставятъ кольцо, зеркало, воду и выпускаютъ курицу съ пѣтухомъ. Если они будутъ клевать кольцо, то скоро быть замужемъ, если станутъ пить воду, то мужъ будеть пьяница. Причемъ, если клюнетъ одна изъ птицъ, то супружеская жизнь будеть не дружная; когда же онѣ клюнутъ

¹⁾ Женский головной колпакъ, который женщины носятъ по выходѣ за мужъ.

виштъ и смотрять въ зеркало, это предвѣщаетъ хорошую семейную жизнь. Иногда за-вѣщаютъ о томъ, кто впередъ умретъ, и если первымъ клюнетъ кольцо пѣтухъ, то прежде умретъ мужъ, и наоборотъ.

Пепломъ. Ночью на Новый годъ на снѣгѣ сѣять пепель. Если утромъ на пеплѣ окажется слѣдъ ичига, то быть замужемъ за бѣднымъ, если—слѣдъ сапога—за богатымъ. Парни иногда подсматриваютъ дѣвушекъ и дѣлаютъ на постъянномъ пеплѣ слѣды по своему усмотрѣнию.

Гаданье въ бани. Болѣе смѣлые дѣвушки отправляются въ отдаленную баню. Войдя въ нее, они открываютъ окошечко и выставляютъ въ нее извѣстную обнаженную часть своего тѣла, наблюдая, кто къ ней прикоснется. Если ощущеніе будеть чего-то мокнатаго въ шерсти,—быть замужемъ за богатымъ, если—голаго, то въ замужествѣ ожидать бѣдности. Парни нерѣдко подшучиваются надъ дѣвушками и трогаютъ ихъ по выставленнымъ въ бани окно оголеннымъ частямъ.

Соломинкой или лучинкой. Въ щель скамьи или стола втыкаютъ соломинку или лучинку, и поджигаютъ снизу; въ которую сторону упадеть подгорѣвшая соломинка, тамъ и быть замужемъ.

Коноплемъ. Берутъ клокъ конопеля и, подожженный, пускается на воздухъ; если онъ полетить вверхъ,—значитъ сбудется завѣщанное, а если внизъ—не сбудется. А то дѣлаютъ изъ конопеля кольцо, кладутъ его на столъ и поджигаютъ; который бокъ прогоритъ скорѣе, въ ту сторону и выйти замужъ.

Полѣномъ. Ложась спать, кладутъ подъ голову краденое полѣно дровъ и чтѣ приснится по завѣченому вопросу, тому и быть.

Позвоники. Вывариваютъ позвонки коровьяго хвоста; затѣмъ каждая изъ дѣвушекъ беретъ по одному позвонку и кладеть его передъ собой. Чей позвонокъ раньше сѣсть впущенная собака, та дѣвушка и выйдетъ замужъ прежде другихъ.

Вечерки. Прошли веселыя святки, но сельская молодежь не унываетъ. Ова пользуются вечерками, которые устраиваются въ честь пріѣзжихъ гостей дѣвицъ—родственицъ или по случаю свадѣбъ и дѣвичниковъ. Когда же долго нѣть поводовъ къ устройству вечерокъ, то парни устраиваютъ ихъ складчиной въ праздничные дни. Такія вечерки обходятся не больше отъ 1 р. 50 к. до 2 р., а то и того меньше, такъ какъ расходъ требуется лишь на скрипача отъ 50 к. до 1 руб., за квартиру почти ту же плату и расходъ на сальную свѣчу. Звать гостей на вечерку отправляютъ верхомъ на лошади какого-нибудь мальчика, который подъ окнами каждого дома, гдѣ есть дѣвушка, кричить: «милости просимъ на вечерку» къ такому-то (имя хозяина дома). На вечерку обыкновенно собирается такая масса молодежи, что, не находя свободного мѣста по лавкамъ, разставленнымъ вокругъ стѣнъ, гости садятся другъ къ другу на колѣни, т. е. парни и дѣвушки. Иногда сидягъ ряда въ 3 или 4. Такое положеніе вещей даетъ полный просторъ цинизму парней въ обращеніи съ дѣвушками. Не остается свободныхъ и мѣсто у дверей,—тамъ своя компания, состоящая изъ подростковъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Несмотря на тѣсноту помѣщенія, шумную возню ребятишекъ, спергнутую атмосферу, пропитанную табачнымъ дымомъ и прочими зловоніями, молодежь веселится здесь неустанно, отхватывая подъ хриплую скрипку свое молодцоватое «трепака» или вертлявую «барыню».

Но случается, что веселое настроеніе молодежи быстро смигается партійнымъожесточеніемъ, которое какъ пламя охватываетъ всѣхъ. Дѣвушки съ ужасомъ вскаиваютъ на лавки и сѣѣшь убѣжать по домамъ; между парнями идетъ повальная драка. Изъ избы они выбѣгаютъ на улицу и уже тамъ взамѣнъ кулаковъ пускаются въ ходъ «стяжки» (лубивки). Подобные драки происходятъ изъ ревности къ дѣвушкамъ. И эту затаенную вражду соперники долго носить скрыто, но на вечеркѣ, гдѣ позволяются всякия вольности по отношенію къ дѣвушкамъ, лишь слоить кому-нибудь изъ парней задѣть своего соперника словомъ или своимъ поведеніемъ, затрагивая самолюбіе послѣдняго, какъ моментально вспыхиваетъ драка, и всѣ парни раздѣляются ва два враждебныхъ лагеря.

Когда же вечерка проходитъ безъ дракъ, то она продолжается далеко за полночь. Расходясь по домамъ, каждый парень подъ полой своего халата или шубы провожаетъ свою возлюбленную.

Въ перерывѣ пляски парни и девушки совмѣстно хоромъ поютъ проголосный пѣсни, хватающія за душу своимъ минорнымъ тономъ, въ которыхъ вы ясно чувствуете отклики радости иль горя народной жизни, излившіеся въ той или другой пѣснѣ. Но за послѣднее время развитіе среди молодежи отхожаго промысла по городскимъ и пріисковымъ прислугамъ внесло въ народную поэзию чужды элементы. Часто можно слышать на вечеркахъ романсы съ искусственными мотивами и исковерканными словами. Тоже самое всгрѣвается и въ плясѣ. Нерѣдко можете услышать, напр., какъ какой-нибудь парень или девушка, побывавшіе въ городѣ, просить сыграть «валенецъ» или «польку»; кадриль же сдѣлалась уже почти общеупотребительной.

Голубецъ. Эта состязательная пляска напоминаетъ своимъ исполненіемъ и музыкой «камаринскаго», только здѣсь танцующіе парни исполненіемъ «колѣнъ» (фигуръ) чередуются. Тотъ, у кого истощается запасъ фигуръ, считается побѣженнымъ. Къ музыѣ «голубецъ» существуетъ слѣдующій приг҃евъ:

Футы, нуты голубецъ,
Матрофановъ жеребецъ.
Матрофанова кобыла
По расадушкѣ ходила,
Киселя блюдо носила.

Парочка. Тоже что и «камаринскій», только непремѣнно пляшеть здѣсь парень съ девушкой. Музыка для парочки называется «бычекъ», съ слѣдующимъ къ ней припѣвомъ:

Гдѣ это виданное,
Да гдѣ это слыханное,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночкѣ яичко снесъ,
Тутусеночкѣ за печку унесъ,
Кобыла цыплять выпарила,
Жеребенокъ раскудахтался,
Безрукий яйца покралъ,
Голопузый за пазуху поклалъ,
А глухой-то подслушивалъ,
А слѣпой-то подглядывалъ,
А нѣмой карауль закричалъ,
Безногій на побѣгъ побѣжалъ!
—Ахъ, мамонька, разбой, разбой, разбой,
Государиня, денной, денной, денной.
Разбиль меня дѣтника молодой,
Схватилъ меня въ охапочку,
Посадилъ за столъ на лавочку!
Ахъ, маменька, бычекъ, бычекъ, бычекъ,
Еще, маменька, таленочекъ!—
Ужъ ты, тетушка, сыграй бычка:
Не попляшетъ ли моя дочка—Феколочка.

Послѣ этихъ несложныхъ танцевъ начинаются болѣе сложные въ нѣсколько паръ.

Барыни. Въ 8 паръ ¹⁾ къ музыѣ существуетъ припѣвъ:

У барыни угурцы,
Да ее любять все купцы.
Футы-нуты барыня, }
Да сударыня, барыня. } Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

¹⁾ См. Шукину. «Народ. увесел. Иркут. губ.» «Записки Импер. Рус. Геогр. Об.». 1869 г. Т. II.

Барыня кочевала,
Подъ уваломъ почевала. (Пропѣвъ).
У барыня огородъ,
Да ее любить весь народъ. (Прин.)
Загляну я на палаты,
Тамъ барыня въ халати. (Прин.)
Загляну я подъ порогъ,
Тамъ барыня ъсть творогъ. (Прин.)
Барыня на брусе,
Да у ней шишка на носу. (Прин.)
Барыня шита, мыта,
На базарѣ киутошь бита. (Прин.)

Польскій. Пляшутъ во 4 пары. Своимъ расположениемъ пары образуютъ крестъ. Начинается круговымъ шеномъ¹⁾, затѣмъ слѣдуетъ перемѣна мѣстъ обеихъ визави. Послѣ этого сначала первая пара дѣлаетъ проходный шенъ²⁾ (какъ въ кадрили въ первой фигурѣ) съ своейсосѣдней парой, а 3-я пара съ остающейся. Въ концѣ каждой фигуры парни шлепаютъ ладошками разомъ. Послѣ каждой изъ этихъ фигуръ исполняется (по усмотрѣнію) какая-нибудь фигура «барыни».

Монашенька. Пляшутъ въ 4 пары, которыхъ располагаются крестообразно. Сначала вальсируютъ каждое визави, проходя на мѣста другъ друга и обратно; затѣмъ, первая пара дѣлаетъ проходной шенъ съ правойсосѣдней парой, послѣ чего эта же пара крутится съсосѣдней лѣвой парой. Тоже дѣлается и визави первой пары, а потомъ и всѣ остальные пары, чередуясь между собою. Послѣ этого парни одинъ послѣ другого крутятся съ каждой изъ дѣвушекъ, ваявшись руками за спиной другъ друга.

Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій притѣвъ:

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подружки,
Вы которому спасителю молились?
Вы которому святому унижались?
Что мужья то у васъ да молодые,
Будто ягодки, да наливны!
У меня-то младой да старичице!
Старичице не отпустить изъ игрище.
Я отъ старого уходомъ уходила:
Цвѣтно платье подъ полою уносила,
Я бѣлинцы, румянцы во карманы;
Я чулочки, башмачки—въ бѣлы ручки.
Я у ближняго сосѣда снаряжалась,
Во хрустальное зеркальце смотрѣлась.
Не ему, канальѣ, иной было владѣти...
И т. д. (см. «Играчики» круговая пѣсня, № 6).

Ярославъ. Ярославъ преимущественно пляшутъ въ Нерчинско-Заводскомъ и въ Нерчинскомъ округахъ. Онъ состоять изъ 4-хъ паръ, которыхъ располагаются крестообразно. Сначала исполняется круговой шенъ, какъ у «барыни»; послѣ этого каждая пара со своимъ визави исполняютъ вторую фигуру кадрили, послѣ которой слѣдуетъ опять круговой шенъ. Далѣе пары визави вальсируютъ, переходя на мѣста другъ друга, послѣ чего снова круговой шенъ и первая фигура кадрили; затѣмъ, дѣвушки визави, а также и парни между собою, берутъ другъ друга за руки и, образуя такимъ

¹⁾ Дѣлаютъ кругъ, потомъ дѣвушки идутъ вправо, а мужчины влево и при встречѣ подаютъ другъ другу руки, пропуская дальше.

²⁾, Дѣвушки и парни—пары визави—проходятъ въ средину другъ друга по диагональямъ.

образомъ крестъ, кругятся въ обѣ стороны по очереди, и, наконецъ, снова круговой шенъ.

Цыганочка. Цыганочку пляшутъ дѣвушки. Одна изъ нихъ надѣваетъ мужскую шапку, изображая изъ себя цыгана, другая—цыганку. Послѣдняя садится между подругъ, а цыганъ начинаетъ плясать одинъ, какъ бы ища цыганку. Всестаки онъ находитъ свою пару и, продолжая пляску, въ тоже время поклонами приглашаетъ ее къ себѣ, но цыганка, разобиженная чѣмъ-то, не выходитъ къ нему. Наконецъ, настойчивость цыгана заставляетъ ее выйти. Теперь она пляшутъ вмѣстѣ. Въ это же время цыганъ хочетъ поцѣловать свою жену, но послѣдняя сначала отъ него отвертывается, а потомъ, когда изъявляетъ на это желаніе, то уже поздно: цыганъ оскорблена первымъ ея отказомъ, уходить со сцены и садится на лавку. Теперь настаетъ очередь цыганки продѣлать все, что было изображено ея мужемъ. При этомъ, она выражаетъ свое огорченіе слезами. Цыганъ, послѣ некотораго сопротивленія, забываетъ свое оскорблѣніе и выходитъ къ женѣ. Наступаетъ обоюдное удовлетвореніе, которое и заканчивается поцѣлуемъ. Этотъ танецъ оригиналъ тѣмъ, что онъ похожъ скорѣе на пантомиму, изображающую небольшой семейный разладъ между мужемъ—циганомъ и его женой—циганкой.

Закабланъ. Это одна изъ старинныхъ плясокъ, которую теперь рѣдко можно встрѣтить. Его пляшутъ въ 6 паръ. Парни становятся на одну сторону, а дѣвушки на другую; причемъ каждый парень стоять противъ своей дѣвушки. Въ первой фигурѣ парни и дѣвушки по направлению влѣво обходять во кругъ друга друга и становятся на прежня мѣста. Во второй фигурѣ пары, взявшись каждый со своей дѣвушкой за руки, начинаютъ движение вправо и влѣво, а потомъ исполняютъ первую фигуру. Въ третьей—каждая пара верхняго конца, приходя въ интервалы между соѣднѣихъ паръ, двигается внизъ, а нижнія пары такимъ же образомъ—вверхъ и опять обратно.

Въ 4-ой фигурѣ первая пара, взявшись руками, крутится, а потомъ парень вывертывается дѣвушку, такъ что ея руки остаются за ея спиной въ его рукахъ. Затѣмъ онъ цѣлуетъ дѣвушку и для той же цѣли подводить ее къ остальнымъ парнямъ, принимающимъ участіе въ танцахъ. То же самое исполняютъ и остальные пары, чередуясь по порядку.

Въ 5-ой фигурѣ первая пара, взявшись крестообразно руками со второй, крутится съ ней, потомъ также съ слѣдующей и т. д. спускаясь внизъ. Остальная пары одна за другой идутъ по тому же направленію, крутясь съ послѣдующими. Когда всѣ пары расположатся въ исходящемъ порядкѣ, тогда снова начинаютъ такое же движение обратно.

Въ 6-ой фигурѣ (послѣдней) каждая дѣвушка по очереди дѣлаетъ со всѣми парными круговой переборъ, какъ въ «барынѣ», т. е. русскую. Къ музыкѣ имются слѣдующіе припѣвы:

Трамъ, трамъ закабланъ,
На зорьку передамъ.
Изъ-подъ дуба домозуба,
Изъ-подъ вязя домовяза.

Журонъка. Журонъку пляшутъ въ 2 или въ 4 пары. Визави располагаются крестообразно. Каждая пара, взявшись руками, идутъ на встречу со своимъ визави; затѣмъ, всѣ пары разомъ начинаютъ крутиться, вывертывая руки надъ головами, послѣ чего каждое визави, чередуясь, исполняетъ проходной шенъ; затѣмъ пары одна за другой идутъ кругомъ и вальсируютъ. Послѣ вальса пары снова крутятся, какъ и вначалѣ. Послѣ этой фигуры парнями дѣлается «переборъ», т. е. каждый парень сначала со своей, а потомъ съ остальными дѣвушками, по очереди, пляшетъ «русскую». Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Журонъка, попляши,
Долгоноганъкій, поскачи!

Молодчикъ. Для исполненія этой пляски требуется 2 пары, при чмъ каждый парень приглашаетъ по 2 дѣвушки и становится въ средину ихъ. Пары располагаются другъ противъ друга. 1 фигура. Сначала пары, обнявшись и вальсируя, проходить на мѣста своихъ визави и обратно. 2-я фигура. Послѣ этого исполняютъ проходной шеъ, и парни проходятъ въ срединѣ по прямой линіи, а дѣвушки по диагонали. Затѣмъ, снова повторяется первая фигура. Въ 3 фигурѣ дѣвушки входятъ въ кругъ и, взявшись крестообразно правыми руками, крутятся. 4 фигура. Сначала одинъ парень вальсируетъ съ каждой изъ дѣвушекъ, въ отдельности; то же дѣлается и другой. Затѣмъ, идуть въ круговой шенъ, послѣ которого опять исполняется «переборъ» дѣвушекъ. Къ музикѣ пропѣваются плясовые пѣсни.

1.

Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой!
Да не зинграй, пожалуйста, со мной,
Да ты не бей меня по бѣлому лицу (2 раза).
Да мое лицико разгорячное, (2).
Разгорячится не уйметься (2).
Прійду домой догадаются (2),
Отчего лицо пылается (2).
Да отъ того лицо пылается.
Что часто съ молодцомъ видается (2).
Не могу я таку радость получить
Да залучить дружка отподчивать.
Залучу дружка одподчиваю,
На серебряномъ подносѣ поднесу,
На кроваточкѣ постельку постелю.
На постельку мила спать положу,
Сама сяду въ изголовьицѣ ему,
Стану сказывать ему:
— Не женись, не женись, молодецъ.
Если женишься, спокаешься.
Съ молодой женой напаешься.

2.

— Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой (2 раза),
Да ты, голубчикъ, голубчикъ сизой пой,
Да поживи, радость, со вѣрной, со мной,
Да ужъ я вѣрная сударушка твоя!
— Во глаза льстишь, обманывашь меня,
Да по-заочь честь мою хочешь рядить,
Да хочешь, матушка, иного полюбить!
— Да я по истинной по правдѣ побожусь:
Одного тебя—молодчика, люблю,
Да одного тебя молоденькаго,
Да не жанатаго, холостенькаго!
Да не женись, не женись, молодецъ,
Да не женись, удалая голова:
Если женишься—спокаешься,—
Да съ молодой женой напаешься,
Да съ молодыми дѣтушками поплачешься.
Да подъ порогомъ наваляешься.

Дудка. Дудку плашутъ отъ 4 до 8 паръ. Сначала составляютъ общий кругъ, и идуть въ круговой шенъ. Затѣмъ, парни выдѣляются и идуть въ лѣвую сторону, а

девушки настремч парнямъ—въ правую сторону; при встречѣ снова идутъ въ шенъ. 2-я фигура. Визави дѣлаютъ шенъ, какъ въ 1-й фигурѣ кадрили. 3-я фигура. Идутъ въ круговой шенъ, послѣ чего каждый парень, по очереди, съ каждой девушкой въ отдѣльности, запѣшившись локтями, крутятся. 4 фигура есть повтореніе 3-й, только здѣсь вторая ея часть исполняется девушками. Къ музыкѣ этой пляски имѣется припѣвъ:

Дудка, ты дудка, зеленая юбка.
Стала дудку свататься,
Стала дудка прятаться
По печуркамъ, по лугамъ,
По амбарамъ, сундукамъ.

По улицѣ. Играютъ общезвѣтную пѣсню съ ея мотивомъ. Этотъ танецъ пляшется въ одну пару. Пара, взявшись руками, дѣлаетъ плавное движение, подъ темпъ музыки, вправо и влево, а потомъ, запѣшившись локтями, крутятся въ темпъ музыки. Послѣ этого музыкантъ играетъ «бычка», и пляшущіе исполняютъ «парочку» (камаринскій). Если исполняютъ въ 2 пары, то каждая пара, взявшись локтями, крутятся одновременно обѣ пары, потомъ каждая пара, по очереди, пропускаетъ другъ друга въ средину и снова крутятся, какъ вначалѣ.

Масоѣдъ заканчивается веселой и шумной масляницей. На масляницѣ каждый спѣшитъ побывать въ гостяхъ у своихъ дальнихъ родственниковъ. Молодые, недавно поженившіеся, первую поѣзду къ своему тестю пріурочиваютъ такъ же къ масляницѣ. Разнаряженныя девушки ходятъ по гостямъ. Пожилые мужчины и парни озабочены устройствомъ призовыхъ бѣговъ на лошадяхъ и въ то же время предаются игрѣ въ «арлянку» на деньги. Мальчишки кавалькадами разѣзываются по улицамъ верхомъ на жеребятахъ, безъ сѣда. Челки и гривы жеребятъ изукрашены яркими лентами. По вечерамъ съ наступленіемъ сумерекъ собирается вся молодежь гдѣ-нибудь на ближайшемъ увалѣ и съ шумомъ и крикомъ толпой скатываются или, лучше сказать, сбѣгаютъ съ него на ногахъ. Иногда катаются на большихъ саняхъ или на кожахъ. На катѣ все время происходитъ шумная возня мальчишескъ между собой и шалость парней съ девушками. Въ послѣдній день масляницы къ кавалькадѣ мальчишескѣ на жеребятахъ присоединяются тройки, запряженныя въ кошевы, пары и одиночки съ разукрашенными яркими лентами дугами и челками лошадей. Съ наступленіемъ сумерекъ ходятъ по домамъ прощаться. Въ каждомъ домѣ столы бываютъ заставлены соответствующими явствами; поэтому, по приходѣ въ гости садятся за столъ поѣсть.

Во время постовъ не устраивается вечеровъ или другихъ общественныхъ увеселеній. Но вотъ наступаетъ Пасха и на время притихшія увеселенія молодежи снова оживаютъ. Теперь молодежь веселится уже на лужайкахъ, гдѣ-нибудь за деревнями или посередь деревни. Тамъ устраиваютъ деревянную качель. Для этого ставить высокіе ковы, надѣвать на нихъ кольца и прикрѣплять къ послѣднимъ два шеста, концы которыхъ соединяются березовыми вязомъ. Качаются на ней стоя, или одинъ, или вдвоемъ. При этомъ, любители сильныхъ ощущеній дѣлаютъ на столько велики размахи, что зачастую становится въ положеніе паралельное поверхности земли. На томъ же лужкѣ устраиваютъ игры:

«Въ разлуку» общезвѣтная игра въ горѣлки.

Въ воротца. Парни, взявшись руками попарно, съ девушками, становятся рядомъ, приподнимая взявшіеся руки вверхъ; въ образовавшейся, такимъ образомъ, проходѣ пары одна за другой пробѣгаютъ и также становятся на другомъ концѣ всѣхъ паръ и т. д.

Въ воревку. Эта игра напоминаетъ собою игру въ «кошку и мышку», только здѣсь парень или девушка находившіеся въ кругу, стараются ударить кого-либо по рукѣ.

Лужекъ. Начиная съ Пасхи, каждый праздникъ молодежь собирается на лужайкѣ, или въ самой деревнѣ, если таковой имѣется, или за деревней. Здѣсь молодежь поетъ пѣсни и играетъ въ «разлуку». Вечерами въ лѣтніе праздники молодежь наливается

вечерками, устраиваемыми на помочахъ поселянами для жатвы или сѣнокоса. Молодежь идеть на эти помочи въ виду предстоящей вечерки, съ большой охотой.

Съ октября, съ окончаниемъ полевыхъ работъ, въ длинные осенние вечера дѣвушки устраиваютъ посидѣлки (посидѣники). Для этого они занимаютъ избу у одинокой хозяйки куда и собираются по вечерамъ съ работой. До прихода парней, собравшіяся дѣвушки продолжаютъ принесенную съ собой работу, но вотъ явились парни, и работа смѣнилась любезничаньемъ, возней и хоровыми пѣснями, въ промежуткахъ которыхъ рассказываютъ сказки и загадываютъ другъ другу загадки. И это осеннеѣ веселье молодежи затягивается почти до полночи. Въ прежнее время посидѣлкамъ предшествовалъ «дѣвичій саламатъ», или, какъ говорили, «смыть съ руки мозоли». Для чего 1 октября собравшаяся молодежь устраивала гулянку: они переходили изъ избы въ избу съ пынцемъ и пласками, и вечеромъ собирались въ заранѣе условленный домъ где готовили ужинъ, изъ принесенного участниками гулянья мяса и изъ крупы съ масломъ изготавливалась «саламатъ». Теперь обычай устройства «дѣвичаго саламата» исчезъ, но посидѣлки сохранились въ той-же силѣ.

Бирки и сельские деревянные календари.

Слабое развитіе грамотности зачастую заставляло людей прибегать къ различнымъ юроглифамъ, къ какими-либо фигурными письменами. Такіе условные знаки встрѣчаются на биркахъ—деревянныхъ календаряхъ и другихъ записныхъ дощечкахъ. Бирки и по настоящее время встрѣчаются въ употреблении въ Забайкальѣ между казаками, крестьянами и инородцами, хотя, съ развитіемъ грамотности, они постепенно исчезаютъ, и не далеко то время, когда совсѣмъ исчезнутъ изъ употребления. Бирки въ настоящее время замѣняютъ собою росписки при сдачѣ животныхъ въ пастьбу и хлѣба въ общественный магазинъ; нерѣдко они служатъ и памятными листками для прочихъ домашнихъ расчётовъ.

Бирку составляетъ 4-хъ граний деревянный брускъ (см. табл. фигуры 1 и 2), толщиной въ $\frac{1}{3}$ вершка, длиною же отъ 2-хъ вершковъ до 1 аршина. Одна обозначается одной вертикальной чертой; два—двумя чертами, пять—чертой, наклоненной верхній концомъ влево; десять—буквой Х и т. д. При сдачѣ хлѣба четверти отмѣчаются на одной плоскости бруска, а гарнцы—на другой и, притомъ, болѣе мелкими знаками.

Послѣ нарѣзки соотвѣтствующей записи на биркѣ послѣдняя надрѣзается продольно такъ, чтобы надрѣзъ прошелъ по срединѣ знаковъ. Одна половина бирки остается у хозяина, а другая отдается приемщику или должнику. При уменьшениіи или увеличеніи записи половинки бирки соединяются и дѣлаются соотвѣтствующую отмѣтку. Для проверки правильности записи половинки снова соединяются, причемъ требуется, чтобы вся нанесенная на биркахъ отмѣтка совпали. Къ числу подобныхъ «памятнушекъ» можно отнести записную дощечку, присланную изъ казакомъ Донинской станицы Нерчинского заводскаго округа, Косыкъ, которая употребляется инородцами р. Борзы при расчётахъ съ казаками и другъ съ другомъ (смотр. табл. А фиг. 3). Эта дощечка служила памяткой для должника и заемщавца. На ней изображены предметы забора фигурами, а подъ ними сгомость ихъ въ рубляхъ—чертами, а въ копѣйкахъ—точками. Черты имѣютъ то же значеніе, что и на биркахъ; точки, наставленные лѣгче черть, означаютъ десятки копѣекъ, а точки надъ фигурами—пятаки *).

Казачіи караулы и монгольскіе сторожевые пикеты во время дѣловыхъ переговоровъ для удостовѣреніяполномочій своихъ представителей пользуются дощечками, на которыхъ вырѣзано, съ одной стороны по-русски, а съ другой—по-монгольски, на-

* Фигуры изображаютъ слѣдующіе предметы: а) шкуру животнаго, б) вилы (значить, въсѣна), в) сани,—условно означаютъ два воза дровъ, г) стегно (бедро) мясо, д) лошадь е) деньги, ж) кѣшокъ съ хлѣбомъ, з) телѣга и топоръ, к) чугунный котелъ, и) чай кирпичный.

звание казачьего караула и его станичного округа. Эта дощечка расщепляется по поламъ: одна половина остается у нашихъ казаковъ, а другая отдается монгольской стражѣ.

Кромѣ только что перечисленныхъ записныхъ дощечекъ и бирокъ, которыми донынѣ пользуются забайкальские казаки, крестьяне и инородцы, прежде употреблялись деревянные календари или народные святцы, въ настоящее время исчезнувшие въ народномъ обиходѣ. Они когда-то были настольной книгой. Эти календари играли важную роль въ обыденной жизни забайкальцевъ, служили указателемъ праздниковъ, постовъ, именинъ; ими руководствовались и для определенія времени полевыхъ работъ.

Здѣсь сдѣлано совмѣстное описание календарей, найденныхъ у забайкальского казачьего населения, съ календарями, найденными у крестьянъ по р. Ленѣ и у инородцевъ Приморской области, въ виду того, что календари, найденные въ этихъ сопредѣльныхъ областяхъ, имѣютъ близкое сходство по начертанію знаковъ и по отмѣткамъ читимыхъ дней. Вѣроятно, всѣ они занесены одними и тѣми же первыми колонизаторами нашего края, которые съ одинаковой энергией и смѣлостью проникали въ глухую Якутскую тайгу, въ Даурію и въ бассейнъ далекаго Амура, всюду занося свои обычай, вѣрованія и утварь домашняго обихода.

Въ Забайкальѣ календари, найденные въ Нерчинскомъ округѣ,—одинъ въ станицѣ Шалопугиевѣ, а другой въ поселкѣ Чуринаѣ,—имѣютъ форму шести-гранной призмы, въ $7\frac{1}{2}$ верш. длиною и вершокъ толщиной. На каждой грани помѣщаются два мѣсяца. Календарь ленскихъ крестьянъ имѣлся у меня въ чертежѣ, который былъ найденъ г. Владимировымъ въ архивѣ читинской консисторіи. Этотъ календарь формы 4-хъ гранной призмы, въ $3\frac{3}{4}$ аршина длиною и въ вершокъ толщиной. На каждой грани вмѣщаются 3 мѣсяца. Числа обозначены на всѣхъ календаряхъ зарубками на граняхъ, а праздники и прочіе почему-либо памятные дни отмѣчены или разнообразными знаками (эмблемами народныхъ вѣрованій, связанныхъ съ этими днями) или начальной буквой праздника.

Я пытался установить древность календарей, найденныхъ въ Нерчинскомъ округѣ, но на всѣ мои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: «остался отъ стариковъ, а какъ они по немъ читали—не знаемъ». Календарь, чертежъ которого былъ доставленъ г. Владимировымъ, найденъ у крестьянина по р. Ленѣ и, судя по прилагаемому къ нему объясненію, его нашелъ одинъ священникъ около 50-хъ годовъ IX-го столѣтія. На просьбу священника отдать ему календарь, старикъ владѣлецъ, его, ни за что не соглашался на это. Онъ ссылался на то, что календарь остался отъ прадѣда; отецъ же, умирая, завѣщалъ дѣтямъ хранить календарь и передавать по наслѣдству. Такимъ образомъ священнику пришлось ограничиться лишь чертежемъ.

Новый годъ, по всѣмъ признакамъ, отмѣченъ на календаряхъ 1 сентября. Такъ напримѣръ, на календарѣ табл. I-го счетъ идетъ отъ лѣвой руки къ правой, и сентябрь стоитъ въ началѣ грани, тогда какъ январь въ срединѣ. На календаряхъ табл. 2 и 3-й первые числа какъ сентябрь, такъ и января отмѣчены въ срединѣ грани, но здѣсь на обоихъ календаряхъ 1 января не отмѣчено никакимъ особымъ знакомъ и не отдѣлено ничѣмъ отъ декабря, какъ конца старого года, тогда какъ 1 сентября на календарѣ табл. 2-ой отличено буквой Н; кромѣ того, между первыми числами сентября и послѣдними числами августа вырѣзана фигура, состоящая изъ шести короткихъ вертикальныхъ линій, пересѣченныхъ одной общей горизонтальной. Этотъ знакъ какъ бы отдѣляетъ новый годъ отъ старого; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что онъ является единственнымъ знакомъ въ срединѣ двухъ мѣсяцевъ.

Начало счета на календаряхъ табл. 2-й и 3-й съ 1 сентября идетъ отъ правой руки къ лѣвой, а на календарѣ табл. 1—отъ лѣвой руки къ правой и, затѣмъ, лентообразно переходить съ одной грани на другую.

Празднованіе нового года въ сентябрѣ даетъ право предполагать, что эти календари принадлежатъ ко времени до-Петровской реформы или сдѣланы старовѣрами.

На правыхъ концахъ каждой плоскости календарей табл. 2-ой и 3-ей вырѣзаны кресты; причемъ на календарѣ табл. 2-ой впереди каждого креста имѣются особые разнообразные знаки.

Въ сентябрѣ отмѣчены слѣдующіе, болѣе читимые народомъ, праздники: 1 сентября—

Семеновъ день. Къ этому дню пріурочено окончаніе иѣкоторыхъ полевыхъ работъ, потому и существуетъ пословица: «въ Семеновъ день косу въ пень». На всѣхъ трехъ календаряхъ онъ обозначенъ различными знаками: С. Н. и трехконечнымъ крестомъ. 8 сентября—Рождество Пресвятой Богородицы; на календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей отмѣчено кругомъ. 14 сентября—Воздвиженіе животворящаго креста. На всѣхъ календаряхъ это число отмѣчено восьми-конечнымъ крестомъ. Съ этого дня всѣ зиоспящія животныя ложатся въ норы на зимнюю спячку. Къ этому же времени приближаются къ концу полевые работы, поэтому говорятъ: «въ здѣшнѣйшія конца съ поля двинется». 20 сентября—Евстаѳьевъ день, на календарь табл. 1 отмѣчено, какъ начало охоты за оленями и бѣлкой въ сѣверной части Забайкалья. 24 сентября отмѣченъ отъ прочихъ будничныхъ дней, по всей вѣроятности, какъ день многихъ именинниковъ. 26 сентября—Іоанна Богослова, отмѣчено на календарь табл. 1-ой инициаломъ святого, а на календаряхъ табл. 2-й и 3-й—крестомъ.

Въ октябрѣ: 1 октября—Покровъ Пресвятой Богородицы. Съ этимъ днемъ связano полное окончаніе полевыхъ работъ; говорятъ: «овинъ — именинникъ», который и придаетъ празднику характеръ болѣе веселый: дѣвушки въ честь овина-именинника устраиваютъ саломатъ, т. е. варятъ гречневую или ячную крупу и, вливши въ нее въ изобилии масла, їдять въ такомъ видѣ. Въ иныхъ же мѣстахъ вмѣсто крупы варятъ на водѣ муку. Полученное такимъ образомъ тесто поджариваются на сковородѣ и їдять съ масломъ. Во время саломата на складчину покупается и водка для того, чтобы, какъ говорятъ: «смыть съ рукъ мозоли». Покровъ изображенъ на календарь табл. 1-ой кустомъ безъ листьевъ, чтѣ, по всей вѣроятности, указываетъ на осеннеѣ время, когда деревья и кусты теряютъ свои листья, а на календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣченъ крышей, чтѣ значить: кроить кровь, покровъ. На календарь табл. 2-ой отмѣчены 5 и 9 октября, а на табл. 3-й—5 число; на табл. 1-ой—10 октября. По всей вѣроятности, всѣ эти числа отмѣчены, какъ дни мѣстныхъ или семейныхъ праздниковъ. 22 октября—Казанская Божія Матерь. На календарь табл. 1-ой отмѣчена буквою К., а на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й—крестомъ на кругъ. 26 октября—Дмитревъ день. Какъ говорятъ: «Матрій рѣкоставъ». Къ этому дню въ восточной части Забайкалья мелкія рѣки замерзаютъ. Отличає буквою 4—Д.

Въ ноябрѣ: 1 ноября отмѣчено на всѣхъ календаряхъ: на табл. 1-ой буквою «Н», а на остальныхъ—иѣсколько удлиненной чертой. Нужно полагать, что это число являлось какимъ-либо мѣстнымъ праздникомъ. 8 ноября—Михаилъ Архистратигъ. Этотъ праздникъ почитается сельскимъ населениемъ повсемѣстно. На календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей онъ отмѣченъ копьемъ, какъ эмблема небеснаго воина. 14 ноября. Это число отмѣчено, какъ начало Филиппова поста. 21 ноября—Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы («Введеньевъ день»). На календаряхъ табл. 1-й и 2-й отмѣчено буквою «В», а на табл. 3-й—крестомъ на кругѣ. 24 ноября—Екатерина Великомученица. Эта святая мользуется у населенія большимъ почетомъ, и ея имя часто дается дѣвочкамъ при крещеніи. 24 ноября—Знаменіе Пресвятой Богородицы. По народному повѣрю, кто работаетъ въ этотъ праздникъ, тогдѣ будетъ наказанъ или неудачей въ дѣлахъ или потерей животинъ; поэтому каждый старается не работать, а почтить этотъ праздникъ.

Въ декабрѣ: 6 декабря—Николай Чудотворецъ, «Николинъ день». Этотъ святой среди крестьянскаго населения пользуется огобеннымъ почетомъ. Его называютъ не иначе какъ «Микола милостивый». На календаряхъ табл. 2-й и 3-й онъ изображенъ кустомъ, что указываетъ на него, какъ на покровителя растительного царства. На это же указываетъ и народный обычай, когда, при полномъ окончаніи жатвы на полѣ, оставляется клочокъ несжатыхъ колосьевъ, какъ говорятъ: «Миколѣ на бородку». Онъ же считается покровителемъ охоты; поэтому зѣбропромышленники къ Николину дню стараются вернуться изъ тайги домой, чтобы дома почтить «Миколу». 12 декабря—св. Спиридона. Спиридоновъ день не почитается какъ праздникъ, но съ нимъ связана народная примѣта о перемѣнѣ съ этого дnia состояній погоды: «солнце на лѣто, зима на корозъ», потому и называется этотъ святой «Спиридонъ-солнцоворотомъ». На календарь табл. 1-ой изображено это число буквою «С», а на остальныхъ—флагурой, напоминающей собой солнце. 25 декабря—Рождество Христово отмѣчено на календаряхъ

табл. 2-й и 3-й четырьмя крестами; четвертый крестъ, по всей вѣроятности, относится къ сочельнику; остальные же три указываютъ на три дня праздника.

Въ январѣ: 1 января—Васильевъ день. Отмѣченъ на календарѣ табл. 1-й буквою «В», а на табл. 2-й и 3-й—крестомъ. Наканунѣ этого дня старики гадаютъ объ урожаѣ хлѣба. Для этого они наливаютъ въ ложки воду и, завѣтивъ каждую ложку на извѣстный хлѣбъ, ставить ихъ въ рѣшето съ хлѣбомъ и на ночь выносить на улицу. Въ которой изъ ложекъ вода замерзнетъ съ болѣе высокими бугорками, урожай того завѣченаго хлѣба будеть хорошій. 6 января—Крещеніе Господне. Этотъ праздникъ отмѣченъ на календаряхъ табл. 1-й крестомъ, какъ бы изображающимъ явленіе Св. Троицы, а на табл. 2-й и 3-й—хоругвями, напоминающими о крестомъ ходѣ. 18 января. Относительно этого числа говорять: «полозъ покатится», т. е. въ это время путь обледенѣть, и получится хорошая санная дорога; поэтому 18 января на табл. 2-й и 3-й отмѣчено изображеніемъ саней. 24 января. Это число не почтается какъ праздникъ. Оно лишь связано съ народной примѣтой относительно того, что съ этого дня наступаетъ вторая половина зимы. Поэтому говорять о числѣ: «Ок-сивыя-полузимница». 30 января—день трехъ святителей. На всѣхъ календаряхъ оно отмѣченъ тремя линиями, исходящими изъ одной точки.

Въ февралѣ: 2 февраля—Срѣтеніе Господне. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «С», а на остальныхъ—крестомъ. 24 февраля—Обрѣтеніе главы Иоанна Предтечи. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «Г», чтѣ значить глава; на остальныхъ же изображена фигура головы. 29 февраля отмѣчено, какъ число, относящееся къ високосному году. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й оно стоитъ отдельно и отмѣчено крестомъ; на календарѣ же табл. 1-й соединено съ 28-мъ числомъ.

Въ марта: 1 марта—Бѣдокінъ день; отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ примѣтой, что съ этого дня наступаетъ тепло. На календаряхъ табл. 1-ой и 2-ой это число обозначено буквою «Е». 6-е и 9-е марта. 6 числа воспоминаются 42 мученика, а 9—40 святыхъ, причемъ въ этотъ день страшаютъ изъ пшеничного теста жаворонки въ виду ихъ прилета 9 марта. 17 марта—Алексѣевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ народной примѣтой о томъ, что съ этого дня наступаетъ оттепель: «Загорается ледь отъ воды, а сиѣгъ отъ земли». 25 марта—день Благовѣщенія Пр. Богородицы поселяне строго соблюдаютъ; по ихъ вѣрованію, въ этотъ день ласточка не вѣтъ себѣ гнѣзда, поэтому они стараются избѣгать работы. По вѣрованію ихъ, если женщина будеть шить въ Благовѣщеніе, то всѣ вновь родившіеся ягнятъ будуть безъ задняго прохода. По примѣтамъ, къ Благовѣщенію прилетаютъ утки, поэтому на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й 25-ое марта отмѣчено изображеніемъ птицы.

Въ апрѣлѣ: 1 апрѣля—Марія Египетская. Это число отмѣчено слѣдующими знаками: на календарѣ табл. 1 изображеніемъ головы женской фигуры въ воспоминаніе изъ страницъ житія этой святой, на календарѣ табл. 2-й и 3-й—иниціаломъ «М». 23 апрѣля—Георгій Побѣдоносецъ («Егорьевъ день»). На календаряхъ отмѣченъ на табл. 1-й изображеніемъ лошади, въ воспоминаніе дня отдыха лошадямъ, а на табл. 2-й и 3-й—изображеніемъ копья, какъ эмблемы храбрости и силы святого. Въ этотъ день въ селахъ устраиваются крестные ходы на ближайшую рѣку или озеро, где служится молебень, послѣ которого купаются лошадей. Работы въ Егорьевъ день на лошадяхъ не производятъ, такъ какъ этотъ день есть лошадиный праздникъ.

Въ маѣ: 1 мая отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ начало весенней полевой работы, т. е. пахоты, поэтому и говорять объ этомъ числѣ: «Кремя заирагалыникъ». Согласно со смысломъ этой пословицы, связанной съ сельско-хозяйственными работами, на календаряхъ сдѣланы слѣдующія изображенія: на табл. 1—верхняя часть сохи, а на табл. 3—сошиникъ; на табл. же 2-й надѣ эти три числа стоять буква «И». 9 мая—Перенесеніе мощей Николая Чудотворца или, какъ говорятъ: «Николинъ день». Почитается этотъ праздникъ также, какъ и 6 декабря, и отмѣченъ изображеніемъ тѣхъ же знаковъ. 21 мая—матери Елены, царя Константина или, какъ говорятъ: «Царя града». Въ этотъ день стараются избѣгать полевыхъ работъ, такъ какъ, въ наказаніе за нарушение праздника,

святой выражает свой гневъ надъ виновнымъ тѣмъ, что посыпаетъ градъ, который истребляется весь хлѣбъ. 25 мая—Обрѣтеніе главы Иоанна Предтечи.

Въ іюнѣ: 12 июня—Онуфріевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, съ которымъ связана народная примѣта о состояніи погоды. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ Забайкалья ночная температура до 12 июня бываетъ низкая, и крестьяне, желая узнать, будутъ ли имень съ 12 июня, для этого выносить на ночь мокрую судомоху. Если судомохъ обледенѣеть, то, значитъ, еще будутъ имена. 24 июня—Рождество Иоанна Предтечи, или, какъ говорятъ: «Иванъ Травникъ». Наканунѣ этого дня ходить въ поле и собираютъ лѣкарственные травы. На календарѣ табл. 2-й и 3-й это число отмѣчено нѣсколькими знаками. 29 июня—Петра и Павла. Это число отмѣчено изображеніемъ рыбы, и знакъ этотъ напоминаетъ о только что прошедшемъ постѣ, когда употреблялась въ пищу рыба, или есть эмблема того, что эти апостолы были рыбаками.

Въ юль: 8 июля—Прокопьевъ день. Съ этого дня начинается сѣноокосъ, поэтому на календаряхъ табл. 1-й и 3-й надъ именемъ изображена коса (горбуша), а на табл. 2-й буква «П». 20 июля—Ильинъ день. Считая Илью Пророка громовержцемъ, такъ какъ громъ, по вѣрованію сельского населения, происходитъ отъ его поездки на колесницахъ, поселяне стараются избѣгать полевыхъ работъ въ эту день; если же кто производить ихъ въ Ильинъ день, то вся его исполненная въ эту день работа будетъ истреблена молнией. На всѣхъ календаряхъ онъ отмѣченъ изображеніемъ колеса, какъ части колесницы пророка. 28 июля—отмѣченъ какъ праздникъ Смоленской Божіей Матери, которая пользуется особымъ почетомъ и у забайкальского населения.

Въ августѣ: 1, 6 и 15 августа—глубоко чтимые народомъ два Спаса и Успеніе Пр. Богородицы. Въ память крестнаго хода 1 августа, какъ первый Спасъ, отмѣченъ изображеніемъ хоругви; 6 августа отмѣченъ изображеніемъ креста, а Успеніе Пр. Богородицы на табл. 2, 3 изображеніемъ гроба. 18 августа. Это число мы встрѣчаемъ, отмѣченнымъ на двухъ календаряхъ табл. 2-й и 3-й, какъ день Фрола и Лавра. На первомъ оно отмѣчено изображеніемъ лошади, что указываетъ на народное покѣріе, которое считаетъ этихъ святыхъ покровителями домашнихъ животныхъ, въ особенности лошадей. Въ силу этого покѣрія, во всѣхъ наговорахъ, во время лѣченія животныхъ, или огражденія ихъ отъ порчей, обращаются къ защитѣ и помощи Фрола и Лавра. Изображеніе серца надъ этимъ же числомъ на календарѣ табл. 3-й напоминаетъ собой о времени наступленія жатвы, такъ какъ обыкновенно къ этому времени уже начинаютъ жать хлѣба. 29 августа Усѣкновеніе главы Иоанна Предтечи. На календаряхъ табл. 1-й и 3-й это число отмѣчено изображеніемъ креста, какъ эмблемы Крестителя. На календарѣ табл. 2-й изображенъ мечъ, въ память отсѣкновенія главы святому.

Помимо описанныхъ праздниковъ на всѣхъ календаряхъ имѣются дни, отмѣченные какъ второстепенные праздники или просто дни именинъ. На ленскомъ календарѣ табл. 1-й отмѣчены числа слѣдующихъ святыхъ: Михаила Архистратига, 6 сентября, Евлампія 10 октября, св. Наума 1-го и Варвары велико-мученицы 4 декабря Василия пресв. 22 марта, преподобнаго Георгія 7 апрѣля, Иоанна Богослова 8 мая, Тихвинской иконы Божіей Матери 26 июня, Маріи Магдалины 22 июля. Изъ этого перечня святыхъ, отмѣченныхъ на ленскомъ календарѣ, видно, что у крестьянъ по р. Ленѣ преобладающія мужскія имена слѣдующія: Михаиль, Евлампій, Матвѣй, Наумъ, Василий, Лука, Иванъ и Егоръ; женскія же: Марія, Варвара, Аксинья, Фекла и Дарья. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣчены, кроме перечисленныхъ прежде, еще дни именинъ и прочихъ семейныхъ праздниковъ въ слѣдующія числа: 3, 17, 26 и 27 ноября, 29 мая, 8 июня Феодора Стратилата отмѣчено буквою «Ф», 1, 15, 24 и 26 июля.

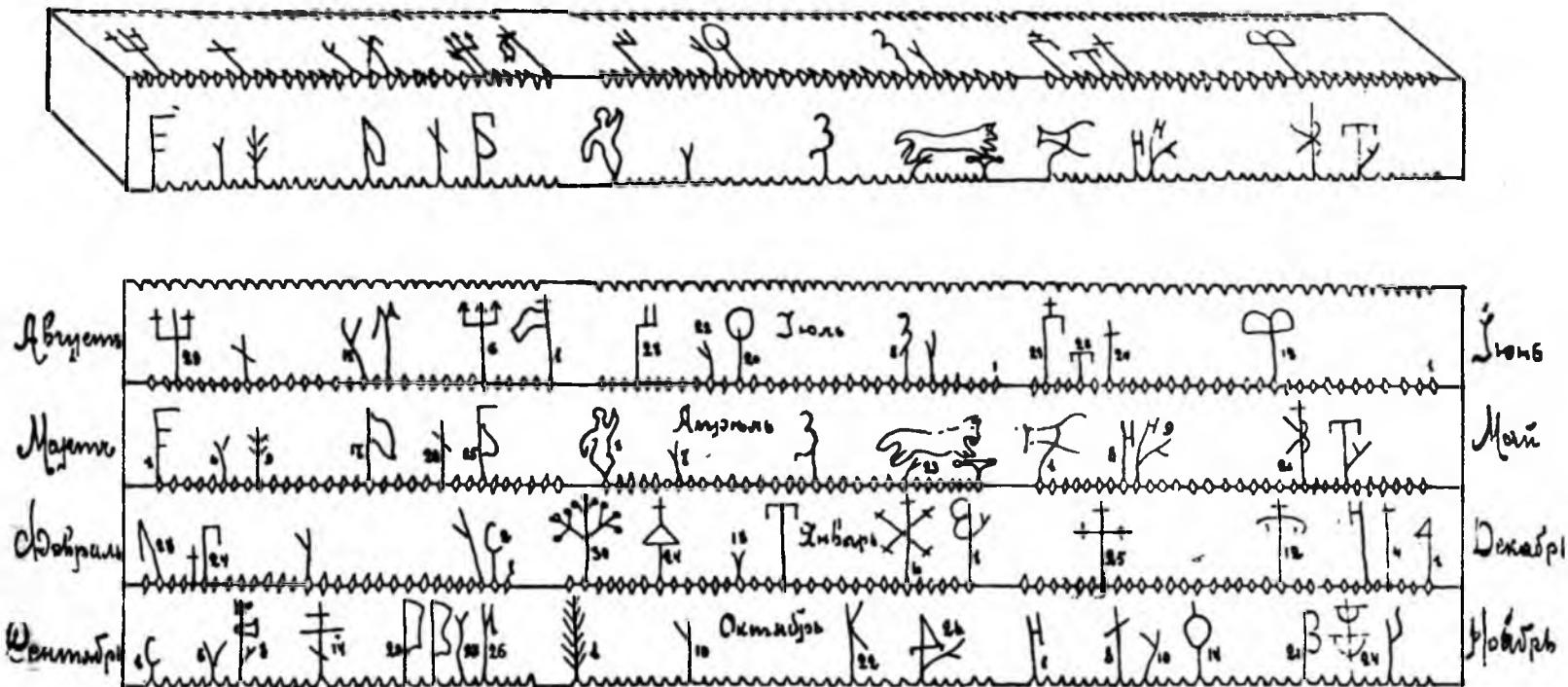
Въ коллекціяхъ Хабаровскаго музея имѣется костяной календарь, какой встрѣчалъ въ свое время Миддендорфъ у якутовъ. Онъ имѣть форму шестиугольной призмы съ расширеніемъ въ срединѣ. Знаки на этомъ календарѣ, по своему начертанію, нѣсколько напоминаютъ предыдущихъ календарей (см. табл. 4-ая). На каждой грани этого календаря помѣщено два мѣсяца. Отмѣчены на немъ слѣдующія праздничныя числа: 6 января—Крещеніе Господне изображено крестомъ. 18 января. Это число отмѣчено фигурой, изображающей сани, что подтверждаетъ народную поговорку: «Полозъ покатится», т. е. устанавливается къ этому времени обледенѣвшій путь. 24 января—число, обозна-

чающее половину зимы. 30 января трехъ святителей, на что и указывают три точки. 2 февраля—Срѣтеніе Господне изображено пятью точками. Отмѣчены 7 и 11 и 21 февраля. Это послѣднее число, вѣроятно, ошибочно отмѣчено вмѣсто 24, какъ дня Обрѣтеніе главы Иоанна Предтечи; тѣмъ болѣе вѣроятна эта ошибка, что фигура надъ этимъ числомъ напоминаетъ собою голову; 9 марта—день 40 святыхъ отмѣченъ восемью точками; 17 марта—Алексѣевъ день отмѣченъ изображеніемъ вилообразной фигуры. 25 марта—Благовѣщеніе Пр. Богородицы изображено не-определенной фигурой. Можетъ быть, это гнѣздо, какъ эмблема того, что птица въ этотъ день не вѣтъ гнѣзда; 23 апрѣля—Егорьевъ день, отмѣченъ изображеніемъ фигуры, напоминающей какого-то животнаго. Въ маѣ болѣе другихъ отмѣчены: 9 мая, какъ день св. Николая Чудотворца, 21—Царя града, 25—третье обрѣтеніе главы Иоанна Предтечи, на что и указываетъ изображеніе трехъ точекъ. Въ юни отмѣчены: 12 число, какъ день Онуфрия. Знакъ надъ этимъ числомъ отличается отъ знаковъ прочихъ календарей; 15 число отмѣчено изображеніемъ пяти точекъ, 24-го—Рождество Предтечи, 29—Петра и Павла. Въ юль имѣющими болѣе важное значеніе отмѣчены: 8-го Прокопьевъ день и 20—Ильинъ день, который и обозначенъ колесомъ. Въ августѣ: 1, 6 и 15 числа, какъ три, почитаемые народомъ Спаса. 1-го Сентября отмѣчено какъ и на прочихъ календаряхъ. 8 сентября—Рождество Пр. Богородицы. 14-е—какъ день Возвѣженія Креста Господня. 1 октября отмѣчено изображеніемъ куста, какъ и на календарѣ табл. 1. Въ ноябрѣ: 1, 8, 14 и 24, изъ которыхъ болѣе всѣхъ празднуется въ народѣ 8-ое, Михайловъ день. Въ декабрѣ: 6-ое число, какъ праздникъ Николая Чудотворца, и 25—Рождество Христово. Помимо тѣхъ числъ, которыя перечислены здѣсь, встрѣчаются отмѣтки еще и на другихъ числахъ, но нужно полагать, что это незначительные мѣстные или семейные праздники.

Членъ сотрудникъ Приамурскаго Отд. И. Р. Г. Общ. *К. Д. Ломаковский*.

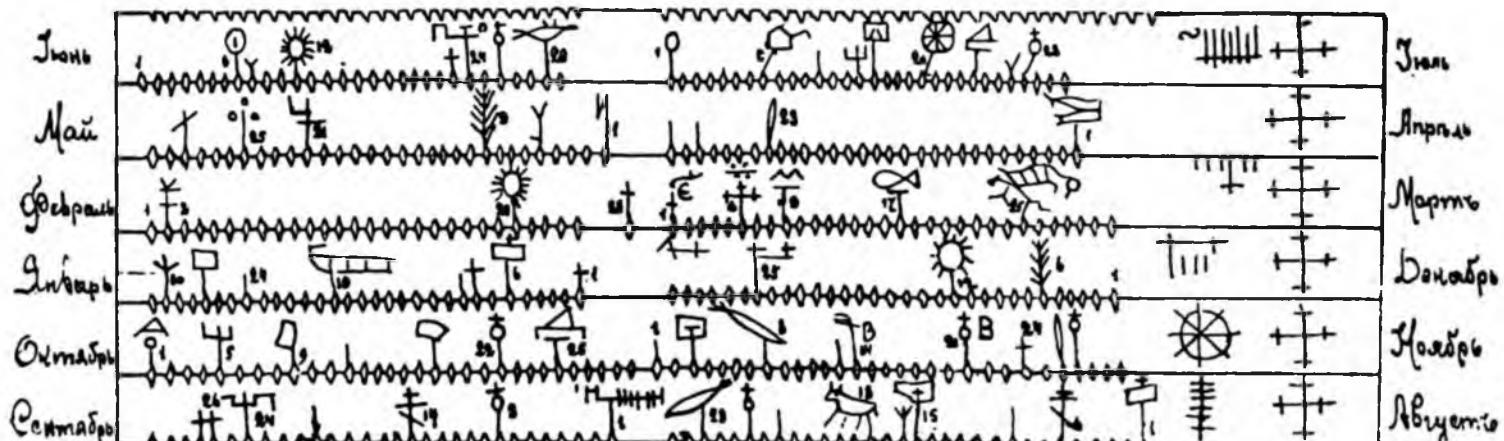
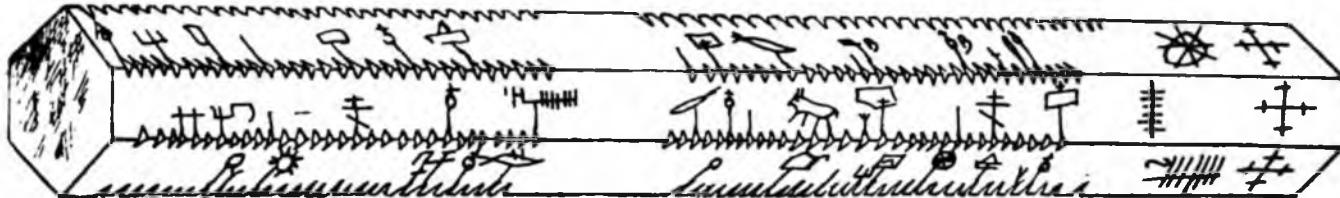
Хабаровскъ.

Приложение 1.

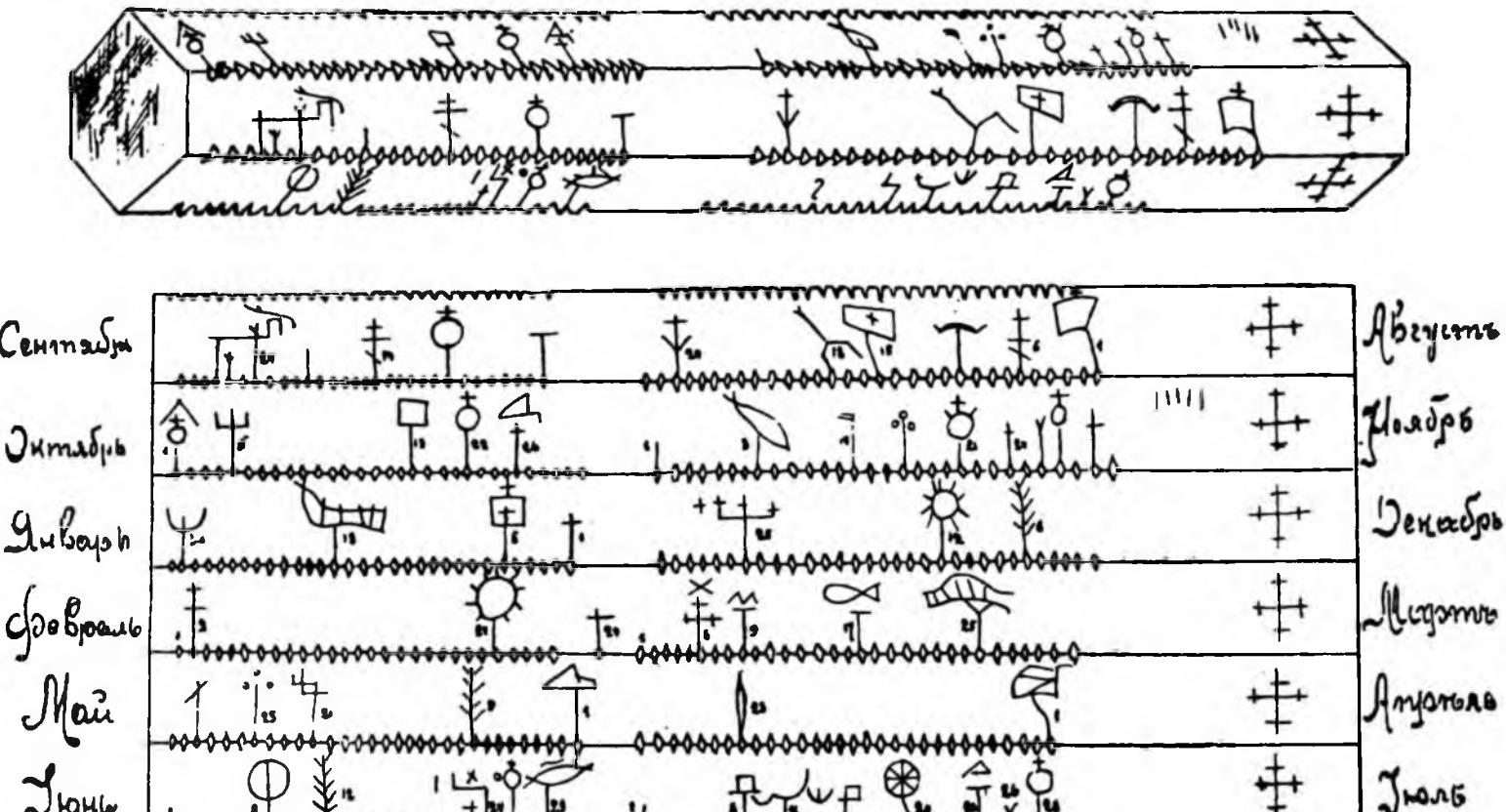

— 13 — ½ Натуральный лесополоса.

Приборы №:

Па́бликъ 3.

Всё в $\frac{1}{2}$ натуральной величины

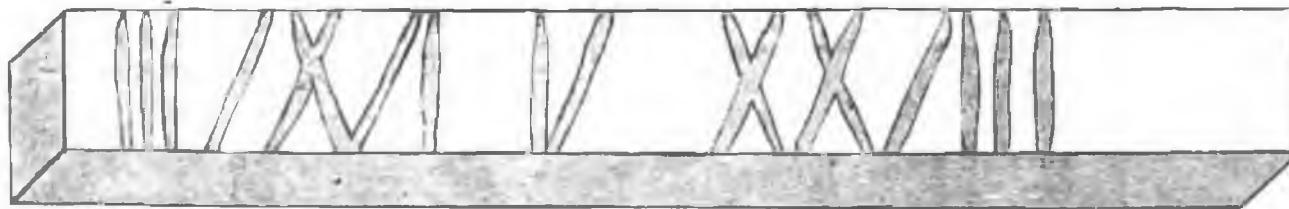
Таблица 4

Сентябрь	21	22	23	Январь
Ноябрь	9	14	24	Декабрь
Октябрь	7	11	14	Сентябрь
Дек.	8	14	17	Август
Янв.	24	24	25	Май
Март	17	20	25	Апрель

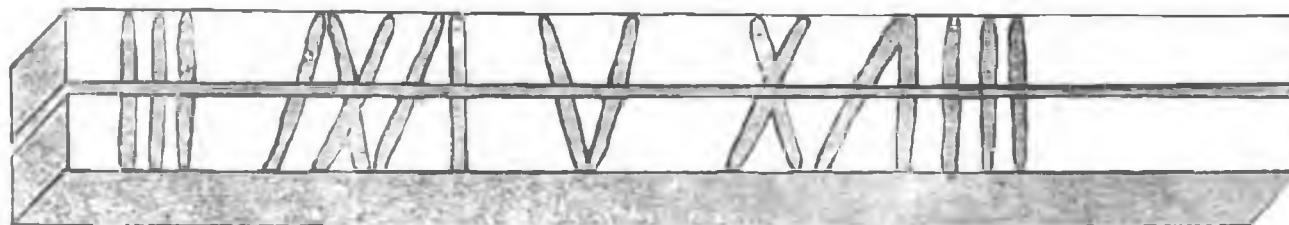
В натуральную величину

Печатка №.

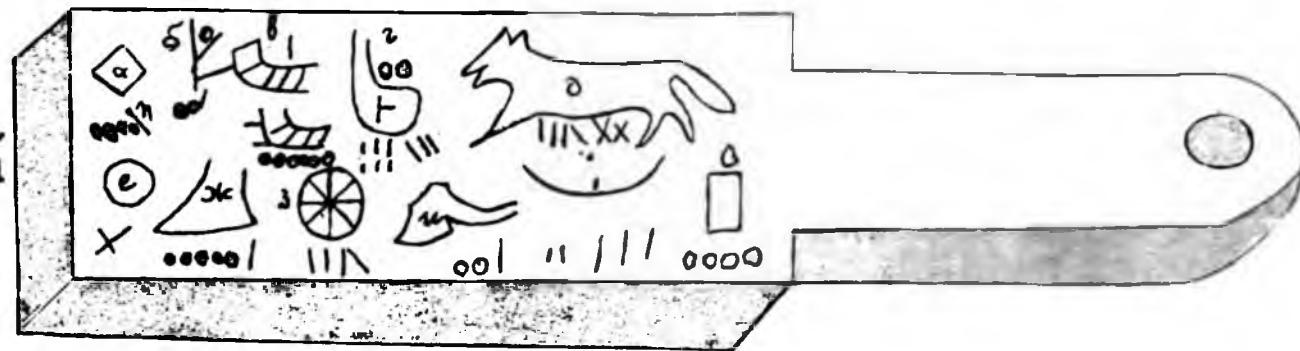
Фиг. 1

Фиг. 2

Фиг. 3

Простонародное лѣченіе болѣзней въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, съ постепеннымъ развитиемъ промышленности и народнаго образования всюду въ сельскомъ населеніи замѣтается упадокъ старинныхъ обычаевъ, нравовъ. и т. п.; все это естественно, иначе и быть не можетъ.

Для этнографа такой моментъ въ жизни народа очень важенъ. Важенъ онъ въ томъ отношеніи, чтобы не пропустить времени для отмѣтки того или другого изъ «старинъ глубокой» по части этнографіи, пока это то или другое не перешло въ область преданій. Вотъ почему и я пишу настоящую свою замѣтку, повидимому, не имѣющую теперь особаго значенія для читателя.

Прежде всего надо сказать, что въ послѣднее время земская медицина въ Кадниковскомъ уѣзда поставлена весьма удовлетворительно, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что земство ассигновало по сметѣ на 1900 годъ къ расходованію на это дѣло 55,348 руб., — сумма, какъ видите, довольно изрядная, и на нее можно кое-что сказать. Немало, конечно, уже и сдѣлано. Такъ, напр., изъ отчетовъ по врачебной части видно, что больныхъ въ кадниковской больницѣ и четырехъ лѣчебницахъ въ 1899 г. было 1928 человѣкъ, проведшихъ на излѣченіи 35.926 дней, амбулаторныхъ же больныхъ по уѣзу въ томъ году было 91.091 человѣкъ¹).

Но несмотря на все это, простонародное лѣченіе болѣзней всюду по уѣзду практикуется еще до сихъ поръ, особенно въ глухихъ, отдаленныхъ отъ больницъ деревняхъ; съ этого-то рода лѣчевіемъ я и хочу познакомить читателя.

Начнемъ съ головной боли и кончины болѣзнями ногъ.

1. а) Отъ головной боли лѣчатся такъ: берутъ кусочекъ глины, размачиваютъ его въ водѣ и разминаютъ, а затѣмъ кладутъ ее пластомъ въ тряпку и обвертываютъ голову. Сырая глина, какъ известно, ходить голову и болией чувствуетъ некоторое облегченіе.

б) Прикладываютъ къ головѣ капустные листья, смоченные предварительно въ квасу.

в) Прикладываютъ тертую рѣдкую.

г) При первыхъ боляхъ, голову обвертываютъ платкомъ какъ можно туже, т. е. крѣпче.

д) Пить траву, по местному названію «адамова голова». Приготовляютъ эту траву такъ же, какъ чай: кладутъ въ чайникъ 2—3 травинки и, заваривши, пить по чайной чашкѣ 3—4 раза въ день.

2. Глазные болѣзни. а) Мокрѣ глаза хорошимъ мыломъ глицериновымъ или яичнымъ, а когда это не помогаетъ, то спускаютъ въ глаза растворъ кримы²).

б) Сшиваютъ яичный блокъ съ тертыми квасцами и, наказавъ такую смѣсь на тряпку, прикладываютъ къ глазамъ.

в) При бѣльяхъ употребляютъ имбирный корень или леденцовыи сахаръ въ корочки. Если это средство не помогаетъ, то промываютъ глаза виномъ, настоеннымъ на камфорѣ, дабы «прѣвѣ».

¹⁾ Доклады кадниковской уѣздан. земской управы и журналы земск. собрания 1900 г. стр. 114, 116 и 545.

²⁾ Кримза—каломель.

г) Если глаза «засыпаются», т. е. по утрамъ бываетъ нагноеніе, то бросаютъ въ нихъ июхательного табаку.

д) При болѣзни вѣкъ употребляется въ дѣло лѣченія хиѣлевой листъ; листомъ этимъ (шаршавой стороной) трутъ вѣка; если это не поможетъ, спускаютъ въ глаза регальное или муравьиное масло. Послѣднее приготавляется такъ: берутся муравьи и кладутся въ бутылку, которую ставятъ въ жаркую печь; когда же всѣ муравьи полопаются отъ жары, тогда ихъ извлекаютъ оттуда и выжимаютъ изъ нихъ сокъ, который и называется масломъ.

е) При краснотѣ глаза засыпаютъ его чистымъ и пережженнымъ сахаромъ.

ж) Засореніе глаза очищаютъ языкомъ какой-нибудь «мастерицы», т. е. специалистки.

з) При конъюнктивитѣ спускаютъ въ глаза растворъ kali iod.

и) Опухоль железы на вѣкахъ («письякъ») лѣчить примачиваніемъ своей мочой или прикладываніемъ къ глазу теплого мягкаго хлѣба, который при остываніи долженъ быть выброшенъ собакѣ, иначе это средство не поможетъ. Отдается же собакѣ этотъ хлѣбъ, а съ нимъ и саму болѣзнь потому, что, по повѣрю, и самая-то болѣзнь эта получается отъ собаки, и именно тогда, когда видишь, что собака испражняется, и если не съумѣешь или не успѣешь сказать: «собака сцы и... и себѣ на глаза», то и сдѣлается письякъ.

3. Насморкъ («насишка»). а) Насморкъ излѣчиваютъ такъ: мажутъ переносце саломъ, июхаютъ табакъ, сморкаются въ портянки.

б) Если въ одно изъ упомянутыхъ средствъ не помогаетъ, то мажутъ соплями дверную скобу, чтобы насморкъ перешелъ къ тому, кто послѣ того первый возьмется за скобу.

в) При коростахъ у носа отмачиваютъ ихъ теплымъ спитымъ чаемъ—травой.

г) Мажутъ носъ сажею и по повѣрю кто первый скажетъ, что у тебя-де на носу сажа, къ тому и перейдетъ насморкъ.

д) Прилагаютъ къ носу травинку осоки, и кто скажетъ, что «у тебя на носу осока», слѣдуетъ отвѣтить: «перейди къ нему моя насишка».

е) Трутъ носъ кошачиимъ хвостомъ.

4. Зубная боль а) Кладется на болѣйший зубъ лозоръ (краска), купоросное масло или крѣпкая водка (acidum nitricum) или же стручковый перецъ, вино.

б) Если это не поможетъ, то приготавливается настой изъ горошечнаго перца съ виномъ, и держать этотъ настой во рту.

в) Кладется на зубъ даже человѣческий каль, полощутъ холодной водой.

г) Дѣлается такая спеція: берется часть толченаго перцу, часть сахарного песку и немножко вина, чтобы развести эту смѣсь и на ложкѣ или на чайномъ блюдечкѣ нагрѣвать ее надъ спичкой и затѣмъ этой смѣстью, пока она не остыла, залиплять дупло и мажутъ десну.

д) Если въ домѣ никто не умиралъ, то беруть изъ трещины въ стѣнѣ (изъ бревна) перемычку и выходятъ съ нею ночью на улицу, когда свѣтить луна, и говорятъ, повторяя трижды: «какъ у покойника не болѣть ни зубы, ни дѣсны, такъ бы и у раба Божія (имя рекъ) не болѣли бы ни зубы, ни дѣсны», и перемычку эту кладутъ за болѣйший зубъ.

е) Ходять на кладбище и ищутъ тамъ человѣческую кость, если найдутъ, то трутъ ею зубы и десна, говоря тѣ же слова, чтѣ и при употреблениіи перемычки.

ж) Настаиваются на винѣ травы—«подорожникъ» и кладутъ на зубъ.

5. Боль въ горлѣ. а) При болѣзни горла (напр. ангины) кладутъ на горло сахарную бумагу, смазанную саломъ; привязываютъ къ ночи мерстянкой носокъ, предварительно смазавши шею саломъ же.

б) При кашѣ сухомъ употребляется настой травы, известной подъ названіемъ «звѣробой», и также намазывается горло и грудь саломъ.

б. Грудиная болѣзнь. а) Отъ грудной боли пить вино, настоенное на стручковомъ перцѣ. Кромѣ того мажутъ грудь и бока скиндаромъ, чтобы «разогнать кровь».

6) Если эти средства не помогают, то водятъ больного въ баню и тамъ дѣлаютъ припарки изъ сѣнной «трухи»¹⁾ и къ ночи поять настоемъ изъ «дорогой травы» (*Sarsparagii*) съ виномъ.

в) Завариваютъ овесъ, какъ чай, и тоже пьютъ.

7. Желудочныи болѣзни. а) Сначала растираютъ животъ (массажъ), а затѣмъ даютъ пить скпицдаръ, а иногда и нашатырь, конечно, по немногу.

б) Если это не поможетъ, то наливаютъ въ бутылку горячей воды и катаютъ ею по животу больного или же накладываютъ на животъ горшокъ, предварительно вложивши въ него немножко кудели и зажегши ее, и получается вѣтко вродѣ сухихъ банокъ.

в) Пьютъ соленый квасъ, водку съ солью или съ перцемъ, также и хрѣнь, называя его «сердечный порошкомъ».

г) Если животъ болитъ отъ глистовъ, то пьютъ постное масло (изъ сѣянья льна) и поворачиваютъ пупъ.

д) Если боль объясняется, что «пупъ сорвалъ», то кувыркаются черезъ голову и пьютъ соленую воду, настой изъ валганного корня.

е) При запорахъ пьютъ «сыворотку», т. е. отбросы отъ творога.

8. Болѣзни спины. а) При лѣченіи боли въ спинѣ, больного берутъ въ охабку и встрахиваютъ.

б) Сѣкнуть т. е. рубить какія-нибудь межевыи вѣхи (утѣнь, по мѣстному) и, прида къ больному, кладуть его на порогъ животомъ, а на спину кладется голикъ (вѣнчикъ безъ листьевъ) и стучать по голику топоромъ, при этомъ кто-нибудь долженъ спросить: «чего сѣчешь?», сѣкущій отвѣтчаетъ: «утѣнь». — «Ну, такъ,—говорить,—сѣки его болѣнїе, чтобы не было у Степана боли».

в) Если санина болитъ отъ ушиба, то больного заставляютъ перегибаться черезъ палку или кувыркаться, а также употребляется натираніе спины скпицдаромъ или керосиномъ.

г) При простудѣ, когда спину «надуло» вѣтромъ, прикладываютъ иногда припарки изъ сѣнной трухѣ.

9. Простуда, лихорадка (*«кукухѣ*»). а) Прежде всего, когда человѣкъ почувствуетъ ознобъ, его ведутъ въ баню и тамъ парятъ, какъ возможно дольше, чтобы пропотѣть. Послѣ бани натираютъ его скпицдаромъ или керосиномъ или же муравьинымъ спиртомъ.

б) Къ ночи больного поять настоемъ на винѣ стручковаго перца, а ноги обкладываютъ чистымъ бересовыимъ листомъ; утромъ же заставляютъ его ходить по росѣ босыми, если это случилось не замою.

в) Если эти средства не помогутъ, то приносится изъ лѣсу муравьище и кладется на него кадка съ теплой водою, куда больной и кладеть свои ноги. Это тоже своего рода припарки.

г) Лѣчить въ паровыхъ ваннами, а именно: обвертывается больной мокрой простыней, садится на стуль съ рѣшеткой, подъ стуль ставится какой-нибудь сосудъ, наполненный какимъ-нибудь горючимъ материаломъ, каковой и зажигается. Отъ жара нагревается покрая одежда и образовавшіеся пары согрѣваютъ тѣло больного.

10. Накожныи болѣзни. а) При лишайныхъ сыпяхъ мажутъ пораженныхъ части дегтемъ, клюквой, а иногда и сметаной, которую, затѣмъ, даютъ слизать съ больного собакѣ.

б) При покищемъ лишай или экземѣ присѣкаютъ кремнемъ и огнivомъ (желѣзная пластинка) летучій огонь, но при этомъ наблюдается, чтобы одинъ изъ присѣкающихъ былъ самый старшій изъ семьи, а другой—самый младшій; однѣ другого должны спросить: «что присѣкаешь?» Отвѣтъ: «летучій огонь засѣкаю»: — «Сѣки бойчѣе, чтобы вѣкъ его не было».

в) Сухой лишай мажутъ грязью изъ трубки или чубука.

г) Коросты на головѣ и вши смазываются ртутной мазью, которую приготовляютъ сами изъ ртути, свѣжаго сала и масла.

д) При чесѣ моются въ банѣ дегтярной водой или соленымъ молокомъ. Такъ же

¹⁾ Труха—измельченное сѣно.

мажутъ сметаной, что и при сыпяхъ или мажутъ мазью, приготавляемой изъ горючей сѣры со сметаной.

е) На вереда прикладываютъ печень лукъ, привязываютъ варъ, бѣлый грибъ, смоченный въ теплой водѣ, иногда шкурку лѣтяги (мездрою на вереду). Это послѣднее средство, по словамъ знатоковъ, очень хорошее средство, жаль только, что звѣрковъ этихъ мало водится въ Кадниковскомъ уѣзда.

ж) Прикладываютъ изъкоторые захари вместо упомянутыхъ веществъ битые пряники или теплый творогъ.

з) Раны засыпаютъ табакомъ, засыпаютъ сахаромъ, паутиной, сверху же кладется листъ подорожника или бересты. Свѣжія раны покрываются лакомъ спиртовымъ и завязываются тонкой кожей—бахтармой. Иногда раны засыпаются алебастромъ.

и) При проколотой ракѣ, когда сдѣляется уже нарывъ, привязываютъ жеванный хлѣбъ съ солью.

к) Къ наривамъ привязываютъ мыло, подорожникъ и варятъ еще какой-то пластырь съ сѣромъ.

л) При ранахъ, напр., *vifilis'a*, щелокомъ гонять волосъ, прикладываютъ заячью шкурку, мездру къ ранѣ. Первое средство извѣстно, какъ шарлатанство захарей и дѣлается оно такъ: захарь приносить къ больному своего щелоку; положивши предварительно въ щелокъ нѣсколько волосинокъ, онъ начинаетъ мыть рану и какъ будто изъ нея вытаскиваетъ одну за другой волосинки, говоря: и у тебя оттого долго не заживаетъ рана, что тамъ росли волосинки, но теперь я ихъ выгналъ, и рана скоро заживеться. Большой, конечно, обрадуется, и лишній «пятакъ» перепадетъ въ руку такому захарю.

м) При трещинахъ сосковъ (у женщины) мажутъ ихъ яичнымъ масломъ (изъ желтка) или деревяннымъ (елеемъ), а также, если найдется, свѣжимъ медвѣжьимъ саломъ. Послѣднее—отличное средство при всякихъ трещинахъ на тѣлѣ или царалинахъ, но, къ сожалѣнію, не всегда имѣется оно. Къ ранамъ прикладываютъ еще варъ съ масломъ.

н) Кровотеченіе изъ ранъ останавливаютъ засыпкою сухимъ мохомъ, сахаромъ, трутомъ (грибокъ съ березы) и алебастромъ, а сверху покрываются подорожникомъ или капустнымъ листомъ.

11) Дѣтская болѣзни. а) Если ребенокъ не крѣпко спитъ, дрыгаетъ ногами, ёжится и гнется на спину—это значитъ: у него щекотуха. Чтобы избавиться отъ щекотухи, дѣлаютъ изъ кручинатой муки на женскомъ молокѣ круглое тѣсто, въ видѣ колобка, и несуть ребенка въ баню, гдѣ прежде всего вымоютъ его, а затѣмъ натираютъ этимъ колобкомъ спину, задницу, наружные стороны верхнаго плеча и заднюю поверхность бедеръ до подколѣнной ямки, и потомъ тотчасъ же смываютъ. Когда смоятъ это тѣсто съ ребенка, то снова натираютъ и прикладываютъ чистыя тряпки, затѣмъ пеленаютъ его и оставляютъ уже до олѣдяющей бани, обыкновенно до завтра, такъ какъ въ первое время по рожденію ребенка бани топятся ежедневно.

б) Нѣкоторыя женщины вместо колобка натираютъ тѣ же мѣста у ребенка кускомъ или порошкомъ квасцовъ. Щекотуха, по словамъ лѣкарекъ, выходить изъ тѣла въ видѣ черненыхъ волосковъ, какъ щетинка.

в) При коликахъ въ животѣ парять ребенка въ банѣ почти до потери имъ сознанія.

г) При грызѣ поясть грыжной травой, пронускаютъ черезъ животъ мышенка, прижигаютъ пяткою веретена, нагрѣтаго сильно тренiemъ о что-либо, зажигаютъ на пушъ небольшой клюкъ кудели и надѣваютъ на шею старинную мѣдную монету, которую отчасти вилять, и опилки даютъ ребенку выпить въ водѣ.

д) Когда ребенокъ опрѣбѣть, то присыпаютъ опрѣвшія мѣста толченымъ ольховымъ листомъ и корой или березовымъ вадубомъ; нѣкоторыя, впрочемъ, присыпаютъ овсянымъ толокномъ или гарь-дѣякою, получаемою отъ тренія мельничного вала.

е) Чтобы сохранить ребенка отъ лихого глаза, слѣдуетъ, по повѣрію, обмыть три дверныхъ скобы и затѣмъ этой водой обмывать ребенка, положивши предварительно въ воду горячихъ угольковъ.

ж) Отъ золотухи (но мѣстному, «просонье») поясть и помыть ребенка настоемъ

калины. Затѣмъ, существуетъ еще заговоръ: «Встану я раба Божія, благословясь и перекрестясь, и пойду изъ воротъ въ ворота, во чистое полѣ, во чистомъ полѣ стоять золотой стулъ и сидѣть на немъ бабушка Соломонида, она хвощеть и полощеть всѣ 12 просоний съ раба Божія (имя рекъ): костяное, жильное, мясное, язычное, подъязычное, зубовое, глазное, головное, мозговое, ножное, подреберное и брюшное». Заговоръ этотъ произносится надъ ребенкомъ, когда его моютъ въ банѣ.

8) Ребенку только-что родившемуся жуютъ хлѣбъ или пряники—сусленики и, завернувши въ рѣдкую тряпку, сунуть въ ротъ—это соска.

и) Если ребенокъ не мочится, то берутъ съ крыши гумна моху, завариваютъ его какъ чай и даютъ пить.

и) Судороги у ребенка (*«родимецъ»*) вылѣчиваются массажемъ.

12. Женская болѣзни. а) При кровотечении изъ матки, пьютъ черный брунцъ (*ядовитыя ягоды*), заваривая его какъ чай. Брунцъ употребляется какъ и abortivное средство.

б) Для ускоренія родовъ даютъ роженицѣ пить настой травы, известной подъ названіемъ *«прыгунъ»* или воду, въ которой были обмочены 2—3 ключа.

в) Если у роженицы слабы потуги, то сунуть ей въ ротъ волосы и даже плюнуть, кроме того разуь руками наружные половые органы.

г) Если ребенокъ идетъ неправильно то роженицу вѣшаютъ къ воронцу (*балка*) внизъ головой и встречаютъ. Если при родахъ показалась ручка или ножка, то безъ церемоніи ухватываются за нее и тянуть изъ всей силы.

д) Пупокъ завязываютъ какъ можно ближе къ тѣлу ребенка и непремѣнно сурою ниткою, скрученную съ волосами матери. Коса во время родовъ должна быть расплетена, и самыe роды должны производиться тайно, дабы они были легче.

е) Послѣ родовъ ташутъ роженицу въ баню, нерѣдко съ невышедшей еще постелькой. Послѣ бани даютъ пить судѣй (*овсяная мука, замѣшанная на квасу или водѣ*). Женщины-сосѣдки приносятъ роженицѣ здоровья въ видѣ пирога изъ ржаной или ячной муки.

ж) Во время беременности, при судорогахъ, носять кольца золотыя, серебряныя или же изъ старинной мѣди. Въ то же время, если случится изжога, то ёдять горохъ, мѣль или держать дробинку во рту.

13. Разныя общія болѣзни. а) *Sifflis*. Болѣзнь эта называется вѣдѣсь *«купоросницей»*, *«худой болѣзнью»*. Лѣчать ее, напр., папулы на губахъ, кондиломы на мошонкѣ и заднемъ проходѣ смазывая мѣднымъ купоросомъ. Затѣмъ, подкуриваются киноварью, пьютъ бѣль съ виномъ, дорогую траву (*Sarsaparilli*), настоенную на винѣ же.

б) *Impotentia*. Эта курьезная болѣзнь чаще всего случается въ первые дни женитьбы, лечить ее такъ: скоблять ножемъ рогъ и стружку пьютъ въ винѣ, говоря: *«стой мой , какъ рогъ»*.

в) Отъ порчи во время свадьбы, молодой втыкаютъ въ рубашку, которая на ней, *«протыши»*, т. е. иглу бѣзъ ушей. Быть такой случай: *«молодая»* сѣла, и игла—довольно большая—ушла въ ягодицу; несчастная, не смѣя или стыдясь сказать, носила ее три дня, пока не кончились всѣ свадебныя пиршества.

г) Если кто во время первого грома перекувырнется, то во весь годъ не будетъ болѣть у того поясница.

д) Переломы, вывихи и ушибы. При переломахъ размываютъ переломленныя части съ мыломъ, обкладываютъ затѣмъ дранками или берестой и на-того перетягиваютъ толстымъ поясомъ изъ коровьей шерсти.

При вывихахъ поступаютъ также. При этомъ бываютъ такие печальные случаи, какъ *нижеслѣдующие*: разъ пьяненький мужичекъ ушибъ руку; привезенная къ нему костоправка стала править здоровую руку и вывернула ее. Ушибленная рука поправилась, а та, которую правила баба, и теперь не дѣйствуетъ. Фактъ.

Есть костоправы, дѣйствительно, знающіе отчасти это дѣло, но и съ ними случаются казусы (впрочемъ, и съ докторами случаются ошибки!). Такъ, напр., у больного костоправъ, *«ничтоже сумняшеся»*, снялъ повязку фельдшера и началъ *«править»*, послѣ чего у больного появились нарыва, и онъ умеръ.

При ушибахъ привязываютъ болотную широколистную траву, известную здесь подъ названиемъ «уразная», предварительно смоченную въ теплой водѣ.

При ушибахъ же иногда употребляютъ такое средство, какъ смачивание дѣтской мочей.

е) Ожоги, занозы. Ожоги лѣчать прикладываніемъ тертаго картофеля, смазываніемъ варенаго постнаго масломъ или дрожжами.

При занозахъ, когда уже началь образовываться нарыва, жгутъ краиненный холщевый лоскутъ и надъ дымомъ отъ него держать пораженную часть тѣла. Если нарыва еще нетъ, то занозу просто вынимаютъ иголкой.

ж) Отъ водянки пьютъ настой березовыхъ почекъ на винѣ.

з) При икотѣ стараются испугать чѣмъ-нибудь. Угри и прыщи оттираютъ въ банѣ грязной рубашкой. Трещины ва ногахъ смазываютъ сметаной или сворониной маслонъ.

д. Хмѣлевская.

A. A. Шустикова.

Нѣкоторыя повѣрья, пѣсни и обряды Орловской и Калужской губерній.

А в с е н ь .

(Въ с. Кошелевѣ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда, подъ новый годъ справляютъ Авсень).

Приходятъ мальчишки въ хату, посыпаютъ овсомъ и поютъ пѣсню:

Ой, Авсень, Авсень	Гвоздиками убивали.
Ой во борѣ, борѣ,	Ой, Авсень, Авсень!
Сосенка стаяла,	Каину Ѳхать
Зелена, кудрява.	По етаму мосту?
Ой Авсень, Авсень!	Ѳхать тамъ
Ѳхали баире,	Авсену да новому году.
Сасенку срубили,	Ой, Авсень, Авсень!
Въ дащечки пилили,	Курочки съ пѣтушкомъ,
Масточки мастали,	Полковничку съ дѣячкомъ.
Сукномъ устилали,	

По окончаніи пѣсни спрашиваютъ у бабъ, сколько онѣ напряли нитокъ. Бабы показываютъ ребятамъ нитокъ, изъ которыхъ нѣсколько беруть себѣ ребята.

М а с л я н и ц а .

(с. Самбурово Мещовскаго уѣзда).

На масланицу пекутъ блины и алады. Яичницу жарить; драчоны пекутъ. Женщины наряжаются мушкими, а мужчины женщинами. Поютъ разныя пѣсни.

Понедѣльникъ I недѣли вел. поста

(с. Кошелево, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи).

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста сажаютъ на салазки мужика или мальчишку съ поддѣльной бородою, даютъ ему донце, гребень и намычку и заставляютъ его прѣсть, а бабы и мальчишки возятъ его по всей деревнѣ и поютъ:

Маслина—кургузка,	Я на улицы была,
Безъ тебѣ намъ жить груска:	Я видѣла драку,
Сыръ масла пализала;	Разарала сарафанъ
Намъ дурамъ ни сказала.	На самаю с...

Подъ Петровъ день

(с. Сабурово, Мещовского уѣзда).

Подъ Петровъ день бабы и ребята ходять по садамъ чужимъ, рвутъ яблоки, кружевникъ и кушаютъ. Выкатываютъ на дорогу лѣсь. У кого есть борона, вынесутъ на дорогу. Двумя боронами и длиннымъ бревномъ—«должиномъ» стараются перегородить дорогу.

(С. Лубянки и Кошелево, Кромского уѣзда, Орловской губ.).

Подъ Петровъ день всю ночь ребята ходять по деревнѣ и караулятъ солнце; приятомъ они носятъ съ собою косу. Всю ночь караульщики солнца заняты успленной работою:—все, чтѣ попадеть подъ руки: сани, повозки, бороны, кадушки, бревна—однимъ словомъ, что по оплошности домохозяева оставлено въ эту ночь на улицѣ, все это разбрасываютъ по дорогѣ, такъ что на Петровъ день домохозяева весь день разсыкаютъ и собираютъ свое имущество. Тѣ же домохозяева, у кого поспѣли на огородѣ овощи, какъ-то: лукъ, морковь, огурцы, всю ночь караулятъ огородъ; кто же оставить бѣзъ караула, тотъ на утро найдетъ свой огородъ опустошеннымъ; не тронуть только тѣ овощи, которыхъ въ сыромъ видѣ не єдятъ.

Ильинъ день

(с. Сабурово, Мещовского уѣзда).

На Ильинъ день ходять въ поле; смотрѣть лыны, горохи.

Подъ Петровъ день поется пѣсня

(с. Пятницкое, Мосальск. уѣзда).

Пятровская кѣла
Па здѣмъ хадила,
Усихъ пабудила,
А храсинью забыла.
По двору хадила,
А шмѣтки сбирала,
Храсинью бувала.

Храсинья уснула,
Пра всѣ ина забыла.
А дѣвушки ходуть,
Пѣсни поють,
И Храсинью величаютъ,
И килѣ Храсинны причипляютъ...

Эту пѣсню поютъ тому, кто не принимаетъ участія во встрѣчѣ солнца подъ Петровъ день; тому поютъ пѣсню, стучать въ окно и привѣшиваютъ на крыльцѣ лошадиную голову.

Змѣй - Любакъ

(сельцо Теребень, Жиздринского уѣзда).

I.

Змѣй-любакъ, летаетъ къ женщинамъ, отъ него женщины дѣтей рождаютъ. Разъ змѣй-любакъ присталъ къ коровѣ; отъ него сосѣдская корова бычка талила.

Сталъ змѣй-любакъ летать къ одной женщинѣ. Стала эта женщинасосѣдкамъ говорить: «ко мнѣ мужъ приходить». Сосѣдки говорятъ: «дуря! откуда ему приходить къ тебѣ—мужъ твой далече». И научили бабы: «ты возьми гребенку; сядь на кровати и расчесывай волосы да бери конопли въ ротъ и хряпай ихъ. Змѣй подойдетъ къ

тебѣ и спросить: «что ты дѣлаешь?»—Ты отвѣчай ему: «расчесываюсь». — А что ъѣшь?— спросить тебя любакъ.—Ты отвѣчай ему:— ъѣмъ вши.—Любакъ отвѣтишь:—развѣ можно крещеной кости вишей ъѣсть?—А ты ему отвѣтишь:—развѣ можно некрещеной кости къ крещеной ходить?—Любакъ отъ этихъ словъ въ конфузъ придетъ и больше къ тебѣ не явится». Баба, любовница любака, такъ и отвѣтила змѣю, какъ учили ее соседки. Любакъ отъ такихъ словъ смущился, ударилъ дверью во весь махъ и болѣе въ тотъ дворъ не являлся.

II.

Супрати Аントшкиныхъ змѣй часто разсыпантца.—Праскута, што ета такоя? Какая-нибудь завѣтка есть... Спрашиваютъ бабы у Праскути, молодухи съ того двора, гдѣ змѣй разсыпантца. Праскута божитца: «нѣть!»—А кое-кто (люди старые) говорятъ: «Ета неправда,—какая-нибудь завѣтка есть».—Пошли по грибы бабы; стали говорить; одна баба говорить:—«Не запирайся: я завѣтку стѣнила за табою»—Врѣшь.—«Нѣть, я ия вру, а всю правду скажу».—Какую?—«Такъ-та и такъ-та: ты занявшись съ деверимъ. Не запирайся!» Да и свякови Праскутина баба та и доказала; свякова и дазрила. «Точно такъ, молодка: теперь за взим я дазрила; тебе со двора согнать, ли сынка со двора согнать».—Свякова была взяла да и дало ѹ ка ту сагнала Праскуту; ва атца Праскута пажила недѣли двѣ, а деверь опять взялъ нѣзвѣсту къ сибѣ отъ отца роднаго. Тутъ Праскута отъ него родила мальчика и дѣвочку и стала народу стыдитца.

Канъ спросить домового о судьбѣ?

(с. Сильковичи, Мосальск. уѣзда).

Надо поставить на ночь прялку въ то мѣсто, въ которое прялка прибиралась прежде. За эту прялку и садится прѣсть домовой. Вотъ еро, домового, и спрашиваютъ: къ счастью или къ несчастію? Если онъ заплачетъ—это къ несчастію; къ счастью домовой смеется и стучитъ сильно. Оставить прялку неубранною считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Если грива вѣтсѧ у лошадей, лошади пришли по двору, и наоборотъ.

Если кошки не ведутся дома, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Бабочка ночная «смерточка», «ворогуша»—(лихорадка).

(Теребень, Подбужъ, Жиздринск. уѣзда).

Когда пролетаетъ мимо огня ночная бабочка или моль, жители Теребенской волости, Жиздринского уѣзда, крестятся и говорятъ: «ахъ, Божа мой, смерточка, смерточка!» Жители Подбужской волости, Жиздринского уѣзда, называютъ бабочку «варагушей».

Старикъ со старухой клада ищутъ.

(с. Теребень, Жиздринск. уѣзда).

Старикъ со старухой пошли искать клада. Пришли на мѣста, разстелили простыню и наложили кресть. Нѣсколько времени просидѣли. Вдругъ, показалось имъ разсвѣло. Идуть люди и говорятъ:—Што вы тамъ сидите. Адикъ и другой?—Ани видѣютъ, што день, што кладъ ни укараулили, пошли домой. Аташли ятъ етыма мѣста

на нидалекая разстаянія, абу́ла ихъ ногъ и съ тѣмъ пришли дамой ночью, и еще до разсвѣта спали дома.

Воть и прихажу я къ Алена, что узнавала та и абыывала та.

— «Бабушка, я, мыль, инхарашо видила!» Ды и рассказала такъ-та и такъ-та. Мине вдтаранъ биреть ни къ пажару лѣба, ни къ смерти ли вѣщъ падаль моя.

Алена побалакала, побалакала ды и гырть: «ета, матушка, ни рабѣ: ета къ дилишѣ!»

И точно, такъ и пришлось! Ды, гырть, девөрь вась атгонитъ — и тѣшина прагнай. Раздолка, гырть, будить здоровая — и, тѣшина, вышла у насъ и разсолка, да и здоровая. Пришлось по ней правда.

Мине вѣдварнилъ съ дѣвичкой деверь.

Апять прихажу къ старухи!

— Правда твай!

— «Ни плачь, гырть: а бярись за Бога: Гаспотъ инвидумъ надѣлить тябе».

Видѣніе нѣ дѣлему

(с. Теребень, Жвоздринск. уѣзда).

Свякрою схараня, были мы ладныи и жили съ деверемъ. Лѣта, рабочее время, мѣжинъ; я деверя бересту дратъ привадила, а сама дома управлѣлася.

Устала рана, ишо до свѣта, и былъ у мене маленький рабеначикъ.

Вышла на дворъ и думаю: — «а, ну, падаю карову! Выхажу и карова стантъ, вѣданышъ, въ аглобляхъ, передкомъ къ телѣги. А я такъ-та падхажу; глянь, къ стѣнѣ мой голый стантъ.

А я такъ страсти абмерла; дѣйка изъ руки пакатилася; я закалъла — и ни помню. А дальши вѣданышъ, устѣтчи кароу пагнала, стала старухамъ коя-какимъ разсказывать. Аны стали гаварить: — у васъ въ двора кое-какая бида здѣлантца. — А дальши я помню только, што юнь мима мине халодный прашоль и пашоль у замутку на тотъ бокъ, адѣ Самсонъ-та живеть. И пошла къ той старухи, которая усо причинку атгадываетъ.

Старушка сказывала: — я не вѣрила, что инѣ на васъ говорили — вотъ мой змѣй и открылся! Мой глазъ ни глядить на добрыхъ людей тирпѣть васъ. Вотъ мой змѣй открылся.

Крестини

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда народится иладенецъ, зовутъ кума и кумъ; кума и кумъ несутъ по «карвѣгѣ» хлѣба, кума бубликовъ и ризку, полотенце батюшкѣ, кумъ крестикъ и готовится заплатить священику за крестины.

Когда станутъ крестить, иума разстилаеть ризку для принятія въ нее ребенка.

По окончаніи крестинъ, священикъ, вымывъ руки, спрашиваетъ у кумы полотенце руки вытирасть.

Садятся за столъ. «Идуть харчи»: холодецъ, солонина, баранина, лапша, курятинъ жареные. Въ заключеніе становятъ горшокъ каши и покрываютъ этотъ горшокъ полотенцемъ. И кладеть бабка двѣ ложки, одну на свою долю, другую на долю родихъ, и сама объясняется: — «это моя ложка, а это родихъ».

Отецъ крестный кладеть въ ложку родихъ копѣекъ десять, а въ ложку бабки копѣекъ двѣ; присутствующіе кладуть въ ложку родихъ копѣекъ три, а бабки копѣекъ двѣ. Бабка снимаетъ ложки, а деньги береть себѣ, деньги изъ родихиной ложки

отдастъ родихъ, по принадлежности; потомъ бабка снимаетъ полотенце и покрываетъ имъ, говоря:—слава Богу, напряла за одну дочку!

Приходитъ бабка черезъ трое сутокъ и размываетъ руки родихъ. Водицы нальютъ въ чашечку. Бабка умоется этой водицей и родиху умоетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ Господь прощаетъ и ослобоняетъ и брызгаетъ вѣничкомъ на стѣны; съ этого вѣничка грѣтой водой брызгаютъ на ребенка.

Кумъ, кума, соседи навѣщають родиху; приносятъ ей: кто бараночекъ, кто бѣлаго хлѣба.

С в а т о в с т в о .

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда невѣста сходится съ женихомъ на улицѣ, то женихъ спрашиваетъ невѣсту, согласна ли она ити за него замужъ. Невѣста въ случаѣ согласія отвѣчаетъ:—я согласна съ удовольствіемъ ити за васъ замужъ.

Невѣста приходитъ къ своимъ родителямъ, «обращаетъ», т. е. сообщаетъ о предложении жениха, а женихъ посыпаетъ своихъ родителей въ сваты.

«Выходить» родители жениха и самъ женихъ къ невѣстѣ.

— «Здравствуйте! Мы пришли къ вамъ въ гости. Наслышили, что у васъ есть барышня. Сиѣгу не было бы—и слѣду не было! Гаспѣть подальше намъ спѣгу—и подпаль къ вамъ слѣдочки.—Желаемъ вашу барышню пасматрѣть».

Посмотрѣли барышню—всѣмъ она понравилась. Спрашивакутъ у родителей ея, согласны ли они отдать ее, а тѣ у своей барышни спрашиваютъ:

— Согласны ли вы за него итти?

Невѣста къ своимъ родителямъ обратилась:

— Я всѣмъ сердцемъ за него иду.

Тогда они сами собою (женихъ и невѣста) вышли въ особенную комнать, «саны сами собою успросились»; женихъ спросилъ:—согласны ли вы за мене ити, барышня? Невѣста отвѣчаетъ:—я очень согласна, даже не нашла себѣ парубка луччи васъ.

Невѣстина мать и отецъ приложъ прикладаютъ, что луччи парубка (т. е. парни, женихах) ни найти, женихова мать и отецъ, что луччи новѣсты ни найти.

Тогда родители и говорятъ:—ну, дѣти, вы согласны ли? Можна ли намъ таперь дѣлать образованію?—«Втада» (тогда) дѣти отвѣчаютъ:—«больши дѣлать нечива! Дѣлайте образованію»—Жениховъ родитель и спрашивается:— Сваты (сваты ли будитъ вы или люди добры), сколько нарядовъ вы дадите барышни, сколько вы ее убаритѣ?

Невѣстина мать и папаша отвѣчаютъ, что мы ни съ богатой рукъ: мы ей четыре одежини отдаемъ—больши яя хватаетъ въ насть силы справить.

Жениховъ отецъ и мать отвѣчаютъ:—ежели намъ Гаспѣть дастъ всеово хорошина, тада можимъ ей прибавить сами.

Происходить соглашеніе между родителями:—Давайтъ таперь по рукамъ бить и Богу молитца.

Помолились Богу, благословили своихъ дѣтей, невѣсту и жениха; тогда сѣли «триевовать», гулять—«пошли въ нихъ разныи гостицы, вивы-напитки; отгуляли аны, таперича вылазить всѣ на прощёни и провожаютъ своихъ гостей и очень радасна. Праводили ихъ да дому. Тада же женихъ приглашаетъ невѣстинова отца и матерю и, какіе есть, родные, къ себѣ въ гости погулять».

Затѣмъ происходитъ осмотръ двора жениха родителями и родными невѣсты. Собрались всѣ невѣстини родные и поѣхали до свата. Ихъ сватъ встрѣтилъ и принялъ очень хорошо; и проситъ онъ свата: «сватушка, пасматрите нашу совданія».—Пошли въ горницу смотрѣть его жительства. Потомъ ихъ сватъ повелъ въ амбаръ: «пасматрите, что въ миине въ амбари припасшона». Посмотрѣли—всего достаточнѣо.—«Слава Богу, говорить, можно проживати!» Тогда невѣстинъ папаша говоритъ:—«посмотрѣть вашихъ конниковъ!» Пошли по хлѣвамъ, по конюшнямъ; все понравилось, и говорить

свату невѣстинъ папаша:—«все хорошо, слава Богу! кушать—есть что; пить—есть что; жить—есть въ чёмъ; есть на чёмъ выѣхать; нашей дочкѣ жить можно!».

А зять приглашаетъ всѣхъ за столъ «на гуляніе». Сѣли за столъ «пошли у нихъ трапеза, гуляніе, вина и закуски разныя».

Вылѣзаютъ вонъ изъ-за стола; бабы пѣсню поютъ:

Прапилась галовушка!
Што пралиль, што праиль
Родный батюшка.
Прапилась и свалилась.
Што свалѣши ман галовушка,
То свалѣши,
Крѣпка снула...
Што праснуши ман галовушка,
То праснуши.

Тада схватилася и схватиласи;
Што схватѣши то схватѣши:
—«Ни тдавай инне, батюшка, младу
замужъ:
Ни кидайся, батюшка, на багатства—
Миѣ не съ багатствомъ жить—
Миѣ жиѣ съ человѣкомъ:
Съ человѣкомъ са савѣтамъ,
Ни са савѣтамъ, а са любовю..

Поется также пѣсня «висѣлая бисѣдушка, гдѣ батюшка пѣть»; поется и слѣдующая пѣсня разбойничьяго содержанія:

Собралося нась усовъ дивяноста маладцовъ.
Какъ одинъ тамъ быль усика-атаманища;
Сталь приказывати:
Вы придетѣ къ хазяину, вы при-
здравъти яго:
Ужъ ты, багатый хазяинъ,
Выходи-ка къ намъ и вынаси денихъ намъ.
Ну, хазяинъ пабажился:

Ни капейки денихъ нѣть.
Одинъ малинъкій мальчишка
Онъ прамолвалси;
Что у майво дѣдушки деньги есть,
У дѣдушки деньги есть.
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Аны зарыты у мукѣ..

Ѣдуть къ вѣнцу. Собираются поѣздане у жениха, собирается весь поѣздъ: дружко, поддружья, обльош баренъ, женихъ, сваты схадаты. Кони запряжены. Дружко, поддружья єдуть впереди, женихъ съ большими баренемъ за ними, а въ третьей подводѣ єдуть сваты схадаты (маладыи и сердавыи), єдеть сваха съ чашкою, а въ чашкѣ у нея хмель.

Подѣхавъ къ невѣстину дому, поѣздъ останавливается, всходить одинъ за однимъ въ избу, а невѣста на лавкѣ сидицъ, ее окружаютъ женщины — подходить къ нимъ дружко и поддружья и хотятъ невѣсту ваять, а бабы говорятъ: «не дадимъ—купите!»— Женщины всей гурьбой защищаютъ невѣсту и тогда только уступаютъ ей, когда имъ дадутъ двѣ бутылки вина и рубль двадцать копѣекъ денегъ. Женщины, задобренные подарками, говорятъ: «Дай Богъ вамъ святой часъ!»

Дружки жениха уводятъ невѣсту за руку и сажаютъ ее за столъ съ женихомъ; садится за столъ и вся поѣзданія трипезывать, и всѣхъ обносять виномъ.

Пайдутъ харчи, выпиваютъ, закусываютъ. Потомъ выходятъ изъ-за стола и обходять кругомъ всѣхъ коней: большой баренъ идѣтъ впереди всѣхъ, потомъ женихъ съ невѣстою, а женщины за ними, онѣ поютъ пѣсни. приглашая сваху къ обсѣванью поѣзда:

Абсѣваї, сваха, правымъ хмелемъ.
Штоба у нашива князя
Галава ни балѣла,
Пахмѣлю ни брала,

Сваха кругомъ бросаетъ хмель; мусчины шапками ловятъ хмель и «наздѣваютъ» — потомъ шапки съ хмелемъ на головы.

Потомъ дружко просить всѣхъ поѣзданія благословить молодого князя, т. е. жениха; «старые дѣдушки, сердавыи дѣрюшки, малодыи братцы и вы, игрицы-перѣцы, и красныи дѣвицы, благославити нашива князя къ суду Божьму ѻхать и сужиню узять и златъ

вънець привять», тѣ отвѣчаютъ: — «Гаспть благославлять» — Когда молодые подъезжаютъ къ дому жениха, женщины поютъ пѣсни:

Радавалась серца Московская
Видючи на неби свѣтла мѣсяца,
Видючи маладу снаху!...

Принимаютъ въ домъ невѣсту и всю «поѣзданія».

За столомъ поютъ пѣсни, въ которыхъ заключается величаніе или похвала всѣмъ присутствующимъ.

Жениха и невѣсту величаютъ слѣдующою пѣснею:

Ва горницы во навой, Во кравати тисавой, На перинахъ пуховыхъ, На подушкахъ шелковыхъ, Сидѣль голубъ, Сидѣль сизай Съ сизъ-галубашкою. У голуба золатая гадава, У голубки пазалочиная. У Микиты маладая жена, У Иванавича еще малоденкія	Связжалися балярія Сдиновалися Ивановый жантъ: Коба еста сударушка, Ина намъ, маладцамъ, Мы бы лѣтамъ ее катали во калясочки. Извощички маладцы, Пріударти па канямъ, Штоба коники бяжалы, Варонны ви дримали, Аниушку забавляли.
--	--

Подается за обѣдомъ холоцѣцъ, солонина, свѣжина, куриты, поросяты, гусяты. При конченіи обѣда подаютъ коровай, коровай кроютъ ножиками, потомъ его маслять и закусаютъ имъ. За обѣдомъ обносять виномъ всю бесѣду. Гости, закусивъ, вечеромъ отправляются домой, свата провожаютъ до самого дома, молодые остаются одни.

Невѣстина отца зовутъ въ гости на третій день. Опять подаютъ за обѣдомъ холоцѣцъ, солонину, пироги пшеничные, свѣжину, курать, поросять жареныхъ и гусей. Опять новый каравай печется у женихова отца. Каравай украшается разными лѣпными украсеніями: птичками, шишечками. Невѣстина мать приглашаетъ къ себѣ молодыхъ въ воскресеніе. Теща старается угостить молодыхъ получше и просить зятя, чтобы онъ остался ночевать у нея въ домѣ съ нареченіюю женою. Теща устаетъ «наутрею» и готовить блины. — «Ну, дѣти мои, садитесь, покушайте: я вамъ блинковъ приготовила» — когда молодые покушали и поблагодарили, зять просить у тещи позволенія ёхать домой: — мамаша, можно двору ёхать. — А теща удерживаетъ: — дѣтки, попьемъ чайку, тогда поѣдете, — когда свиты ёдуцъ къ невѣстину отцу, про нихъ говорятъ: собираются въ «отводное». Теща зятя угощаетъ въ «отводномъ».

Прежде, въ старину, въ давношнес время, былъ выговоръ. Невѣста съ женихомъ требовала выговоръ, рублей двадцать; а женихъ спрашивалъ постелю хорошую, чтобы были перины и одѣялы, простыни хороши, занавѣси къ постели. Выговоръ давался по силѣ, по средствамъ: кто сколько одѣлить. Теща невѣстѣ ничего не даютъ, и невѣста съ женихомъ ничего не требуетъ.

Если родители присоглашаютъ жениха братъ невѣсту, а женихъ не «увлюблаетъ» ее, женихъ говоритъ прямо: «живите вы съ нею, а ни я».

B. H. Добровольскій.

Свадебный обрядъ въ Калужской губ. Село Сильковичи, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. Отецъ и мать, собираясь женить сына, идутъ въ какой-нибудь домъ дѣвку сватать. Вотъ приходятъ они.

— Драстуйти, говорить сватъ: я вотъ къ вамъ пришолъ; у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ—давайтъ свататца.

Прежде всего начинается разговоръ о средствахъ жениха и невѣсты:

— Какъ пажитокъ?

— У насъ жить можно.

Окончать «размоливливать», коли дѣло идетъ на ладъ, станутъ Богу молиться. А у пришедшихъ сватовъ водка призапасена; въ кошель кусочки мясушки да пирожки поналожены, таскаютъ все это изъ кошеля и ставить на столъ. Собираютъ родню невѣстину—и давай пировать. Если сосватали сваты дѣвку, какъ говорится «поладили»: выпивка и закуска называются «ладами». Въ случаѣ отказа отговариваются тѣмъ, что «дѣвка молода, неопытна».

Запой. Запой бываетъ послѣ «ладовъ». Онъ сопровождается иногда «образованиемъ»; иногда бываетъ безъ священника. Запой устраивается въ домѣ невѣсты. Со стороны жениха собирается на запой отъ 7 до 15 человекъ; непремѣннымъ условиемъ полагается, чтобы число гостей было нечетное. Бдуть непремѣнно на лошадяхъ и въ иѣсколько подводъ, хотя бы это были и сосѣди между собою. Получаютъ приглашеніе на запой и близкіе заживные люди; число гостей доходитъ до 50. Гостей сажаютъ прямо за столъ, который убирается привезеннымъ со стороны жениха продуктами и виномъ. По окончаніи стола отъ жениха, ставятся на столъ кушанья отъ невѣсты. Во время небольшого промежутка, когда гости выходятъ изъ-за стола студиться, дѣлается уговоръ о времени свадьбы.

Дѣвичникъ или рукобитье. Опять собираютсяѣхать изъ женихова дома къ «дѣвкѣ» или невѣстѣ (хъ дѣўки, къ невѣсты или невѣстѣ). О предстоящемъ прїѣздѣ сватовъ провозглашаютъ на деревнѣ пѣши мальчики съ дубинкой; они ходятъ изъ конца въ конецъ по деревнѣ, кричатъ и постукиваютъ. Когда мальчики окончатель свое порученіе, имъ выносятъ въ чашкѣ кашу. Мальчики кашу поѣдѣть, а потомъ говорить: «Куни гы чашку». Чашку возьмутъ, а мальчикамъ поднесутъ по стакану водки. Но вотъ прїѣжаютъ сваты. Застучать въ ворота дубиною три человека. Выходить къ нимъ хозяинъ, дѣвкинъ отецъ, братья отцовы, выходить дѣвкина мать и говорить:

— Что вы стучите? Кто вы такие?

— Да вотъ интель забила, пустите попочевать!

— Нѣзачѣмъ!

— Какъ нѣзачѣмъ: Мы люди знакомы; мы вамъ заплотимъ; да вотъ случай таковъ: мыѣхали,ѣхали, дальняя дорога, интель, а у васъ въ избѣ шумить, шумить народъ. Мы и думаемъ: дай себѣ заѣдимъ на эту хваргѣру. Госиода хозяева, яя можна ли намъ атпригать лашадей: мы разачтемся честна, степенна, па харошаму. Сейчасъ ихъ вслушаютъ во дворъ.

— Нада успущать что-лица—люди, кажется знакомы, хароші?

Оттвояют ворота.

— Драстуйти!

— Драстуйти, извоички!

Извоички достают из кошеля водку, и пьют из стаканчику и хозяева, пустившие извоичковъ, и сами извоички. Все это делается у воротъ («на воротахъ»).

Дѣвкины братя идутъ отпраять лошадей. Сваты, запасшись кошелями (а въ кошеляхъ вино, кусочки мясушки, баранки, пироги), толкаются въ сѣняхъ. «На парози, у горница» сватовъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты уже ласковѣе:

— Хадитя, сватушки, мы давно жили въась. Ждали, ждали, каба винца съ вась выпить.

Сначала дружко наливаетъ стаканъ себѣ и выпиваетъ его; другой стаканъ дружко наливаетъ коренному свекору и пойдетъ дружко по его роднѣ. А другой дружко подноситъ вино своимъ. Обнесутъ разъ и два. И говорить свекоръ гровно:

— Ну, что вы къ намъ наѣхали? Ну, что вы намъ ни даетя снакоя? Скажите вы намъ—чего? Долга вы сидятя за нашимъ столомъ и ничего вы намъ ни говорите! Мы думали, что вы намарились, а вы праклажйтисы!..

— А мы, сватушка, ни тавд пріѣхали. А што у васъ куницы и лисицы и красныя дѣвицы? Мы ходимъ, ъздили, ищимъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ.

— И не думайте, извоички: мы вамъ не покажемъ нашихъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ. Наши дивицы сидятъ мазаныя, абасыя, бывъ аббеки; сидятъ анѣ разумиши, раздѣвиши и растрепашши..

— Дяловъ нѣтъ... Мы сичась дивицу убяремъ вамъ; мы и абуимъ и адѣнимъ.

— Ладна. Давайте прамѣръ ать васъ, съ чимъ паказатца къ дивици.

Подаютъ «невѣсты» полсаложки, посылаютъ ей чулка, «грахвиль» водки дѣвокъ поить, куска два пирога дѣвкамъ. И три раза вино носить подружкамъ невѣсты. Ублаготворивъ, какъ слѣдуетъ, невѣсту и ея товарокъ, пріѣзжие сваты заговорятъ съ хозяевами смѣльче, потребуютъ отъ нихъ рѣшительно, чтобы они показали имъ лисицу, куницу, красную дѣвицу.

— Что же вы, сватушки-хозяева, сидятъ и намъничаво ни гарварите. Что мы лисицю, куницю и красную дѣвицию вашу дѣвку адѣли и абули и напрянули, а вы намъ іе ни паказываете!

Рѣшительное слово сватовъ оказываетъ дѣйствие: сейчась сваха и дружко большій и меньшій, втroeсть, ведутъ невѣсту. Подойдя къ свекору, она поклонится ему прямо въ ноги и благодарить за приславную «абѣву». Но не долго покрасуется въ избѣ невѣста предъ сватами: подружки уводятъ ее; это вызываетъ гаѣвъ у пріѣзжихъ сватовъ.

— Что-жъ вы, сватушки, стали шутки шутить или смѣятца надъ нами?! Мы ъхали, ъхали; хватеру аблюбовали харошую, а вы сейчась, какъ взяли мы ее, привели дѣвку ды абманули насъ: торнули, а потомъ схаранили еѣ... Нѣтъ, не гиѣвайтесь! Мы искать станимъ—найдимъ...

— Да што вы, сватушка, сейчась помиримся—отдадимъ лисицу, все вамъ отдадимъ: мы люди ни таюкія!

Посылаютъ дружка къ невѣстѣ. Выходить невѣста, не одна, за нею шествуетъ сваха, нагруженная доброй охапкой даровъ. Какъ подходить невѣстѣ, кланяется въ ноги свекору; поднимается она, дружко наливаетъ ей рюмку вина; она подаетъ свекору вино, и дарить невѣстѣ свекора платкомъ, а платокъ этотъ длинный, аршина въ три. Вынимаетъ свекоръ денегъ пять рублей или троякъ и отдать невѣсткѣ, а богатый, какъ раздобрится, и пятерки не пожалѣеть. Невѣста опять бухъ въ ноги свекору. Потомъ пойдетъ невѣста по свекоровой роднѣ и будетъ дарить ее рядомъ. Запоютъ дѣвки «невѣсты» пѣсни:

1. Гусли, ман гусильцы,
Идѣ были, побыли?
- А мы ли были, побыли,
А въ Дарьушки въ тириմъ,

- У въ Аннушкѣ на касѣ.
Видѣли мы красную дѣвшушку:
- Ава все раздарила,
Ана все разнасила;

Свекору становичъ,
А свякрови платочикъ,
А залоўки вяночикъ:
Красуйся, моя заловушка,
Какъ я красувалась
Въ радиага ў батюшки.

2. У варотъ трава расла,
У варотъ шалкова.
Хто сту траву таптали?
Таптали сватоўшушки,
Сваты багатны.
Какъ Аинушкинъ батюшка
Ходить по двару,
Завизамши гольаву,
Расчисамши бораду:
Какъ съ вей¹⁾ бытъ, Дарьушка²⁾
Какъ съ ней бытъ Иванавна?
Намъ ни жалка Аинушки,
Толька жаль приданава,
Гусака чубарыва,
Гусыню съ перыми,
Гусыню съ сарына,
Свѣтъ Аинушку съ пяринам.

3. Былка ты, былка,
Былка чернабылка,
Къ лужку припадала,
Пралойничка искала.
Пралойникъ разбойникъ!
Праниль свою чалу
За винную чару,
За медъ за патаку,
За сладкій кусочикъ,
За сладкій кусочикъ,
За одинъ вичарочикъ.
Купиль ей батюшка

Шалковый платочикъ.
Ина по цылю Ѹдигъ—
Все поле свѣтить;
У деревню въизжай—
Всю деревню асвѣтила;
На дворъ узызжанть,—
Весь дворъ асвѣтила;
У сѣни вступиц—
Сѣни скалыхнулись (2),
Скамейки пагнулись
Гаспада баяря,
Ане праздравляли,
Чару називали,
Ей давали.

Аинушка:

— Я, правда, ия пью,
Я, вѣрица, ия пью,
Повѣрь Богу, ия пью,
Мой батюшка ии пьеть,
Мой матушка ии пьеть.

Сваты-баяря:

Спалать, Аинушка, спалать,
Вумница Аинушка - спалать:
Харашо сказала, умѣльна атвѣтіла.

4. Золатой мой пирстяночъ,
Ионъ ии тонить, ии плывётъ,
Ии водой перстень несётъ.
Далайко милый живеть:
Ии въ Питири, ии въ Москвѣ,
Ии въ питейномъ кабакѣ—
Зидяноя вино пьеть.
Ступай, пьяница, дамой:
Праниль усё имѣния свое,
Праниль усё приданныя моё.

Во время пѣнья пѣсень дружки сидять за столомъ, сидить за столомъ и свекоръ со своей родней; вылезти съ-за стола свекоръ и всѣ вылезаютъ вонъ. Садится за столъ невѣстина родня: сестры, братья, дядьки, тетки. Отецъ невѣсты, окинувъ взоромъ свою родню и найдя, что ея не мало собралось въ хатѣ, считаетъ долгомъ извиниться передъ сватомъ:

— Ну, сватушка, извини: мы тебе кругомъ обсѣли: и на полу сколько, и на лавкахъ сколько объѣди оказывается! У насъ по всей деревни родня; что дѣлать—хуть всю деревню зави. У тибе, сватушка, мала хватить на насъ капиталовъ.

— О, сватушка, не беспокойся: я цѣлую к ўху вина привезъ.

Сваты, разсыпаясь другъ передъ другомъ въ любезностяхъ и извиняясь, идутъ во дворъ студиться. Станеть невѣста дарить родню свою платками красными и сборниками, и ей дарять денегъ отъ тридцати до сорока копѣекъ. Послѣ даренія поведутъ невѣсту въ другую избу; поютъ ей подружки пѣсни:

1) Съ ней, т. е. съ дочерью.

2) Дарьушка—это супруга Аинушкина батюшки; у нея онъ спрашиваетъ совѣта и ей признается, что ему больше жаль приданого, нежели дочери.

Изъ-за лѣсу солнышка
Каталть, катанть;
Ванюшка коника
Братанть, братанть.
Ридный батюшка пытантъ:
—Куды-жъ ты, Ванюшка,
Кана братаныш?
—Батюшка, я въ дарогу—
Дай мнѣ падмогу:
Двинацть лашадушкъ вараныхъ,

Двинацть каретушки залотыхъ;
Пріѣду я къ тетёвымъ варатамъ:
Тетёвы вароточки задёрты,
Вароний лашадушки заряли,
Залдты каретушки зазвиѣли,
Молодыи свагинки заиграли,
Свѣтъ наша Праскоўушка сплакнулася:
Свѣтъ мая косынька была русая;
Вы три прича была косынька
А стала въ шесть причоў.

Собираясь домой ъхать, свекоръ и свекровъ заходять къ невѣсткѣ прощаться. Дарить свекоръ невѣсткѣ «на прощеніе» три рубля, а свекрова—платокъ хороший. Невѣстка кланяется въ ноги, подаеть свекоръ «невѣсты» грахвѣнъ рѣбый вина въ восьмуху, да связку баранокъ для дѣвокъ. Пріѣзжіе 12 человѣкъ собираются домой: «мы, говорять, невѣсты отдалили». Невѣста ссыается въ свою компанию всѣхъ своихъ знакомыхъ дѣвокъ и потчуетъ ихъ; угощаетъ подружекъ дочери и мать невѣсты. Подружки воютъ по невѣстѣ въ причоѣ: милая наша тайная подружинка, русак каса, растиралася тваи валаас. Теперь мы ать тиби атишайлісь, съ тобою всѣ сказки, присказки, скѣбы—всѣ лишилась, и присть мы съ табою ходили виѣстѣ, виѣстѣ шили. Патириали мы милау сваю подружку.

Каравай пекутъ на дивичникѣ, предварительно поставивъ на дежу четыре свѣчки. Жениховъ отецъ и мать цѣлются и чокаются стаканами съ виномъ чрезъ дежу, говоря: «чтобъ наши маладыи такъ ладны были, какъ мы». Бабъ набирается цѣланъ комната; жениховъ отецъ угощаетъ бабъ водкою. Отецъ на каравай кладеть крестъ. Какъ привнесутъ жениховъ и невѣстинъ каравай въ церковь, дѣячки посыпаютъ ихъ, а молодые иногда спорятъ, чей каравай выше. Невѣстинъ каравай раскроютъ по поламъ, ширинкою накроютъ, половинку отдадутъ дѣякону, а половинку матери невѣсты. Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ берется къ вѣнцу одинъ каравай, съ нимъ пироги; дорогой ъдѣть пироги, а каравай ставить на курчайну, мостничу посреди хаты.

Подъ вѣнецъ ъдугутъ. «Отъ невѣсти къ жениху ъдуть троя дрѣжки». Соберется много повозниковъ. Жениха соберутъ, нарядятъ; навѣшаютъ ему «лѣндовъ» на шею, крестовъ нацѣпляютъ, полотенцевъ напихаютъ подъ поднояску. ъдугутъ съ наряженнымиъ женихомъ невѣсту братъ. Въ воротахъ какъ застучать, сейчасъ невѣста «поднимитъ голосъ»: «Кормилецъ-батюшка, что-жъ ты на mine такъ разгнѣвался? Что-жъ ты mine такъ нявозишьъ? Женихъ съ дружкомъ пдуть прямо въ свѣтилицу. А дѣвушки подвязали сами себѣ такіе платки, какъ невѣста, и сами такъ понарядились: «узнавай, говорить жениху, свою сужину и свою ряжину; выкупи іѣ». Женихъ долго старается понапрасну узнать невѣсту.—«Да ты атдай наимъ полштофъ вина! говорить дѣвушки: не скучись! мы тиѣ парину набивали, мы тиѣ рубашку шили».

Женихъ отдаетъ дѣвушкамъ полштофъ вика; дѣвушки отдаютъ жениху невѣсту въ руки. Сейчасъ «обаславлять» начнутъ молодыхъ, ратожку растедують, каравѣгу хлѣба положать, на каравѣгу крестъ. Женихъ съ невѣстою кланяются въ ноги родителямъ. Невѣста голоситъ: «Баслави mine, батюшка, у чужія люди итти! У чужихъ людяхъ жить наада умѣючи». Женихъ цѣлуетъ невѣстину родню, кланяется въ ноги всѣмъ роднымъ, даже маленькимъ братьямъ и сестрамъ невѣсты. Относительно этого обычая инѣ рассказчица-старуха съ сожалѣніемъ замѣтила: «такая ужъ у насъ дурацкая повѣрь»!

«Абаславѣши молодыхъ», посадить ихъ за столъ; невѣста заголоситъ: «карми-лецъ—мой батюшка, спасиба, батюшка карми-лецъ, за хлѣбъ, за саль—значить, я тиѣ была, батюшка, ии работница и ии угодница»!

И посадить малаго лѣтъ десяти къ невѣстѣ прямо на колѣни и дадутъ малому въ руки невѣстину косу; она, коса «растрешана и лѣндами перевязана». И дадутъ малому палку урѣчинъ, большой, толстый, какой онъ можетъ поднять.

Сейчасъ дружко и говоритъ: «зачымъ ты ускачила у нипаказная мѣста?» И грозить дружко мальчику «рименнымъ кнутъмъ». А мальчикъ грозить дружку урѣчинъ.

шилить имъ по кость невѣсты. «Отдай, говорить, полтину: касу покину. Выкупи касу, я буду тутъ». Дѣлать нечего, дружко наливать мальчику стаканъ водки, на дно стакана кладеть десять копѣекъ. Мальчикъ выпить стаканъ, деньги возьметъ и отдастъ стаканъ дружку. Дружко скажетъ мальцу: «ну, мы теперь съ тобою въ расчетъ! И даютъ мальцу еще стаканъ; мальчикъ или выпиваетъ или, если не въ силахъ, отдаетъ его «срѣдьчамъ».

Станеть вязать невѣstu съ женихомъ родная мать невѣсты (иногда помогаетъ отецъ); заголосить невѣstu: «корилицъ-батюшка, ай я вамъ была неугодница п неработница, а вы мне куете-вяжите». Или невѣста причитаетъ такъ: «ай, я у васъ была какая разбойница»!

Дружко цосыпаетъ хмелемъ невѣstu и жениха. Поставить «подъ жениха» стаканъ вина и «подъ невѣstu»; а они и «губий» шевельнутъ не смѣютъ. Надъ молодыми потѣшаются: «бизрѣкъ какъ—сами сибе ни развязутъ». Молодая баба въ насыпшку надъ женихомъ сорветъ съ него шапку, увернетъ въ платокъ и положить себѣ на колѣни, а женихъ все сидѣть невозмутимо. Дружина жениха жалуется на насилие, просить развязать молодыхъ: «мы прѣѣхали къ вамъ па хорошимъ, а вы насъ аграбить хочига». Теща заявляетъ «тstemъ» права на молодую и молодого—хотеть ихъ оставить у себя: «Сватушка высовайтоваль зѣтя и нашъ товаръ намъ пусть и астанитца». Наконецъ, теща соглашается взять выкупъ за молодыхъ рубля три, выкупается и женихова шапка у молодой свахи; какой-нибудь дружко со стороны жениха, выставивъ шапку, собираетъ деньги съ невѣстиной родни, чтобы вознаградить молодого за обиду и насилие надъ нимъ; деньги эти потомъ сыплютъ жениху въ голенища.

Село Пятницкое, Мосальского уѣзда.

Когда дочку замужъ отдавала, мать причитывала: дитя-жъ маё милыя, дитя-жъ маё жалкыя, дитя-жъ маё Хрипушка! Скажи, маё дитятушка, на каво-жъ ты при старыси лѣтъ инве покидаишъ?! На каво-жъ инѣ вадѣйтца, на каво-жъ инѣ поначацта?.. Батюшка твой старѣшоникъ, и матушка твоя такжа! Съ аткель намъ чаво при старости лѣтъ дожидать, и кто намъ што прибридѣть, и кто намъ што принисѣтъ? Дитя маё Хрипушка, успомни, маё дитятушка, какъ я тибе растила. Маё дитятушка, када я буду вѣтъ кала варотъ, и зайду я къ тибѣ—успомни, маё дитятушка, какъ я тибе зъ горимъ зъ большими узращала, и сколька мы съ табою горюшка видали. Успомни, маё дитятушка, када я тибе у міръ сабирала и дала тибѣ сумочку и правдала тибе у диревиу, пакеда ты, маё дитятка, узвяриулася, и я всѣ горькими слизами абливалася. Охъ, Божа мой, зандять іс сабаки—и кормить ина мне ни накормить! Наірасна я тибе пасылала п по мностины! Приходишь ты съ міру, приносишь ты хлѣбушка, уходишь ка инѣ у хату... И я такъ тибе стрѣла — рада, радѣшанька! И ты, маё дитятушка, прежде рада, а потомъ и заплакала, и говориши: «радимая маё матушка, и день ба и ночь я работала, только-бъ ина силушки хватала! Ну, я буду сагласна хадить по-міру: гаварять люди, што ета гулявой кусекъ. Ну, я, родная иол матушка, када ета испытала съ малыхъ лѣтъ своихъ, никаку ни пазавидываю—и луччи и день, и ночь буду работать, што маей сплушки будить хватать! Ну, такъ дитя маё, уздумай пра инне: силушки маей коротка. Старысь ка инѣ падышила и наѣйтца инѣ нѣ на кого, а ты, друхъ маё, съ мужимъ жимши идѣнибудь п пахити,—и мужу правды ни скажи, а про свою родную мать вспомянни, хутъ малыстю чѣмъ найди. Ну, маленькая твоя подача при моихъ старыхъ лѣтъ очевь будить вилика, п очини инѣ будить антирѣсан!..

Дочь причитывала въ ствѣтъ матери: я гиѣвайся, мой родный батюшка, ия гиѣвайся, маё родная матушка, што я съ младыхъ лѣтъ у люди иду—васъ при старыси лѣтъ адныхъ кидаю: видна, съ тѣмъ дѣвица родитца, што принуждённая у люди ити. Какъ жить у чужихъ людяхъ, я знаю. Я, пладая, по чужихъ людяхъ хадила. Бывало, што я чаво и ни то, што сдѣлать, и на разуну ни дижала, а люди при-

можут и скажутъ. Маладымъ людямъ никакъ нельзя ходить до савяршённыхъ лѣтъ: усово въ міру наслушайшься и всяко наберёшься! Чужую работушку работать и чужемъ агцамъ и матирямъ служить очинь трудна и очинь больна—хутъ убейся рабатамши—вѣрушки нѣту-же! Гаварять тахта: у людихъ жимши, нябось силу ни растиряншь—ни въ сваемъ дварѣ: нѣшта праведно работаютъ у чужонъ дворѣ! А мнѣ тахта даставалася у чужомъ дварѣ работать, што ни то, што поть каплить изъ мине; ни то, што такой, а крававый.. Када я пасматрю на сваи руки, дакъ ни то, што на маихъ рукахъ музулъ цонатёты, ни то, што сухій, а какъ пасмотришь дакъ крававы... Праду домой, хозяйка и скажить: «вотъ тѣ я то ни дѣлала, вотъ тѣ я то ни работала, и вады у насъ нѣту, п дровы ни ношины. Пайду по воду и залюся слизаю; ни вижу, куды иду; пачирпнѣ, къ двору подмыду—утруся. бытта такъ-та и нада, а етава никто ни знать, што ишла по воду, шаталася и ни понила, какъ я иду—у галовушки клумитца и вертитца. Ты успомни, радимая мая матушка, пра тваю-нажистачку, какъ ты съ свайго вѣку ходишь па людимъ и служишъ добрымъ людямъ и ты, радимая матушка, у чужихъ людяхъ горя тѣпнула!

Выведуть съ-за стола вонъ молодую. Молодая благодарить за освобожденіе и снова заголосить предъ своимъ родителемъ: «Кармилецъ мой батюшка, ни прагиѣтайся, што я вамъ здѣлала бальшую устрѣшию съ сваими гостями».

Выведуть вонъ изъ хаты невѣсту и жениха сажать въ сѣзки (саны) хорошие и обшитые, съ подбрѣзами. Отецъ невѣсты несетъ «карвігу», а мать невѣсты идетъ съ пустыми руками за отцомъ; три раза они обходять молодыхъ. Мать невѣсты возьметъ шиворотъ своей рубахи и три раза этимъ шиворотомъ вытираетъ лицо зятя и дочери, приговаривая: «какъ рубашка любить тѣла, такъ штоба мужъ любиль маладую жану!» И приказываетъ мать: «какъ становешь на паперь, Аннушка, хватайся поскорѣе за церковный замокъ, чтобы крѣпче за тебя мужъ держался...» Женихъ сажаетъ невѣсту тарь: подниметь и грѣжнить прямо въ сѣзки.

Справодиѣ молодыхъ, мать невѣсты голосить: «дитёнышъ мой милый, я тибе паниядила синадыти годъ людямъ служить»... Или: «дитёначикъ, нижалѣтая ты у мине расла, заняволинная, ты-же, мая дититка, блинка гарячива ни съѣла!. Ты-же у мене усѣ у работы у должности бальшей.. Какъ жа я отсталась близъ тибе, дитигка? Асталася я шлѣпать и ёздить въ сахѣ и въ баранѣ». Сестры причитываютъ: «сястроца мая милая, идѣнь ты людямъ служить — добрить...»

А поѣздъ жениха, отѣхавъ недалеко, остановится; дружко соскочить со сѣзковъ и забѣжитъ въ хату, гдѣ педавно было полное собраніе гостей; народъ еще не разошелся. Бабы откроютъ подполье, да какъ крикнуть на дружка: «дружко, давай намъ водки, а товѣ, братицъ, куда мы тибе пасодимъ!» Дружко даетъ водки бабамъ, отдаётъ благодареніе отцу-матери, проворно бѣжитъ къ сѣзкамъ, поспѣшио садится и ёдетъ поѣздъ жениха къ вѣнцу.

Послѣ вѣница. Какъ съ церкви ёдутъ персѣнчавшись, то часто останавливаются и во время остановокъ винцо пьють. Какъ поѣдуть, запоютъ пѣсню:

Пароша, пароша!
Какъ по—па той пароша
Вягѣть бѣлый забія,
За зайкію борзыя собаки,
А за й Богу молить:
Униси мине, Божа,
Да тѣвага дома,

Дай мнѣ, Божа,
За тѣбѣвимъ столамъ
Хлѣба-сели кушать.
У нашива сваза кони вараныи,
Кони варавыя, дуги висакія.

Вдругъ запоютъ:

У нашива дружка конь инпагожъ! (т. е. не красивъ, не хорошъ)
Конь инпагожъ — маладыхъ ни павѣзъ.
Какъ поднесутъ вина молодымъ и всему поѣзду, запоютъ:
Какъ у нашива дружка конь та пагожъ—
Маладыхъ павѣзъ!

Иногда поездъ останавливается, оттого, что ему дорогу перегородили, «зайца» засинули.—Винца-ль тебѣ что-ль? скажетъ дружко засинувшимъ «зайца» — и угостить ихъ, чтобы приняли его. Раза три «предкатамъ» проѣдуть по деревнѣ. Боже ты мой! сколько народушку-то «смѣчется» къ воротамъ невѣстина дома, какъ ваввдѣть поездъ свадебный, какъ заслышать грустную пѣсенку:

Прилетѣла голубка,
Павита головка...
Систрицы-ладружки,
Пріютитя голубку,
Павиту голбку,

Пасынкы голубки
Бѣлый ярый пшаницы,
Чтобы наша голубка
Тутъ привыкала,
Двару ни лягала.

Молодыхъ встрѣчаетъ свекоръ и свекрова со крестомъ и карвигою хлѣба. Часа полтора молодыхъ не пускаютъ во дворъ и переговариваются съ ними у воротъ: «мы не знаемъ васъ; мы не слыхали, какъ къ намъ наѣхали!»

— А понравилась хватера дивоече: дай туда падимъ — и наѣхали. А вы ни атваряйтесь! Какъ-нибудь жа нада помѣститца на дворѣ.

Войдутъ въ хату молодые послѣ предварительного угощенія водкою встрѣтившихъ ихъ у воротъ. За столъ тоже не пускаютъ молодыхъ: человѣкъ двадцать мужиковъ позаймутъ за столомъ всѣ лавки: «мы сами, говорятъ поѣзжанамъ, будемъ обѣдать; обѣдъ мы ни для васъ готовы!».

— Братцы, мы разочтемся, расплатимся: ета вѣдь князь съ княгиней дожидаются — аны померзли въ дорожкѣ.

— Ну, давай выкупъ!

Дружко выкупаетъ столъ для жениха и невѣсты.

Запоють пѣсни:

Ты, Кузьма-Димынъ,
Скѣй намъ свальбу
Крѣпкаю, вѣкавѣшнюю,
Вѣкавѣшнюю, да гавѣшнюю.
То Ивану пѣсенка —
Ни аднаму, то съ Анною,
То съ Анною, съ Ивановною.
Летѣли тамъ пчолы,
Пчолы яравыя;
Садилися пчолы
Въ Ивана на дварѣ,
У Дарьи въ тиримъ.

Пришла инѣ гадинушка,
Мая вичаринушка;
Усѣ падарили, усѣ разнасили:
Свекру станочикъ,
Девирю платочикъ,
Заловки вяночикъ.
Красуйся, заловушка,
Красуйся, либедушка,
Какъ я красувалась
У радимаго батюшки,
У сударыни матушки.

За столомъ поются пѣсни величальные и хвалебные всей роднѣ, свашкамъ, дружкамъ, всѣмъ присутствующимъ на свадѣбѣ: женатымъ, холостымъ, старымъ, молодымъ; даже для вдовъ существуютъ особы величанія.

За величаніе или «обыгрыванье» платять деньги или угощаютъ виномъ. Богатыхъ величаютъ или «обыгрываютъ» больше, нежели бѣдныхъ. Если кто желаетъ, чтобы ему напѣли побольше величаний, притворяется, что не разслышалъ пѣсни: — «не слышу: у меня золотомъ уши завѣшены».

Въ «обыгрываньяхъ» поется про мирную семейную жизнь и мирныя семейныя наклонности, «про дорогой обычай мужа», про мирное семейное привованье сосѣдей, «смиренную бисѣдушку» людей «добрыхъ», степенныхъхъ, которые и во хмѣлю хороши, не бушуютъ и не озорничаютъ, а говорятъ разсудительно «все старинное рѣчь наслѣдья». Жизнь семейная выставляется такою привлекательною и заманчивою, что можетъ поправиться и девушкѣ, и холостому парню — жениху. Покутъ про богатую обстановку,

серебро да золото, да про корабли съ товарами. Вдовъ или тѣхъ, кому, по волѣ судьбы, жизнь не задалась, тѣхъ «обыгryвають» пѣснями трогательными, чтобы грусть розвести.

Величаютъ дружка:

Дружинъка сильна багать;
Вдишъ скраадиши—12 баронъ,
У нашива дружки 700 капенъ!

Просить за величаніе подарковъ:

Охъ, дружинъка, не тами ты нась,
А падари ты нась:
Не ставиши дарить—
Мы тибе ставимъ каригъ!

Дружви пѣсня:

Съ Марьей Степановной;
Друженьки харашива!...
Идѣ дружинъка сидѣть,
Тамъ свича иниадобна:
Асвѣтить инъ
Залатою гривнаю палужонаю!

Дружко наливаетъ молодымъ бабамъ водки и даетъ имъ денегъ за величаніе. Бабы благодарятъ и еще «обыгryваютъ» дружка съ супругою.

Спасиба на большии дарѣ!
Дай табѣ, Божа,
Сто рублей у идшу,
Кабылу, карову,
И жану здарову!...

Запоютъ пѣсню молодому съ молодой:

Идѣ Иванушка сидѣть,
Тамъ свича иниадобна:
Асвѣтить яго золотой гривнаю,
Асвѣтить яго полужданю.

Пѣсня свату и сватъ:

Бѣгли скамарошки
Па чистый дарожкѣ;
Патали, вапрашли,
Гдѣ тута свадьба.
Иванъ сына женить,
Анна дочь отдаѣть;
Перепелка Аинушка,

Перепелка Иванавна...
Што ты рана вылетываишь,
Што ты рана высырхиваишь?
Отдать инне батюшка,
Снаряжантъ матушка
Свани бѣлыми ручками.
Пирчатными рукавочками.

«Обыгryванье» холостому.

Подъ калинкаю,
Подъ калинкаю,
А подъ тымъ шатромъ,
Подъ палатнянымъ,

Пачивантъ тамъ
Добрый молыдлицъ, (2)
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ.

Передъ имъ стыять
Слуги вѣрны,
Слуги вѣрны,
Братья родны;
Ивы будуть яво—
Прабуживаются:
— Ты юстань, юстань,
Добрый молыдицъ,
Свѣтъ Валдюшка,
Свѣтъ Филиппьевичъ:
На синемъ мори
Карабли ушли (2)
Са тыварами,
Съ ясными золотыми,
Съ чистыми серебромъ.
— Ни могу устать
Галавы паднать,
Галовы паднать,
Карабля схвататъ.
Подъ калинкую,
Подъ малинкую,
А подъ тымы шатромъ,
Подъ изолиниймъ,
Почиванть тамъ
Добрый молыдицъ,
Добрый молыдицъ,
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ,
Передъ нимъ стыять
Слуги вѣрны (2),
Братья родны,
Ивы будуть яво—
Прабуживаются:
— Ты юстань (2),
Добрый молыдицъ (2)
Свѣтъ Валдюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ,
На синемъ мори
Карабли ушли
Са тыварами,
Съ красными дѣвками.
— Я могу устать
Галаву паднать (2)
Карабля схватать (2)
Сибѣ дѣвку взять,
Сибѣ краснаю.
У мѣсица у яснава
Рожки крутыя,
Пазагнуты;
У Сирѣжувьки
Кудри русы
Парасchosаны,
Паразглажины,
Алыми лентами

Пиривязаны,
Чистымъ серебрамъ
Пирясыпаны.
Нихто къ кудирькамъ
Ни приступитца—
Пристутилась
Радна матушка:
Узила кудри
На сваи руки,
Стала кудирьки
Чисать, гладнити,
Разбумаживать,
Алыми лентами
Пиривязывать,
Чистымъ серебрамъ
Пирясыывать.

Березинчикъ листавой—
Сержанька халастой,
Халостињкій нижнинать,
Енъ бѣлинкій кудриватъ,
На емъ кудри вились,
Ца плечушкамъ сламѣлися
И въ три рида ввалися.
На ёмъ шапачка саболья,
А въ шапачки ширника,
Въ ширинычкі три узла:
Шервый узель—мавыѣ цвѣть,
Другой вузель впслѣкъ,
А третій вузель любавикъ.
На што тиѣ висилѣкъ?
Штобъ я, младецъ, весёль быль.
На што тиѣ макавъ цвѣть?
Штобъ я, младецъ, цвѣтень быль.
На што тиѣ любавикъ?
Штобъ дѣвушки любили,
Пивцомъ и винцомъ панили,
Ширинками дарили.

А у ково жина маладая,
Словна ягада наливная?
А у Андреюшки жина маладая,
А словна ягада наливная,
Какъ брусничина баравая.
А ина съ тернина выхадила,
А сваи друга воскликала:
— А Андреюшка, мой дружочки,
Ли Яковлевичъ живаточикъ,
Ты ступай двору паскарѣя,
На тясовую караватку,
На пуховыя ва пирини,
Аб-подъ теплыя адѣя
На сладкыя цалуванья.

Ой, не рыбушка платичка
ваканёчикъ,
Андреюшка дружочтикъ
живаточикъ,
Ни пущай свою Настасью
за вароты.
Пятницкая рибнты
вараваты:
Поймаютъ Настасьинку
засалютъ,

И завидуютъ Фатёину
засилуютъ.
Ой, вы стойтика, рибнты,
ви цалуйти,
Ой, вы стойля, маладыи,
ни мидуйти:
Ну, я самъ Настасьинку
пацалую,
Ну, я самъ Фатёину памалую.

Когда споютъ эту пѣсню, тѣ, которыхъ «обыгрывали», отдираются, а имъ поется другая пѣсня:

Ой, спасиба, сватушка,
Ой, за твой за большій дарь,
За дарагай падарочки,
За тваю рублѣвачку.
Ой, дай тебѣ, Божа,
На сто рублей деніхъ

Всё старинныхъ кошѣкъ
На сыновъ на харошихъ,
На дочокъ на пригошихъ,
На сватовъ тебѣ на багатыхъ,
Да штоба и мужъ быль тараватый.

«Обыгryваютъ» многосемейныхъ супруговъ:

У варотъ сасонушка зидина,
У Ивана жана маладая,
Ина са вечира у пиръ загуляла,
А ка палуначи двору приходила,
Ка бѣлу свѣту ина сына парадила,
Сваяво друга взвисилла,
Никалаича взвисила.
Ии псымъ и єсицъ
Гулять са звездами,
Баладнипъ гулять съ снывьями;
Ии бѣла звѣзда выходить са звездами:
А Т-на гулять съ дачирями..

Ой, Настасьинка сваяво мужа
Ина во свадебку сабирала,
А у касійку палтинку завивала,
Сваяиу мужу приказала:
Ой, Андреюшка, мой дружочникъ,
Ой, Яковлевичъ, живаточикъ,
Ты дари игрицъ нищадна:
Старымъ бабушкамъ да па гривни,
А маладымъ маладицамъ па палтини,
Краснымъ дѣвицамъ па рубліни.
Наші дѣвицы сваявольки:
Бязъ мыла на вулицу вя ходють,
Бязъ румянъ на шїраку ии вастушють

Ой, ходить Андрей па двару,

На нёмъ кунья шуба да далу,
Жарелья баброва по пличамъ.
Ой, люди скажутъ: кто таковъ?
Настасьинка скажить: мой саколь!
Каба хто яму кудирки завиваль?
Завивала ему матушка,
Ву теримъ сѣда подъ акномъ.

Доброе согласie супруговъ:

Вилась, повилась травушка,
Ка бѣлы берези прививалась.
Цавился, павился Андреюшка,
Ка сваѣй жанѣ—Настасьинки:
Душанка мая, Настасьинка,
Живаточикъ мая Фатёинна,
Дала-жъ ба ты ии шириначку,
Дала-жъ ба ты ии шалковую.
Дружочикъ мой, Андреюшка,
Живаточикъ мой, Яковлевичъ,
Дала-бѣ тибѣ я шириначку,
Дала-бѣ я тибѣ шалковую,
У пиръ идучи—замарашь,
Съ пиру идучи —патиряишь.
Дружочикъ мая, Настасьюнка,
Дружъ мая, Оатеинна,
У пиръ ишодши—пацалую;
Съ пиру приду—помилую.

Мужъ влюбленъ въ жену; любезничаетъ съ супругою.

Стелитца, катангца
Ца лугамъ трава шалковая;
Цалунть друхъ, милунть,
Андрей жану маладую:
— Друхъ май Настасьюнька,
Друхъ майя Хватеинна,
Ну, ты инне состарила,
Бизъ ума илайца наставила
Частыми паходами,
Ну, илзами паклонами,
И тихими гавдрами.

Канапелька былинка,
Дробная зилёная.
У гароди стыяла,
Скланила галовушку
Ца правую старонушку.
На правый старонушки
Угодья вяликия:
Тирима всё высокіи,
Караваи тисовыи.

Дѣвку «обыгryваютъ»:

Ой, ягадка красна,
Знилиничка красна,
А патаму ина красна,
Што при горачки расла.
Ой, Анисинъка вумна,
Атонавна разумна:
У батюшку вумна,
У матушку разумна:
Я по сѣньюшкамъ хажу.
Зимчугъ на руку нижу,

Вдову «обыгryваютъ»:

Пакунайся, вутупка, покупайся;
Стрипинися, сѣрая, стрипинися!
Ну, горькаѣ маѣ пакупания,
И гарямычныя маѣ стрипитання.
Што майво селезнюшки дома нѣту:
Ну, мой селезнюшка въ атлѣти,
Въ атлѣти—на синимъ мори.

Похвала «смирёной бисѣдѣ»:

А у нашива сусѣда
Смирёная бисѣда;
А у бисѣдушки
Сидять гости,
В ё люди добрыи,
Гаварять ане рѣчи,
Рѣчъ-наслѣдья
Всё старанныя;
Атчаволь ли наша матушка,

Каму спать, пачивать
На тисовый каравати?
Ой, спать, спачивать
Владимиру Николаевичу
Со Авдотѣй Тимофеинный.

У насть па палю, па гарохвицу,
Ходить голубъ (2)
Са галубашкаю.
У голуба залатая галава,
А у голубки пазалачивана.
У Андрея (2) жана маладая.
Я бы лѣтамъ (2)
На калѣсачкахъ вазиль,
А па зиннимъ путемъ
Я па писаныхъ санѣхъ;
Сани писаныи,
А вузды низаныи,
А коники вараныи,
А извоющички маладыи.

Я ка бѣдинки спяшу:
Ну, ии Богу малитца,
Жениховъ выбирать.
Я выбрала женишка
Са барскаго дварца:
Онь чистъ и рѣчъ съ,
Гаварить душа гарәзъ;
Носить синю паддѣвку
Майму серцу зладѣйку.

Сабирайся, Татьянушка, сабирайся,
Снаряжайся, Симёновна, снаряжайся:
Што горькая маѣ сабирання,
Гарямычныя снарижанія!
Што майво Митрюшки дома нѣту,
Што мой Митрюшка на томъ свѣти.

Матушка-Масква загаралася?
Загаралася наша матушка-Масква ать ли-
хихъ гасподъ;
Ать таво ли ать гаспадина, ать Нарышки-
ныва!
Нашъ Нарышкинъ гаспадинъ
Очень лихой онь быль,
Христіанъ съ голоду марий.

Дорогой обычай мужа:

У чаракки у сиребренай
Залатой быль вяночикъ;
У Прохора Иваныча
Дарагой быль абычай:
Идѣ пѣсть, идѣ гулять,
Начувать двору ъдить:
— Ты, Храсинюшка Васильевна,

Разумѣй сустривати.
— Ой, Прохорушка
Да Изанавичъ,
Ни въ дасугъ, сударь, стала:
Ну, сына я качаю—пирамѣнушки чаю,
А дачку я качаю—пиряпдицу чаю.

Забота жены о подгулявшемъ супругѣ:

Ай, Андреюшка - дружокъ
Вечоръ пьянь-пѣйшаникъ пришолъ,
Штатитца-валитца
У Настасынъхъ нагахъ:
Ты, Настасынька, разуй,
Ты, Хватѣвни, разуй!
— Я ба рада разуда,—
Я ни знаю, какъ завутъ (2),
Пу батюшки виличаютъ (2).
Пайду, выйду мылада
За навыя варата.
Паслушаю малади,
Да што люди гаваряты.

Первые люди сказали,
Што Вандреимъ завутъ,
А другія гаварили,
Што Якавлевичъ:
Ти ни тотъ-та Андрей,
Што па возири гуляль,
Прадубычки црасикаль,
Бѣлу рыбушку лавиль;
Ну, красны выканёчки—
То Вандреивы сыночки;
Ну, што бѣлы платички—
То Настасинны дочки.

Подгуляли супруги; мужъ угощаетъ жену:

У поли кадушичка стыла,
Въ кадушички чарнушичка гуляла.
— Гуляй, моя чарнушичка малада,
Пакель мая черницкая галава!—
Пропиль чернѣкъ черну разу на мяду,
Чиставамши чарнушичку маладу.
Сирѣдь двара свитѣльчка стыла,

Въ свитѣльчики Храсинюшка гуляла,
У новинькой Васильевна гуляла.
— Гуляй, моя Храсинючка малада,
Пакель мая Прохорова галава:
Пропиль, проѣль ворона коня на мяду,
Чиставамши Храсинюшку маладу.

Гулянѣе идеть до вечера и до вечера поютъ пировыя пѣсни; послѣ ужина поведутъ молодыхъ кормить въ другую избу два дружка и двѣ свахи. А въ общей хатѣ, послѣ удаленія молодыхъ, пированье продолжается за столомъ, какъ и прежде.

Поютъ за столомъ пѣсни:

Постыдна работушка
Гребень да стальиб,
А харопія работушка
Стаканъ да вино!
Смирѣная бисѣдушка,
Гдѣ батюшка пиль-гуляль,
За иной маладэю пасылай.
Я, маладая, замѣшкалася
За гусими, за лебидини,
За мелкую пташичка.
Мелкая пташичка
На бѣрюжку пахаживала,

Шалковую травушку сашшѣпывала,
Халодную расицу прихлѣбывала.
За рѣчкаю за быстрой
На горушѣ, на гарѣ,
Чатыре двара,
У тыхъ-то у дворушкахъ
Чатыри кумѣ.
Вы, кумушки-галубушки,
Кумитися—любитися,
Любите ине...

Какъ закусять молодые со своею свитою, ихъ ведуть спать: свашки несуть подушки, перину, дерюгу, а въ рукахъ старшаго дружка его аттрибути—ременная плеть. Заставляютъ молодую разувать мужа: «Ну, скидывай сапогъ у правой ноги! Скинуть молодая сапогъ, а сваха скажеть: «Ну, погляди, что-жъ ты скинула, а пн пасматрѣла въ сапогъ: онъ отъ тибѣ деньги схаранилъ, и погомъ всѣ тахта будить отъ тибе харанить! Возьметъ сваха изъ сапога деньги и отдасть невѣстѣ. «А что ета тарчить въ сапогѣ? Поглядягъ: прянникъ! Тутъ всѣ начинаютъ хохотать надъ женихомъ: «Ахъ, какой хитрый! Ничего не видя, а ужъ сталъ тантца! Улыбнется и молодая.—«А въ шархи ета што? Изъ шарфа молодая вытягиваетъ денежную бумажку: рублевку или трехрублевку:—«Вотъ онъ што дѣлаетъ отъ тибе твой... ха, ха, ха! Смѣются свахи!—«Ну, молодой, ловокъ ты надувать жену! А подушки мы тибѣ ни отгадимъ! Выкупи! Молодой вынимаетъ «копѣйкъ тридцать» денегъ и отдаетъ свахѣ.—Нѣть, этого намъ мало!—Еще «вымѣтыаетъ» женихъ пятиалтынныи.—«Ну выкупи еще дерюжку!—Послѣ окончательного выкупа сваха развязываетъ подушку и дерюжку, и свахи «спрѣнутъ» молодыхъ. Молодые ложатся; дружко большии съ ременными кнутомъ, дружко меньшии, большая и меньшая свахи стоять надъ молодыми и пристально смотрѣть на нихъ.—Что-жъ ты отвернулась отъ молодого князя?! тахта нильзя!—дѣлаетъ строгое замѣчаніе большая сваха невѣстѣ:—«ты вазьми иво, да вотъ какъ покрѣпчи вазьми за шейку, да абними! А дружко большии, послѣ увѣщаній со своей стороны, возьметъ и «щуднѣтъ» молодыхъ пугою, такъ что они раза три перевернутся подъ дерюгою...

Но вотъ выходятъ молодые въ сопровожденіи свахъ и дружковъ; свахи во все горло орутъ пѣсни:

Теперь мы апрастались,
Теперь мы развозжались!..
Мужа дома нѣту:

Мой мужъ на гароди,
У клѣтки, на грядки,
Висить на запятки.

Пойдетъ по хатѣ «пляски» въ пированье. Пѣсни становятся все веселѣе, разгульнѣе, пойдутъ скакухи да плисухи. Орутъ бабы, что въ голову взбредѣсть, иногда совсѣмъ по вдохновенію, что подскажеть имъ веселая минута да хмелекъ. Баба совсѣмъ грязная и сопливая поетъ про чистоту и богатство. Какъ подхватится, какъ заскачетъ и въ ладочки заплещеть и заорѣтъ:

Ахъ, и мужъ мой многа сѣна накосилъ,
Два воза навозилъ!

Поется пѣсня лися:

Ужъ ты, лиса,
Ты, лиса мая,
Вотъ и ты съ лѣсу выскачила,
Вотъinne выпужила,
Пустила пичаль па пличамъ,
Присущила сухату къ живату.
Вотъ и свѣтъ мая Аннушка,
А дачка была Натальюшка,
Наталья Романовна.
Долга вечира гуливала,
Сиратинушку замѣнивала.
Сиратина, сиратинушка,
Горька ягода рибинушка.
У стаканіи вино плящитца,
По стакану разливантца, 2
Я была у томъ канцу,
А я видила диковинку,

Стару бабу на конику.
Вотъ и кумъ къ кумѣ въ гости ходилъ,
Вотъ и кумъ кумѣ шутки гавариль;
Кума шутки ни залюбливала.
Ина на печь забиралася,
Черный сажій утиралася,
Тремя мылами умывалася:
А пярво нямѣцкая,
А другдя турѣцкая,
А третія панизовская.
Панизовская дѣвшушки
Низозорныи бѣльушки.
Ты, Васюта, Васютца мыя,
По загуминю хаживала,
За собою бычка воживала;
У бычка-жъ ии бычачій станъ,
Зиляной кахтанъ.

Назавтра послѣ вѣнца. Молодые еще спятъ крѣпкимъ сномъ, а мать невѣсты прѣѣхала съ сундукомъ «разбужать молодыхъ». Послѣ прїѣзда матери свашки загрючатъ въ воротахъ, какъ ворота держатся:

— О, мы ъхали, ъхали, насиду да ъхали—веземъ приданое!—Домашніе говорять: «Выло-бы за што вѣсъ потчивать, а то у вѣсъ, можить, въ сундуку кирпичу понакладна». Между тѣмъ, молодымъ запоютъ пѣсни «будилу». Какимъ бы крѣпкимъ сномъ они ни спали, они обязательно проснутся отъ громкаго пѣнья этой пѣсни:

Привезла вѣсъ мать будилу,
Чтобы вы рана вставала *)!
Ты юставай, уставай, маладая,
Привезла вѣсъ мать будилу,
Штобы ты рана уставала:
То Ивану пѣсенку
Ни однаму -сь Наталью;
Идѣ Иванушка сидѣть,

Тамъ синча винадобна:
А свѣтить яго залатой гривной,
А свѣтить яго полуожона.
Иванушка, ни тами ты нась,
Падари ты нась;
А ни станишь дарить—
Мы тиѣ станишь карить!

Свашкамъ, которыхъ подымали пѣсней молодыхъ, поднесутъ вина; мать родная жениха принесетъ имъ блиновъ; молодые кланяются въ ноги матери съ отцомъ. Сходятся всѣ смотрѣть къ привезенному сундуку. Женихова мать говорить: «На пятьдесятъ рублей побъемся обѣ закладъ, что сундукъ кирпичомъ набить». Мать невѣсты обижается не на шутку:

— «А, сватушка, за наша добро вы нась ишо каритя! Када такъ, мы повеземъ свое добро назадъ—дома сгодйтца». Происходитъ выпивка и миролюбивое соглашеніе. Отца съ матерью садятъ за посвѣтно, молодыхъ въ залапль. Смотрѣть всѣ, хороши ли молодые, и какъ они между собою обходятся, а они другъ на дружку и не глядятъ. Сватъ и сватъ подчуютъ прѣѣзжихъ сватовъ. Поставить вина подъ отца и подъ матери и кусочки мясушки положить; тѣ вина не пить и мясушка не трогать. Подъ молодыхъ тоже поставить вина и мяса, и они угощенія не трогаютъ. Невѣстина сваха возвѣстъ вино сватовъ и вино молодыхъ и сольють въ одинъ полштофъ; берегутъ то вино; оно полезно тѣмъ, у кого бываетъ родимецъ.

Оказывается, что прѣѣзжая сватъ очень запаслива: она привезла съ собою кромѣ сундука еще угощеніе. Домашній сватъ по этому поводу вдается въ обиду: нѣшта у нась, сватъ, свайва хлѣба-соли ии дастигантъ, што вы сваѣ привозитъ; наѣмъ абидна паказывантца.—Нѣгъ, сватушка, ииѣ нужна саздать сваю хлѣбъ-соли.—

За столомъ подаются блины. Въ срединѣ обѣда невѣстина мать, прѣѣзжая сватъ, вдругъ и говоритъ:—вотъ, сватушка, пѣмъ мы, ъдимъ, а надо даглядѣтца, есть ли у вѣсъ какое хозяйство, есть ли у вѣсъ, зачѣмъ нашей молодой хадить. Сватъ домашній съ важностью ведеть свату и молодую по хлѣбамъ. Молодая даетъ коровамъ изъ своихъ рукъ по кусочку пирожка, овечкамъ, ягняткамъ, свиньямъ тоже. — Есть ли у вѣсъ, сватъ, на чомъ поля пахать—нада лашадей даглядѣтца! Гусей, курочекъ и тѣкъ посмотрѣть; молодая и штиль накормить изъ своихъ рукъ.

— Хозяйство вы мае вѣдили, скажеть домашній сватъ: да умѣть ли ваша хо-зяйничать? Умѣть ли ана ища по воду хадить? Молодая идеть съ ушатомъ къ колодезю; она зачерпнеть ушать воды. Мужчины чубурахъ тотъ ушать на народъ; со смѣхомъ разбѣгаются въ стороны. Три ушата, почерпнутые молодой, вылили на народъ; она почерпнула и четвертый ушать, несетъ его и ставить въ сѣняхъ. Сваха, женихова мать, накрость ушать тотъ шубой и рушникомъ по шубѣ и скажеть: «дай Богъ, чтобы наша инвѣста была такая-та касматая!» Изъ четвертаго ушата стараются всѣхъ перемочить, кого захватить въ хатѣ. Жениховъ отецъ и говорить: «да, ваша маладая вполнѣ можить воду носить». Мать ея отвѣчаетъ: «да и май и тилѣгу взапрѣть на гару—запрягай іе хоть въ тилѣгу».—Благодаримъ, сватушка,

*) Остатки двойственного числа.

мы стыва ни думали; намъ люди вашу дочку карила, што ана вамъ будить ни работница.

Сейчасъ всѣхъ сватовъ и «пировыхъ» за столъ, а молодую заставляютъ блины печь. Загремятъ по сковородию жалѣзомъ, зазвенятъ, какъ колокольчикъ, и крикнутъ:—Ну, иди, молодая, блины печь! Пасмотримъ на твоё издѣлья!—Наливаетъ молодая блинъ. На чапельнику «лѣнды нацѣплены». Ставить молодая блинъ прямо подъ печку. Сейчасъ сваха, женихова мать, и дѣлаетъ замѣчаніе:—Ана у васъ бывъ памити. Када-жъ ета бывантъ, что блинъ пекѣтца падъ печкаю? У насъ адна кошка живѣть падъ печкаю.—А то молодая насажаетъ на блинъ «вѣники». Кричатъ:—Дура, дура, маладая! Лѣнка блиновъ какихъ напикла—сь цветами. Берутъ блинъ толькъ и кладутъ подъ отца и матери родную невѣсты:—Бышъ, што вашъ дачка настригала!—Вдругъ свекръ береть стайдъ и начинаетъ бить молодую по заду, праговаривая: «чтобъ блины задавались тонинки!» Молодежь можетъ другъ друга тѣстомъ. Жениху намаслять блиновъ, поставить на воротахъ, да браги шайку. Потомъ говорить молодой: «нука пометись! Умѣшишь ли ты месть? Возьметъ невѣста метлу и мететь отъ порогу прямо къ печи.

— Што жъ вы, сватушки, хвалили нивѣсту: ана ви умѣить месть.

— Да ана у насъ и дома тѣхта нитетъ; ета штоба не выносить словъ изъ дома.

— Ну, исполать, сватушка, уиная и разунная у тибе нивѣстушка—ни дура!

Послѣ нетенія хаты снимутъ съ молодой кисью, которую она была покрыта, когда ъхала вѣничаться. Мать жениха понесеть это покрывало въ клѣтъ. Прѣѣзжая сваха, мать невѣсты, говоритъ: «пойдемтѧ, сватушки, поглядимъ, што у инне есть въ сундукахъ. Какъ бы инне не обкради—а то скажите, што ничего не было! Выложитъ нѣсколько холстинъ, рубашекъ, костоланчиковъ; «даглидѣтца» свать со свахою и скажутъ: «Ну, благодаримъ, сватенька, што вы насъ ни обидили, ета только вить прїѣтъ, што ваша нивѣста ни умѣить ни шить, ни мыть, ни краснѣ ткать; што у нивѣсти и добра нѣту: всѣ ана умѣить, всѣ ана знать, и ей, слава Богу, вѣкъ ни пражить добра, што ей накладина.

— Ну, смотритя, смотритя, сватушки!—говорить санодовоально прїѣзжая сватъ.

Прѣѣзжие свать и сватъ поднимаютъ къ себѣ въ гости молодыхъ и всѣхъ гостей. На сень подводь насажаютъ человѣкъ тридцать.—Да, сватушка, угостишь ли ты насъ?—спрашиваютъ гости.

— Да ублаготвориши ли ты насъ?

— Да хотъ тридцать чилавѣкъ садитесь на сто лошадей—всѣхъ углашу.

Немного попирозвавъ въ домѣ невѣсты, всѣ гости ъдуть къ жениху. Пойдуть по деревни и гостять тамъ у родныхъ хозяевъ. Снова возвращаются, и опять жениховъ отецъ садить сваху за столъ и угощаетъ ее; сваха отказывается: «пытались мы у тибе, сватушка, ъѣть цѣлый день—цѣлый день ъѣдѣть».—Да какая тамъ, сватинка милая, наша ъѣда!—скромничаетъ свать.

Послѣ ужина сваха «приказываютъ абы дочири»: «ана—чилавѣкъ маладой; ана чилавѣкъ робкій; ана ни дагадантца, куда пойдѣть, што дѣлать».

— Такъ мы стихѣ єе будимъ, сватинка, посыпать, тиха смирна—никто ни услышить, што работать будить.

— Милости просимъ къ намъ хлѣба-соли кушать и свашекъ, и дружковъ, чтобы къ намъ прїѣзжали, и наладыхъ просимъ.

Начинаютъ за воротами разводить разводы: угощаютъ виномъ родныхъ и гостей, которые собираются уѣзжать. «Сродствѣ» даетъ советы и приказы молодымъ: живити, живити хорошо и проч.

Молодые и сваты запрягутъ лошадей и ъдуть къ невѣстиной матери. Въ домѣ сваты идеть пляска и пированье. Подъ молодыхъ и подъ прїѣзжихъ сватовъ (свата и сватъ) ставить стаканы съ виномъ Старикъ скажетъ, прикупивъ вина:— Ахъ, горька, горька вино—што та ни пьетца!— А старуха на него заѣранится:—да пей, пей, старая вѣдьма!—Старикъ въ отвѣтъ на брань возьметъ да и распѣлути старушку. Всѣ торжественно крикнутъ:—сладко, сладко вино! Ну, старики, поучите цѣловатца молодыхъ!—Молодымъ тоже скажутъ: горько, горько вино! — Не сразу

они поцѣлуются—ихъ долго томятъ.—Есть ли у тибе руки, маладая? Когда есть, вазмы маладого за ушки и поцѣлуй.—Вотъ она рѣшилась—взяла его за уши— и ву, цѣловать. Всѣ со смѣхомъ кричатъ: вѣримъ, вѣримъ: есть, есть руки! Сладко вино!

Село Жерелево, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. При сватовствѣ имѣютъ обыкновеніе сводить для объясненія жениха и невѣсту, «становить ихъ на одну доску». Невѣста спрашиваетъ жениха: «По нараву я тебѣ». Если женихъ скажетъ: «По нараву», родные говорять: «Ну, панаравилась. Молитесь Богу! Наливаютъ рюмку вина и даютъ ее молодымъ перепивать по поламъ; потомъ молодые цѣлуются. Посадить сваты водку пить, а молодыхъ врозь. Выпить четверть водки отцы, побьють рука обь руку и скажутъ: «поладили! Надо брать горбушку на запоины. Жениховъ батька выѣзжать изъ-за стола, поблагодарить за хлѣбъ-соль и уѣдеть съ женихомъ домой.

Запоины. Набереть водки отецъ жениха и пойдеть съ сыномъ и съ роднею къ невѣстѣ. Пріѣдутъ—Богу помолятся, за столъ садуть и станутъ привезенную водку разливать. Невѣсту соберутъ и дадутъ ей въ запалъ полштофъ водки. «Запаломъ» называется особое отдѣленіе, гдѣ, на возвышеніи около печки, помѣщается невѣста со своими товарицами и подружками. Невѣсты и подружекъ ея не видно: они отдѣлены занавѣсью. Даютъ невѣстѣ пѣтуха жаренаго и пирогъ. Невѣста пойти водкою собравшихся подѣлъ ней подружектъ; она трогательно, со слезами на глазахъ, прощается съ ними: «не гиѣвайтесь на мене, дѣвки!» и благодаритъ она ихъ за заботы: дѣвушки прежде играли съ невѣстой, дѣлили съ ней горе и радость, а теперь шить на нее, собираются къ свадѣбѣ. Бабы сводятъ невѣсту съ «запала» и подводятъ къ жениху; невѣста дарить жениха, подносить ему «шархъ на шею». Сводятъ молодыхъ цѣловаться; опять невѣста спрашиваетъ у жениха: «панаровилася я табѣ?—Панаравилась,—отвѣчаетъ.—А я табѣ панаравился?»

Отцу родному невѣста поклонится въ ноги и жалобно заголоситъ: «Батюшка родименъ, не кинь мене ты при этомъ горюшку! Сейчасъ поднимутъ молодую; будеть она роднымъ и свекору подарки подносить: свекору—шурину; подойдетъ къ дружку, къ свату, еще къ свату, а тамъ къ крестной матери и жениховой сестрѣ и со всѣми перецѣлуется. Обнесть невѣста дарами и водкою столъ, начнетъ ходить по хатѣ, а потомъ по улицѣ, и на улицѣ и въ хатѣ невѣста пойти и дарить родныхъ и знакомыхъ. Садятся за ужинъ; становить «студень».

Станутъ «пить пѣсни»:

1. Зеленая дубровушка,
Да некаму пашумѣти (2),
Зеленую звяслить.
Свѣтъ наша Мархушка
За столикамъ сидѣла,
Ой на Иванушку глядѣла.
2. Канапелька былинка,
Третія зелѣвны.
У гарди вырысла,
Сакланя галовушку
На праву старонушку;
На правой старонушин
Каравать тисовая;
На тѣй каравати

- Каму спать-пачивати:
Мархушка съ Иванушкой.
3. Уставай, барыня,
Уставай, государыня:
У насъ хата столинна
И каша иывѣрина,
Гости назаворыни.
4. Гуркала галубушка съ галубкомъ,
Прегуркала два мароза, третій снѣгъ,
Четвертую халодную зимушку;
Смарозила дружилушку въ дарози—
Быть табѣ, дружилушка, въ дарози;
Смарозила Мархушку въ дарози—
Быть табѣ, Иванына, въ палзду.

При окончании ужина невеста подносить всемъ водку; ей кладутъ на серги. Гости благодарят свата за хлѣбъ-соль, за угощеніе и отправляются домой. Невеста выходитъ изъ-за стола и провожаетъ жениха до повозки, а тотъ даетъ ей «20 капеекъ и хунтъ баранокъ».

Подъ вѣнецъ собираются. Встаютъ рано, собираютъ невесту. Поставить полштофъ вина, умоютъ вѣномъ, остальную водку выпьютъ бабы. Приходитъ дружко. Ему поютъ дѣвки пѣсню:

Наша невеста гарыжданка,—
Мы табѣ дружку такъ ия выдадимъ:
Падай намъ, дружко, палтину,
Мы тады табѣ касу пакинимъ.

Дружко отдаетъ дѣвкамъ копейку и лѣзть на полъ «у платку завязанши», надѣваетъ съ себя на невесту платокъ, береть ее за руку; женихъ, появившійся тоже на полу, береть невесту за другую руку; оба они сводятъ невесту съ полка. Дружко и мать невѣсты требуютъ другъ отъ друга огня. Дружко протягиваетъ зажженную лучину или свѣчку черезъ брусь, а отъ печки туда же протягиваетъ свой огонь сватъ. Мать невѣсты возьметъ отъ дружка огонь, а дружокъ отъ нея, и пойдутъ зажигать свѣчку кала Бога, т. е. подъ иконы. Дружко хвалится, что «невесту выкупялъ».

Станутъ Богу молиться. За столъ сядутъ, и станеть крестная мать чесать жениху и «невѣстя» голову.

Предварительно испрашивается «баславенія».

«Матушка Хвѣдоровна, атецъ Ивановичъ, баславитя маладому князю са княгиней бойну голову чисать, ка Божу суду ъхать, ка вѣнчану. Матушка Ивановна, баслави маладому князю са княгинией бойну голову чисать, ка Божу ъхать суду, ка вѣнчану! —

— Boehъ баславить.

— Народъ привуславный, баславитя маладому князю и са княгини ъхать ка Божу суду, ка вѣнчану!

— Boehъ тибе баславить.

Родная мать невѣсты связываетъ поясомъ молодыхъ и говорить:—На табѣ, зитѣ-чикъ, плеть шалковую; сики па падушки, а гавари—па жанушки.—Начинаютъ родители «баславлять» молодыхъ; станутъ молодые въ ноги старикамъ кланяться.

Невеста заголоситъ: «Матушка мыя радиная, ни кинь ты маю галовушку, ни кинь ты маю горькую при этаму при горюшку». Выводятъ жениха и невесту изъ хаты «вонки», сажаютъ невесту на сани молодой, возьметъ невесту «на хапокъ» и грѣкъ молодую на сави, посадить невесту и самъ садится молодой на колѣни; посидить минуточку такъ, садится рядомъ, потомъ садится дружко. А ребята затворили ворота и просятъ вина: а то, говорять, не пустимъ. Послѣ выпивки ъдѣть поѣздъ свободно; проѣхавъ немного, останавливается. Дружко выходитъ изъ повозки, заходитъ въ хату и просить «отца и матирю» въ гости: «сватъ и сватъ, милости просимъ въ гости». Бабы деревенскія собираются, «полынь» откроютъ да подъзанавѣсъ; а дружко имъ: «тойти, бабычки: я вамъ вина поднесу». Дружко, угостивъ бабъ, идетъ изъ хаты и бѣжитъ къ повозкѣ. Ёдуть къ церкви, дружко ъдѣть за священникомъ и привозить его. Происходитъ обрядъ вѣнчанія. Молодые послѣ вѣнчанія останавливаются въ церковной караулкѣ, гдѣ происходитъ увианіе косъ невѣсты и одѣваніе ея въ нарядъ молодухи. Въ заплетеніи косъ нѣкоторое участіе принадлежитъ и жениху; даютъ ему положить три раза правую косу. Надѣваются на невесту повойники и накрываютъ платкомъ. Потомъ сажаютъ молодую на сани молодой; на этотъ разъ садить ее тихохонько, хорошо.

На встрѣчу молодымъ выходить мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью. Кланяются имъ молодые въ ноги. Отецъ и мать подымаютъ молодыхъ, отдаютъ молодой «корвигу хлѣба»; молодая несетъ «корвигу» въ хату и кладетъ на брусь. Зажигаются свѣчку предъ иконой и садить молодыхъ за столъ. Станутъ подносить вина отцу съ матерью; старички морщатся:—Ахъ, дѣтычки, горька горѣлка! Окружающіе и дружко говорятъ:

«старуха падсалодить горълку». И воть старуха со старицомъ посыпуются и начнутъ хвалить горълку: «ахъ, салодка, салодка гарълка! Нальютъ стаканъ молодымъ. Надо и молодымъ цѣловаться, чтобы подсолодить горълку, да тѣ не рѣшаются приступить къ цѣлованью другъ—друга имъ еще это конфузно. Отецъ и мать родная учать дѣтей цѣловаться:—Ну, что ты смотришь, молодая, возьми мужа за «вѣхи» и цалуй.—Взяла молодая женщина крѣпко за «вѣхи» и крѣпко расцѣловала его. «Выѣзжаютъ вонки студентца», походивъ на улицѣ, соснуть и молодые прѣтдохнутъ. Начнется вечеромъ княжой столъ; молодая дарить шуринкамъ свекора и свекрову, братьевъ, сестеръ, тетокъ, дядекъ. Подходить и чужіе, и чужой народъ иногда дарять. Ужиномъ оканичиваются княжой столъ; ложатся спать.

На з а в т р а с в а дь б ы . Дружко говоритъ молодой:—Надо тебе, Марея, воду научить носить: а то ты ни узымаешь воду насиТЬ.—Молодая «помчить за водою», принесеть воды. Мужики говорятъ: дайти-ка напитца воды, ти сладка ана.—Невѣста зачерпнетъ карецъ и на народъ «ливъ!—тѣ ха, ха, ха! и въ сторону «пометается изъ хаты вонки». Потомъ дружко говоритъ:—ну ка, молодая, пометись-ка хатки; мети да сорь не выкидывай; мужу правды ни даказывай!—Молодая взяла вѣникъ и стала мѣсть «сгорбатинши» да не такъ, какъ люди, а отъ двери. Ей кричать: «мети къ двери! А она всѣ дѣлаетъ по своему. А то возьмутъ соломки, кинуть въ казёнку и кричать: «Пустите: теленакъ смерзъ! И много «разныхъ шутокъ представляютъ». Уже поздно гости домой собираются, а гости запоютъ и закричатъ пьянымъ осипшимъ голосомъ пѣсни:

Пара гости да дому—
Паѣли кони салому,
Аржаную, яравую!

И живеть невѣстка въ домѣ свекора и работаетъ на свекора да на свекровью и добра наживаеть, спереди «пузатѣсть», а сзади горбатѣсть.

Свадебныя пѣсни:

Ахъ, ты, ябланка,
Ты, садовая,
Ты, мядовая,
Аткатаилась—
Прочь ать ябланки;
Прикаталась—
Къ свякѣ матушки.
—Свякра-матушка,
Ты прими миine
Са всей радустей,
Са весёлустей.
Чай пачѣй на пёнушки
У дудычку играить?
Аринушка у матушки
Замужъ а и ражалась:
— Мамушка радимая,
Атдай миine замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Дерюжка ия шита.—
— Матушка радимая,
Послѣ сшишь—пришлишь.
Чай пачѣй на пёнушки
У дудычку играить?
Аринушка у батюшки

Замужъ апрашалась.
— Ватюшка радименький,
Атдай миine замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Шубушка ия сшила.—
— Ватюшка радименький,
Послѣ сшишь—пришлишь.
2, Ныпадала рыса, рыса,
На темны лиса,
На мой зилёнай садъ; (2)
На вѣтъя бумажныя,
На листья кумачныя;
Напала грусть-тыска, пичаль,
Пичаль ии майга дружка,
Каторыга я люблю,
Съ каторымъ гулять хажу,
Хажу калы рѣчушки,
Гаварю да съ милымъ рѣчушки.
Тайныя славечушки:
—Дружочикъ мой и ё ленъ э къ,
Хочу ионча я такъ пажить,
Бизъ худэй бизъ славушки,
Бизъ бальшей дэсадушки.

3, Охъ, пойду я, выйду, илада, за вороты,
Охъ, раскусю я й, молыда, орѣшочкѣ,
Я выну идѣрца!.. Охъ, выну идѣрца,
Охъ, што я выну, молыда, идѣрца,
Охъ, запой серца, маѣ злой ретивой!
Случаю ии знаю—охъ, я скучаю, сирдечка!
Голубъ лягнть—галубка шукантъ.
Охъ, палитъла сизая галубка
На синія моря.
Охъ, на садилась, сизая галубка
На бѣль гарючъ камень;
Охъ, вымывалась сизая галубка
Марскю вадою, (2)
Охъ, вытиралась сизая галубка
Ленданъ шалковою.

Спасъ-Деменскъ, Мосальск. уѣзда.

Свадебный обрядъ. Круглый столъ. Когда засватаютъ невѣсту, пьютъ водку и чай: это называется «круглымъ столомъ». Больше 15 разныхъ свахъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ рядомъ, и женихъ то и дѣло подкладываетъ невѣстѣ баранокъ:— Марѣха, ёсі! Вотъ ты гаварила, что я тебе ии пракарий—у насть хватить.— Отецъ жениха начинаетъ обносить водкою всѣхъ гостей. Дѣлаютъ договоръ, когда будутъ ладны, и сколько на ладны привозить водки. Съ ладинъ бываетъ дѣвичникъ.

Ладѣни. Зазываютъ гостей, кумовьевъ, и продолжается пиръ всю ночь. «Играютъ» поочереди пѣсни величальная. Гости отдираютъ поющихъ имъ величальные пѣсни: кто семеркою, кто пятакомъ. Гостю, одѣтому почище, «играютъ» больше. Подзываютъ невѣсту. Невѣста наберетъ полотенецъ и каждому родному дарить по ручнику и каждого цѣлуєтъ:—давай съ тобой поцѣуемся!—Каждый принимаетъ полотенце, цѣлуется съ невѣстой и утирается полотенцемъ. «Поцѣловался съ молодой, скажеть старики: нябѣ и я помоложѣю». За это полотенце отдираютъ деньгами: свекоръ дастъ пять рублей, кто три рубля, кто рубль; родня дальняя меньше дарить. Кончается подарками «балъ», и уговариваются, когда будетъ свадьба. Жениховъ отецъ говорить: «я поѣду къ свищеннiku и потолкую съ ии, когда прикажетъ быть свадѣбъ».

Подъ день свадьбы бываетъ дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Вечеромъ зацѣгаютъ лошадей и едуть въ домъ невѣсты. Стучатся въ ворота невѣстинu дома. Съ нѣсколькими родными выходить сватъ встрѣтить гостей. Пріѣзжий сватъ вынимаетъ графинъ водки. «Сиѣхамъ» скажутъ пріѣзжие гости: «мы тутъ бутта были и заѣхали опять почевать». Пріѣзжий сватъ подносить встрѣчный по рюмкѣ и по двѣ вина. Поздравствуютъ, порукаются и идуть все въ хату, которые пріѣхали и которые встрѣчали. Въ хатѣ здравствуютъ «изновъ» (снова). Встрѣчаетъ сваха. Зажигаютъ свѣчки предъ иконами, молятся Богу. Разсаживаются за столъ. Сваты, жениховъ и невѣстинъ отецъ, садятся рядомъ. Сначала наливаютъ вина этиимъ сватамъ; они пьютъ рюмку пополамъ, цѣлюются и говорятъ: «пошли Божъ всево харшиша дѣтамъ нашимъ». Дружко, который водку разносить, пьеть рюмку самъ за здоровье молодыхъ, потому подзываютъ коренную сваху, мать невѣсты, наливаетъ ей рюмку водки; та поздравляетъ сватовъ и выпиваетъ рюмку вина со словами: «будьте здоровы, снатушки, милы, залѣты! Сваха уходить, а разноска вина пойдетъ кругомъ по всей компаніи. Всѣ выпьютъ рюмки по двѣ, по три, тогда жениховъ отецъ спрашиваетъ:—зачѣмъ пріѣхали, надо посмотретьъ?—Дружко говоритъ:—Просите, чтобы показали, зачѣмъ пріѣхали!—Свекоръ тогда кричитъ:—Акулька, пойди сюда, нась погляди и сама покажись!—Невѣста подходитъ со свахою, молодою и красивою женщиною. Подойдутъ вдвоемъ и кланяются всей честной компаніи. Невѣста называетъ тогда

свекора:—Здрастуй, батюшка Петрович!—Наливают невесте рюмку вина; невеста не береть этой рюмки:—вышей-ка, говорить, батюшка, прежде самъ.—Батюшка прикушивает эту рюмку, потомъ дружко допивает рюмку, и свекоръ подаеть рюмку съ виномъ невестѣ. Невеста, если пить водку, сама вышеть, а то подаеть товаркамъ—дѣвкамъ. Свахѣ подносятъ рюмку и подаютъ ей «ладъть» пирога и мяса. Сваха береть гастинецъ и уносить его съ собою за рагожу подъ прикрытие; невеста сидитъ закрытою за кулисами какъ будто въ чуланчикѣ.

Идеть компания, пьють вино, какъ и на ладинахъ, до тѣхъ поръ, пока не вызовутъ невесту съ дарами. Невеста выносить дары—полотенцы своей ткани, и дарить каждого по полотенцу; гости отдаиваются невесту деньгами. Невеста опять уходитъ въ свое мѣсто; всѣ гости выходятъ съ застола, «какъ будто простуживатца»: кто на улицу, кто на дворъ. Нѣсколько времени побудутъ на дворѣ, приходить въ хату и садятся опять за столъ, опять по своимъ мѣстамъ, кто гдѣ сидѣлъ. Тутъ уже идеть угощеніе невѣстинаго отца—подается вино и закуска. Этой закуской и выпивкой оканчивается весь пиръ. Богу молятся и прощаются. «На воротахъ» провожаетъ невеста со свахою гостей; у невесты въ рукахъ графинчикъ съ водкою, и всѣ съ ея рукъ пьютъ водку. Гости, отѣдавъ водки, попрощаются и уѣзжаютъ въ жениковъ домъ, а невеста остается дома.

На дѣвичникѣ, когда женихъ входить со своей дружиной, ихъ встрѣчаютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ иконами, съ хлѣбомъ. Вся дружина идеть вслѣдъ за отцомъ невесты къ столу, гдѣ сидѣть вокругъ стола невеста съ товарками. Сосна стоять на столѣ увѣнчаная цѣтами, лентами и маленькими зажженными свѣчами—«усюжка на люстру». Товарки поютъ пѣсни.

Начинаютъ сваты торговаться, выкупать мѣста; просить съ нихъ дѣвушекъ три рубля, а они даютъ то рубль съ четвертью, то два съ четвертью; выходять забавныя препирательства, доходящія до ссоры. Отецъ невесты кричитъ:—Отдайте: вѣдь ему нѣ съ чего дать больше: у него сто десятинъ земли! А Воробей, отецъ жениха, кричитъ:—У мене хотя сто десятинъ земли, а ты—мужикъ! Что у тибе есть, дрянь паршивая?!—Отецъ невесты возражаетъ:—у мене двѣ десятины, а я лучше тибе живу, хотя у тибе сто десятинъ.—Воробей говоритъ:—если ты будешь разговаривать, то напиши нѣ долго отсюда и отправитца. Отецъ невесты указываетъ дверь со словами:—Можите! Вотъ дверь! Я не держу.—Другой сватъ сгоряча выскакиваетъ въ сѣни вонъ; въ сѣни никто за нимъ не послѣдовалъ. Онъ въ сѣнихъ раздѣлся. Кто-то изъ хозяевъ сказалъ ему какъ будто милоходомъ:—Что жъ ты, сватъ? Проходи въ хагу!—Смѣгчился, взошелъ; сѣли за столъ. Откупили сосну и сняли ее; поставили вино, закуску; пошла гульба, веселье, занграла музыка. Къ концу дѣвичника подали ужинъ, а за ужиномъ шоль разговоръ. Пріѣзжій сватъ много ломался и кривился; посадили его въ святой уголъ. Домашній сватъ вскрикиваетъ:—Боже мой, что я вижу: большие половины гостей моихъ: одни, другіе—Воробьевы. Не даромъ, вѣдь, выхваливаютъ ихъ, что семейство большое, и не даромъ одни хотѣтъ два миллиона прожить за одинъ сутки на воробьяхъ.—Какими же это манеромъ? спросилъ у свата сватъ Воробей.—Поспорилъ бы я съ однимъ табою. Ты бы инѣ сказалъ, что могу прожить два миллиона.—Какими же порядкомъ?—Вотъ какими. Составить обѣдъ на тысячу персонъ изъ воробьевыхъ языковъ; вотъ поэтому я въ заключеніе скаму, что воробы оттого такъ дороги, что два миллиона можно прожить на однихъ воробьевыхъ языкахъ.—Хохотъ, сватъ стала мягче, смѣется; однако, когда невеста поднесла въ даръ ему ручинку и предложила подѣловаться: давай, батюшка, поѣдемъ! сватъ грохно сказалъ:—съ каждой паршивой дѣвочкой буду визатца!—Она усмѣхнулась.

Къ вѣнцу. Сватъ, жениховъ отецъ, уѣзжааетъ съ дѣвичника и просить себѣ провожатыхъ; невѣстинъ отецъ назначаетъ провожатыхъ изъ своихъ родныхъ. Пріѣзжаютъ въ домъ жениха. Угощаютъ провожатыхъ; сажаютъ за столъ. Послѣ угощенія ложатся гости спать, а сватъ хлопочетъ о лошадяхъ. Собираютъ пары 5, 6; между пары встрѣчаются и тройки. Будять пріѣзжихъ гостей и тѣхъ, которыхъ звали въ поѣздъ съ лошадьми. Къ жениху пріѣзжаютъ передъ свѣтомъ гости и родные, будутъ ему сопутствовать. Весь жениховъ поѣздъ садится за столъ; идеть

Потомъ поведутъ жениха собирать въ отдельную холодную комнату. При сборахъ жениха присутствуетъ сваха и дружко; они одѣваютъ жениха въ то бѣлье, которое ему прислали невѣста; одѣвши жениха, сваха и дружко проводятъ его въ хату и говорятъ: «молодой князь, проси въ отца съ материю благословенія». Выходитъ отецъ съ матерью, становится среди хаты, держа въ рукахъ хлѣбъ и на хлѣбѣ икону. Женихъ кланяется прежде отцу: «благослови, батюшка! Потомъ и матери также кланяется. Встаетъ женихъ и целуетъ отца съ матерью, говоря: «простите меня! Они говорятъ: «Вохъ тибя простить, дитя родное»!

Сажаютъ за столъ жениха, и всѣ присадятся тутъ то же. Женихъ садится за столъ въ шапкѣ; сваха снимаетъ съ жениха шапку и беретъ себѣ подъ мышку. Въ особой чашечкѣ приготовленъ хмель и расческа. Сваха беретъ расческу пазъ чашечки и чешетъ кудри жениха, обрызгиваетъ его «три разъ» виномъ и осыпаетъ его хмелемъ три раза кругомъ. Дружко выкусаетъ шапку, платить денегъ, кто на что согласится. Потомъ дружко беретъ жениха, выводить воинъ съ-за стола. Молятся Богу, уходить и садятся на лошадей. Лошади украшаются деревенскими косынками или стужками (маленьками акрѣйками ситца). Бѣдуга въ деревню къ невѣстѣ.

Прѣѣхавъ въ деревню, дружко останавливаетъ свою повозку проѣхъ дома невѣсты, а прочие разѣѣжаютъ по деревни — катаются. Собираются зрители съ деревни и окружаютъ повозку жениха; женихъ сидитъ на повозкѣ. Ему говорятъ: «ни храмой ли ты? пройдись! А при женихѣ бываютъ и товарищи; всѣ они раза три пройдутся. Потомъ опять садится на повозку, а дружко одинъ отправляется въ домъ невѣсты; находить тамъ невѣсту, расплетаетъ ей волосы, выходить воинъ къ жениху. Вѣзжаютъ во дворъ съ повозками, сколько помѣстится; беретъ дружко жениха съ повозки. Стоитъ «публика дѣвушекъ и женщинъ» у входа въ сѣни. Дружко говорить: «Паягрѣнушки — матушки, сами идти или наѣсть пуститя! Крестить крестообразно патужионъ и говорить: «благословитъ молодого князя въ тесовые коромы ввести» Введя жениха въ коромы, дружко говорить: «благословитъ молодому князю свою суженую найдить».

А невѣсту между тѣмъ «застаиваютъ», т. е. загородить молодыхъ дѣвки и бабы. Со стороны жениха ребята дюжие, хорошие, разсовызываютъ, разсторовяютъ дѣвичій тaborъ, чтобы имъ дойти до невѣсты, и платить нѣкоторымъ деньги, чтобы отсторовились. Доводить жениха до невѣсты. Дружко беретъ лѣвой рукой за правую руку невѣсты и съ своей правой руки ея руку въ правую руку жениха. Женихъ поведеть за руку невѣсту. Садятся за столъ. Невѣста тутъ заплачетъ: «Батюшка мой родимый, ни кинь мина — можетъ быть, я буду нисчастная! Ни брось иное! Благодаримъ, батюшка, што ты ускользнулъ меня и успоилъ!»

Собираются двѣ свахи, одна со стороны жениха, другая со стороны невѣсты. Голдовыя одѣянія сейчасъ съ невѣсты долой, и сваха невѣстинамъ обоями молодымъ чешетъ головы. Окончивъ чесанье, опять покрываютъ невѣстѣ голову, какъ и было у нея одѣто. Подъ и и и (молодыми) положень хлѣбъ на столъ на двоихъ одиѣ и ложка тоже одна; подаютъ кушанья много, а никто неѣсть — дѣло дѣлается наскоро. Послѣ окончанія бесѣды всѣ вылезаютъ воинъ съ-за стола, молятся Богу, прощаются.

Выходя изъ дворъ, выносить квашню, становить ее кверху дномъ, накрываютъ ее шубой кверху шерстью и кладутъ на нее сковороду кверху дномъ. Женихъ становится на сковороду и вѣзвается на повозку. Потомъ подженишникъ беретъ поперекъ невѣсту и кидаетъ на повозку. Невѣста на повозкѣ усаживается; женихъ сѣдастъ примеръ, что садится къ ней, невѣстѣ, на колѣни и усаживается съ ней рядомъ. Даютъ жениху икону, попрощаются и уѣзжаютъ къ вѣнцу.

«Съ — подъ вѣнца». Встрѣчаютъ молодыхъ сваха и сватъ. Подъ воротами зажигаютъ солому и стараются, чтобы повозка съ молодыми перѣѣхала чрезъ огонь. Молодые вѣзжаютъ на дворъ, ихъ сажаютъ съ повозки; дружко ведеть молодыхъ въ холодную клѣть или амбаръ. За рюмкою вина въ эту клѣть приходятъ всѣ гости; дружко подносить имъ по рюмкѣ; тогда всѣ выходятъ изъ клѣти, дружко, сваха невѣстина и молодые затворяются въ клѣти.

За дверями «публика» изъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ играетъ срамныя пѣсни.

Но воть дружко знать подаетъ, чтобы «публика» пѣсни окончила и удалилась; съ этою цѣлью дружко воткнетъ грибенникъ въ пирогъ и отдать — тогда бабы уйдутъ.

Дружко въ сопровождениі свахи ведеть молодыхъ въ хату. Дружко заставляетъ молодыхъ кланяться въ ноги отцу и матери. Дружко сипаетъ съ молодой платокъ, беретъ молодую за руку и говорить: «Ну, посмотри, какую я привезъ молодую: хорошую, добрую или кривую? Молятся Богу. Дружко говорить: «Надо наимъ молодыхъ обогрѣть».

Сажаютъ молодыхъ за столъ, угостятъ ихъ виномъ, закускою. Пойдетъ княжай столъ. Подаютъ цѣльный непочатый горючокъ каши. Кашей распоряжается невѣстина сваха.

Невѣстина сваха должна знать, честная или нечестная невѣста: въ первомъ случаѣ «вершники» надо отдать скоту, а во второмъ спрятать ихъ подъ навозъ. Невѣста со своей стороны, три раза во время обѣда откладываетъ ка�у въ тряпичку и, такъ какъ она знаетъ про себя, то знаетъ и про то, что нужно сдѣлать съ кашио. И сколько потомъ бывало нареканій на молодую, если она окажется нечестною! Всякое несчастье во дворѣ «присѣкаютъ» къ тому. Пропала свинья, лошадь. Отчего? Молодая была нечестная, а съ кашей поступили неосмотрительно, неосторожно — не выбросили подъ навозъ. Сейчасъ молодую бранить, сейчасъ свекоръ, свекрова и женщина родни молодую бранить и на неѣ срывать свою злость. Дружко становить подызвывать подъ кашу деревенскую публику: «Господа, кому наши молодые должны? подходитъ и всѣмъ расплатимся каши!» Тутъ, кто смѣлѣй, ребяты, мужики подходить и жалуются: «Мнѣ женихъ долженъ пять мѣръ овса и четверть вина — извольте расплатитца». Дружко подносить рюмку водки и черпаетъ ложку каши овсяной и кладетъ дружку прямо въ «пригорщи». Одинъ уходить, а другой подходить и говорить: «Вотъ мнѣ долженъ женихъ вокаракъ капусты и качанъ ветчину; онъ и водку у мене занимай. Нада расплатитца». Этому дружко подносить рюмку вина, «зачѣрапаетъ» ложку каши и кладеть въ пригорщи; этотъ уходить. Со всѣми дружко разсчитывается водкою и каши.

Начинаютъ составлять лошадь. Двѣ пары дюжихъ парней берутъ себѣ на плечи коля, покрываютъ ихъ вертесь; на коля посадить верхомъ еще одного и вѣзжаютъ въ хату будто на лошади: — «Здрастуйта, господа! конница прїѣхала, а намъ здѣсь назначина хватера: то наволти ачищать ее». — Это дѣлается «зли выпивки». Дружко обращается къ конницѣ съ покорѣйшею просьбою: «Господинъ капитанъ или перучикъ, что у насъ хватера занята свадьбой, такъ нельзя-ль праминувать — праѣхать вамъ на другую хватеру? Мирятся на вино. Прежде угошаютъ виномъ верхового. Вотъ вдругъ упадеть лошадь. «Охъ, Господи, крикнѣтъ дружко: ченеры забила лошадь! Верховой просить, чтобы его лошадь полѣчили: «Я ѿхъ изъ Быхыва до Быхыва, а конишака моя вздыхала, повалилась, дай скриптару полѣчить ее». Сначала подносить водки задвишъ, отчего запевелится хвостъ у лошади, потомъ переднимъ; лошадь поднимается. На брусе владется «карвѣга хлѣба». Верховой садится на лошадь и достаетъ «карвѣгу»; потомъ дѣлить ее со своими спутниками.

Молодые сидѣть за столомъ. Дружко выкликаетъ: «Нѣть ли еще жалобщиковъ? Идеть ужинъ. Горшокъ каши стоять на столѣ. Когда доходить очередь до каши, говорить хозяїкѣ: «черпай кашу съ четырехъ береговъ и клади въ платокъ». Платокъ съ каши, ложки связываются подысь; все это кладется въ рѣшетѣ и становится на брусь.

Дружко ведеть молодыхъ класть ва постель; дружко стелеть поясъ и начинаетъ молодую съ женихомъ связывать.

Наватра вѣнца. Встаютъ всѣ гости, свои и прїѣзжие. Дружко и хозяинъ будятъ молодыхъ: «Молодые, молодые, не время ли вамъ вставать?» Молодой отвѣчаетъ: «За нами дѣло не состоять — дай Божъ часъ!» Дружко начинавъ собирать родственниковъ, которые присутствовали на свадьбѣ; молодой чистой онъ приносить четверть, а не-честной восьмуху водки. Всѣ гуляющіе отъ молодой на свадьбѣ хвалятся: «Вотъ ты проспалъ, а ваша заработка за ночь четверть вина».

Начинаютъ выпивать. Прежде пить дружко самъ, потомъ свать со сватомъ; сваты говорить другъ другу любезности: — Здоровъ! — Здоровъ! — Вотъ, свать, сходились мы по совѣсти — и вышло у насъ доброе дѣло. — Когда свать со сватомъ выпьють,

дружко начинает по порядку и по распоряжению хозяина подзывать гостей пить водку. Молодыхъ подзываеть отецъ невѣсты:—Милый зять, если вы другъ друга любите, то выпейте отъ меня рюмочку пополамъ.—Молодой начинаетъ выпивать, если пить, а если нѣтъ, передаетъ рюмку съ водкой невѣстѣ. Черная стюдень, отецъ невѣсты даетъ молодымъ наставление: «Подивйтись, а но подерйтесь! Вечеромъ устраиваются блины. Сажаютъ за столъ невѣстиныхъ родныхъ.

При появлениі молодыхъ дружко наливаетъ стаканъ вина и въ этотъ стаканъ вина накладеть моху, оскретковъ лучины. «О, кдка, о, горька горѣлка!»—кричить дружко. Молодые начинаютъ цѣловаться, и цѣлюются отъ трехъ до десяти разъ.

Собираются гости домойѣхать. Дружко подзываетъ молодыхъ. Невѣста стоять со стаканомъ, а молодой съ графиномъ «водки». И выкликаетъ дружко Хавру, Матрону или еще какихъ-нибудь родныхъ; тѣ пьютъ горѣлку, цѣлюютъ молодого и молодую, берутъ отъ нихъ подарки и дарятъ имъ четвертакомъ или полтинникомъ. А дружко, чтобы усилить поцѣлуи, распространяется насчетъ горькоти и колкости горѣлки. Своимъ роднымъ невѣста не даетъ никакихъ подарковъ. Устраивается ужинъ, сватъ раскрошить мясо и, при проводѣ сватовъ, даютъ имъ кусочковъ мяса у воротъ.

В. Н. Добровольскій.

Пять сойотскихъ сказокъ.

Сирота-парень.

Юскус-оль (сирота-парень) шлялся. Пришелъ, шляясь, на стойбище богатаго чевловѣка. На одно пришелъ, телячью привязь (шеле) нашелъ; на другое пришелъ, не доуздокъ жеребенка нашелъ, на третьемъ стойбищѣ—ягнечью привязь (кѣнѣ салба) нашелъ. Эге, думаетъ онъ, это не спроста, это я трехъ богачей приплодъ скота, сѣмя нашелъ. Пришелъ, шляясь дальше, на соединеніе трехъ рѣкъ, легъ спать. Проспавши мѣсяцъ, проснулся. Проснувшись, увидѣлъ—стоить половина юрты. Два мѣсяца проспаль; проснувшись, видѣть: лежитъ въ его объятіяхъ, какъ луна - солнце, красива дѣвушка. Три мѣсяца спаль; проснувшись, видѣть: въ юртѣ имущество лежитъ, на улицѣ (таштынде) шумъ скота (мал чилен), въ объятіяхъ у него прелестная, какъ луна и солнце, дѣвушка, три старухи котлы ставятъ, три парня-пастуха сидѣть.

Вышелъ на улицу Юскус-оль помочиться, коновязь увидѣлъ; у коновязи осѣдланный серебрянымъ сѣдломъ цвѣтной, пестрый конь поставленъ. Въ юрту вошелъ, чай приготовленъ, стоить разлитый въ хо и въ домбу *). Хотѣлъ надѣть прежніе желтые кошениные сапоги, желтую шубу, смотрѣть: лежитъ красная шелковая шуба, тогырзак—шапка тутъ, вышитые сапоги лежать. Надѣвши обувь и платье, напившись чаю, вышелъ изъ юрты, на коня сѣль, побѣхаль.

Бѣдеть, стоить множество верблюдовъ—степи не хватаетъ. Подѣхавши къ пастуху, спрашивается: чыи верблюды?—Юскус-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Дальшеѣдеть, къ конскому пастуху подѣхаль, спросилъ: чыи табуны?—Юскус-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Къ коровьему пастуху подѣхаль—Эй, пастухъ, чыхъ коровъ пасешь?—Юскус-оль—богача коровъ пасу, отвѣчаетъ пастухъ.

Къ овечьему пастуху подѣхаль—степи для овецъ не хватаетъ. Старикъ овецъ пасеть. — Чыхъ овецъ, старикъ, пасешь?—Юскус-оль, богача, овецъ пасу. — Какъ это разбогатѣлъ Юскус-оль, а, старикъ?—Какъ разбогатѣлъ Юскус-оль тебѣ сказать... трехъ богачей сѣмя скота нашелъ, вотъ какъ.—Какъ же нашелъ трехъ богачей сѣмя Юскус-оль?—А пришелъ онъ при соединеніи трехъ рѣкъ на три пустыхъ стойбища, три скотскихъ привязи нашелъ, три мѣсяца, девяносто ночей проспалъ, тѣмъ и приобрѣлъ скотское сѣмя Юскус-оль жену гдѣ высоваталь и какого человѣка дочь, странкъ? Сказать тебѣ какого человѣка дочь его жена, просинь! Уванъ-хана дочь; скотъ той дѣвушки приданое будеть.

Узнавъ все, Юскус-оль побѣхаль домой. Пріѣхавъ, любовно разговариваетъ, рассказываетъ. Сталъ поживать. Каждое утро Юскус-оль скотъ и табуны повѣрять. Въ одно утро уѣхалъ Юскус-оль скотъ повѣрять. Когда онъ отсутствовалъ, въ улусъ пріѣхалъ Карадых-ханъ сынъ. Пріѣхавши, вошелъ въ юрту Юскус-ола. Увидѣвши жену его, задрожалъ весь, сѣсть не можетъ, то впередъ его толкнетъ, то къ дверямъ. Кое-какъ присѣлъ, дрожитъ. Юскус-ола жена встала, спрашиваетъ: ты что трясешься, или людей

*) Сосуды для храненія жидкостей.

не видѣль? Серебряно-золотыи наперсткомъ кругъ надъ головой провела, усадила. Тогда, успокоивши сердце, сталь онъ курить табакъ съ женой Юскус-ола. Послѣ трубки она его печенѣемъ, сластями угостила. Угостившись, тогдѣ побѣхалъ домой.

Подѣзжаетъ къ дому сынъ Карадых-ханъ, плачетъ, реветь, стонеть, рыдасть. — Если хочешь, отецъ, чтобы твой сынъ живой былъ, немедленно отними у Юскус-ола жену, а то я сейчасъ зарѣжусь.—Не идѣть въ юрту. Выскочили изъ юрты Карадых-ханъ съ женой, зовутъ сына, а тогдѣ бѣтесь, реветь, насили уговорили войти въ юрту. Обѣщаъ ханъ хитростью или силой отобрать жену Юскус-ола и сейчасъ же послалъ 150 солдатъ за Юскус-оломъ: «добромъ не пойдетъ—приказаль—приведите силой».

Прѣбѣхаль Юскус-оль. Карадых-ханъ и говорить ему: «жена твоя моему сыну приглянулась, ты долженъ ему отдать ее, а чтобы тебѣ не обидно было, загадаю я тебѣ три загадки. Первая—спрячься такъ, чтобъ я тебя не нашелъ. Если найду, возьму твою жену; не найду, пусть твоей будетъ».

Вѣтъ Юскус-оль домой, плачетъ.—Ты что плачешь? спрашиваетъ жена.—Какъ не плакать, Карадых-ханъ хочетъ меня убить, а тебя за сына взять. Вѣтъ иѣ спрятаться: найти меня, ты его будешь, а меня убить.—Гдѣ же хочешь спрятаться?—спросила жена.—Гдѣ нибудь въ горахъ, въ утесахъ.—Нѣтъ, тамъ онъ тебя найдетъ, не плачь, я спрячу, ложись, спи.

Утромъ проснулся Юскус-оль, видѣть—пыль на степи стоять, Карадых-ханъ ищетъ его по полямъ. Закидался во всѣ стороны. Жена успокоила его, а когда сталь ханъ подѣзжать уже къ юртѣ, она обратила мужа въ иголку и сѣла шить. Обыскавши горы, лѣса и степи, вошелъ въ юрту Карадых-ханъ, все перерылъ; не найдя Юскус-ола, сѣль чай пить. Когда онъ выходилъ изъ юрты, жена Юскус-ола бросила иголку, въ мигъ Юскус-оль сдѣлался человѣкомъ, схватилъ Карадых-хана за полу: «моя—говорить—взяла, не нашелъ!—Хитрый ты, Юскус-оль! завтра меня ищи; не найдешь—возьму жену, найдешь—твое счастье.—Уѣхалъ.

Задумался Юскус-оль, гдѣ будешь искать? Жена спрашиваетъ: гдѣ искать будешь?—«Да гдѣ? въ горахъ, въ утесахъ, въ лѣсу, въ степи».—Ну, нѣтъ, если такъ будешь искать, въ жизни не найдешь! Когда взойдешь въ юрту Карадых-хана, увидишь тамъ много луковъ и стрѣлъ; перебирая ихъ, увидишь стрѣлу съ четырехъ сторонъ оперенную (остальная будуть оперены съ трехъ сторонъ), схвати её и сдѣлай видъ, что хочешь переломить: это и будетъ Карадых-ханъ.

На утро такъ и сдѣлалъ Юскус-оль. Когда онъ схватилъ стрѣлу и сдѣлай видъ, что хочешь переломить ей черезъ колѣно, взмолился Карадых-ханъ: «стой, Юскус-оль, не доходи до жизни человѣка, твоя взяла!.... Ну, теперь ты спрячься завтра, я искать буду: не найду—твоя, найду—не прогнѣвайся».

Запечалился Юскус-оль, со слезами домой прїѣхалъ.—О чѣмъ горюешь?—спросила жена.—«Да вотъ Карадых-ханъ опять приказалъ прятаться; если найдеть, я погибъ».—Не плачь, успокойся, про то я знаю, ложись, спи.

Утромъ видѣть Юскус-оль: пыль стоять въ степи, то Карадых-ханъ его ищетъ. Заметался во всѣ стороны Юскус-оль. Перерывши всѣ кучи помета по степи, обшаривши горы, сталь подѣзжать Карадых-ханъ къ юртѣ. Тогда жена обратила Юскус-ола въ наперстокъ, шить сѣла. Карадых-ханъ вошелъ съ народомъ въ юрту, все перерылъ, что можно было, не нашелъ Юскус-ола, угомился поисками, сѣль, и жена Юскус-ола напомнила хана чаемъ. Но только что Карадых-ханъ сталь выходить изъ юрты, жена бросила ему вслѣдъ наперстокъ. Принявший свой прежній образъ, Юскус-оль схватилъ Карадых-хана за полу, закричалъ: «что, ханъ, моя взяла, не нашелъ!—Вѣрно, не нашелъ! Найди же ты меня завтра: не найдешь, погибнешь».

Задумался опять Юскус-оль, гдѣ искать хана. Жена успокоила: ложись, спи,—не твое дѣло,—завтра найдешь, сказала.

Утромъ, отправляя Юскус-ола, жена говорить: какъ войдешь въ юрту Карадых-хана, увидишь подъ порогомъ метелку (ширбэшь), возьми ей и выбери прутикъ, который будетъ длиннѣе другихъ на палецъ. Выдерни его, это и будетъ Карадых-ханъ, и сдѣлай видъ, что хочешь сломить.

Все такъ и вышло. Войдя въ юрту Карадых-хана, Юскус-оль увидѣлъ подъ по-

рогомъ метелку: «а, вить и пруты, говорить, надо трубку почистить!» Съ этими словами онъ выдернулъ прутникъ, который былъ подлиннѣе, и хотѣлъ обломить. Тогда Карадых-ханъ закричалъ: «стой, Юскус-оль, иши вѣдь до человѣческой жизни добирается! твоя взяла, вить уже въ четвертый разъ выиграль. Теперь давай пустить бѣгунецъ: я—своего чернаго коня, а ты—цвѣтного чубараго. Чей конь опередить, толь выиграль».

Со слезами прѣѣхалъ домой Юскус-оль.

— Что плачешь, другъ?—спрашиваетъ жена.—«Какъ не плакать, Карадых-ханъ требуетъ, чтобы я пустила въ бѣгъ свѣтлого чубараго коня съ его чернымъ. Гдѣ же моему коню опередить?»—Не плачь, успокойся, спи, утромъ увидимъ.

На утро жена разбудила Юскус-ола со словами: пойзжай къ хану, скажи, что побѣжилъ съ нимъ, но чтобы коней сначала выдержать: не понть и не кормить три мѣсяца, а тогда пускать.

Карадых-ханъ согласился на такое условіе. Выдержали коней три мѣсяца: Юскус-оль конь—жирѣе сталь, а Карадых-хана конь—чуть живой. Пустили въ бѣгъ: Карадых-хана конь отсталъ отъ Юскус-олова коня на три мѣсяца.

— Ну, Юскус-оль, давай еще разъ испробуешь, ты пусти своего буро-пѣлаго пороза, а я своего сѣро-пѣлаго; чей порозъ побѣдить, того взяла!

Разказала Юскус-оль дона женѣ о новомъ горѣ, она успокоила его: спи, а завтра пускай пороза,—твой побореть.

Утромъ пустили. День бодаются, два бодаются, мѣсяцъ и два бодаются, въ концѣ третьаго мѣсяца Юскус-оловъ порозъ сталь одолѣвать. Карадых-хановъ порозъ, упираясь задними ногами, всю землю изрыть (съ тѣхъ поръ и образовались кочки); наконецъ, изловчившись Юскус-оловъ порозъ пропоролъ бокъ порозу Карадых-хана.—Опять твоя взяла! Теперь самъ поборись съ моимъ сыномъ. А сынъ у Карадых-хана былъ ботатырь.

Заплаканный прѣѣхалъ домой Юскус-оль.

— Что ты все плачешь?—спрашиваетъ жена.—«Какъ не плакать, погибъ я теперь, Карадых-ханъ требуетъ, чтобы я боролся съ его сыномъ: гдѣ же миѣ справиться!»—Не плачь, спи, завтра увидимъ.

Утромъ она послала Юскус-ола сказать Карадых-хану, что онъ согласенъ бороться, но чтобы три мѣсяца передъ борьбой ни пить, ни есть ни тому, ни другому.

По истечениіи трехъ мѣсяцевъ сошлились. Бороться день, бороться два, бороться мѣсяцъ и два, въ концѣ третьаго мѣсяца Юскус-оль сталь одолѣвать... наконецъ, повалилъ да такъ повалилъ, что Карадых-хановъ сынъ въ землю ушелъ, а Юскус-оль все его давить. Закричалъ тогда Карадых-хана сынъ Борадай-мергенъ: «отецъ, Юскус-оль убить меня, освободи!» Подѣжалъ Карадых-ханъ схватилъ за плечо Юскус-ола, просить: отпусти сына.

Юскус-оль отпустилъ, а самъ поѣхалъ съ нѣскими домой. Домой прѣѣхалъ, жена спрашиваетъ: «что ты такъ весель? или араки-кумысу валился?»—«Нѣть, побороль Борадай-мергена, теперь не будуть тебя отбирать. — «Постой, рано еще веселиться»—сказала жена.

Прошло немного времени, Карадых-ханъ послалъ за Юскус-оломъ 150 человѣкъ солдатъ, чтобы ѻхалъ непремѣнно къ нему. Прїѣзжаетъ Юскус-оль.—«Ну, хоть ты и меня перехитрилъ, и моего сына побѣдилъ, теперь долженъ ты черезъ три мѣсяца привезти молока бѣлаго слона. Не привезешь, прикажу тебя убить, а жену отдать сыну.

Пойзжалъ опять со слезами домой Юскус-оль. Жена встрѣтила: «не плачь, говорить, знаю о твоемъ горѣ, успокойся, еще бѣда не велика; лучше ложись—спи, а я подумашъ, какъ быть». Утромъ она разбудила Юскус-ола, напоила чаемъ.—«Пойзжай теперь на западъ, тамъ на краю земли увидишь бѣлаго слона, а около него будетъ слоненокъ; пошли съ тобой однѹ изъ старухъ, ты самъ близко къ слону не подѣжалъ, а то онъ тебя сѣсть; старуха сдѣлаетъ за тебя все.

Сѣль Юскус-оль на своего цвѣтного чубараго коня, посадилъ старуху за сѣдломъ; старуха взяла золотой донбъ для молока. Пойзжалъ. Гдѣ надо мѣсяцъ ѻхать, вѣдуть

день; гдѣ надо гдѣ бѣхать, бѣгутъ иѣсяцъ. Наконецъ, на краю земли увидѣли бѣлого слона, спина у которого ушла въ небо. Около пасется слоненокъ величиной съ большую гору.

— Теперь ты тутъ оставайся, Юскус-оль, я ужъ една пойду къ слону—говорить старуха. Отправилась, сама думаетъ, какъ бы подобраться къ слону: если по землю идти, слонъ по духу узнаетъ, лучше всего спуститься сверху. Сдѣлавшись облакомъ, спустилась дождемъ на траву. Слоненокъ, пасясь, сорвалъ и ту былинку, на которую старуха упала дождемъ, а когда хотѣлъ ее проглотить, старуха стала у него по-перекъ горла. И оперхнулся слоненокъ, сталь кричать: «мама, мама, дай мѣлкъ молока, хочу пососать, что-то въ горлѣ и не хватаетъ». Когда подбѣжалъ къ матери, она стала кругомъ бѣгать: «что то отъ тебя, сынокъ, человѣческий духомъ пахнетъ, откуда бы могъ такой взяться?» Сама бѣгаетъ. Слоненокъ закричалъ: «мама, лучше бы ты меня не родила, если кормить не хочешь.» И то—правда, сказала слониха, что же я бѣгаю отъ своего сына. Да и откуда бы человѣкъ взялся—Дала титки сыну, а старуха подставила домбу да и набрала полонъ молока. Слоненокъ, насосавшись, отошелъ; старуха влѣзла къ нему въ носъ и стала щекотать, слоненокъ чихнулъ—старуха выскочила. Увидѣла ей слонъ, бросился къ ней. Она сдѣлалась ворономъ, полетѣла; слонъ—ястrebомъ; сталь догонять. Старуха бросилась тогда въ воду, сдѣлалась харіусомъ, слонъ оборотился тайменемъ: совсѣмъ было догнанъ, за хвостъ схватилъ—оборвалъ (оттого и теперь у харіуса можно видѣть оборванный хвостъ). Старуха на утесъ бросилась и сдѣлалась пескомъ. Слонъ—за ней, и давай утесъ грызть. Грызъ, грызъ, чуть всю гору не изгрызъ.—Ну, теперь я еї сѣль—думаетъ. Пошелъ назадъ, а старуха съ молокомъ—скорѣй къ Юскус-оль.

Подѣхалъ Юскус-оль къ юртѣ Карадых-хана, крикнулъ: «о! ты, ханъ, выходи, привезъ молока!» Испугался Карадых-ханъ, сталь просить помилованія. Схватилъ его Юскус-оль, ударилъ о землю, такъ что онъ сквозь землю провалился, перебилъ всѣхъ, а скотъ себѣ забралъ. Карадых-ханъ и теперь подъ землей живетъ, а Юскус-оль сталь ханомъ.

(Сообщено со словъ сойотъ, живущихъ по р. и рч. Кемчику и Ак-суку, миун-сиискимъ мѣщаниномъ И. Н. Вяковымъ).

Три кляузника.

(Сойотская легенда).

Въ давнія времена жилъ очень богатый человѣкъ, и чего-чего только у него не было: кто хочетъ—приходи, чего хочешь—проси,—отказа не было. На три дня бѣзы кругомъ его стойбища народъ питался его щедростями. Собрались однажды къ богачу гости ближніе и дальние на совершение жертвоприношенія духу—покровителю страны (оран эзы), въ которой жилъ богачъ. По случаю торжества было накурено много вина—араги, почти всѣ перепили, позасыпали. Въ числѣ гостей богача были три человѣка, славившіеся умѣніемъ кляузничать. Они съ завистью смотрѣли на такое множество собравшагося народа къ богачу на пиршество. И вѣдь накормить такое скопище достало же у богача жирнаго мяса! Напоить до потери сознанія достало же вина! Начали они слова вѣваться, какъ бы имъ унизить богача въ глазахъ народа. Не подозрѣвая ничего, немного подвыпившій богачъ, любуясь объѣвшимися и перепившимися гостями, воскликнулъ: «проси у меня кто чего и сколько хочетъ, отказалъ не будетъ: все у меня есть и всего хватить!»

Этимиъ воспользовались три кляузника, они знали хорошо, что богачъ слова обратно на возьметъ. Когда богачъ уснулъ, они вышли изъ юрты и стали между собой совѣтоваться: чего бы имъ попросить такого, чтобы богачъ не могъ выполнить ихъ просьбы. Цѣлую ночь думали, не спали, наконецъ, къ утру одинъ кляузникъ говорить: «я придумалъ чего просить:—муки столько, чтобы достало замѣсить въ озерѣ тѣсто». Другой отозвался: «а я буду просить серебра кучу величиною въ ту сопку въ степи

Третій прибавилъ: «я буду просить столько атласа (торгу), чтобы имъ можно было покрыть всю вонъ ту степь».

Всталь богачъ, одинъ за другимъ стали подходить къ нему просители, и никому отказа не было, кто чего просилъ, то и получалъ. Еще пуще береть завись кляузниковъ: постой—думаютъ—какъ то ты исполниши нашу просьбу.

— Ну, что тебѣ нужно?—обратился богачъ, наконецъ, къ одному изъ нихъ.

— Такъ какъ ты, богачъ (бой), вчера обѣщалъ дать всего, что ии попросить, такъ одолжи мнѣ пожалуйста муки, чтобы хватило въ озерѣ замѣстить тѣсто.

— Хорошо, получиши.

Второй говорить: Мнѣ дай серебра кучу величиной въ ту вонъ сопку.

Третій: А мнѣ атласа покрыть вонъ ту степь.

— Хорошо, скажаль богачъ, получите.—Всталь, потребовалъ ключи отъ амбара (байжин), сходиль—принесъ серебряную ложку, вѣски и щепку (чонгу). Подаетъ богачъ ложку тому, кто просилъ муки: «сходи, братецъ,—говорить—къ озеру, перемѣрай этой ложкой воду, приди и скажи мнѣ, сколько выйдетъ ложекъ, а то я не знаю, какъ велико озеро, могу дать тебѣ меньше, чѣмъ надо, и тогда ты скажешь, что я—скупой и тебя обидѣлъ». Другому подаетъ вѣски: «сходи, другъ,—говорить—свѣшай вѣсками сопку, узнай, что она вѣситъ, тогда приходи, скажи мнѣ, и я тебѣ дамъ серебра, а то, пожалуй, дамъ тебѣ меньше, и будешь говорить, что я—скупой, тебѣ серебра не додалъ». Третьему подаетъ щепку: «сходи—говорить—смѣрай степь вдоль и поперекъ, скажи, сколько выйдетъ, тогда получиши нужное количество атласу». Переглянулись между собой кляузники и вышли пристыженные.

По уходѣ ихъ богачъ скажаль, обратясь къ толпѣ: никогда не желайте невыполнимаго и въ болѣшемъ количествѣ, чѣмъ вамъ нужно; иначе ничего не получите, вотъ какъ эти три человѣка.

(Сообщилъ И. Н. Бяковъ).

Ирлэдэй, владѣлецъ громаднаго пестраго, какъ тигръ, быка.

(Сойотская сказка).

Убилъ старикъ Ирлэдэй своего быка; въ теченіе семи лѣтъ не могъ сѣсть одной его почки. «Когда-же сѣсть все мясо?—думасть—если впродолженіе семи лѣтъ не могъ осилить одной почки; моей жизни не хватить; надо идти звать всѣхъ по улусамъ, да кстати и кой-чего на нужду выпросить». Пшелъ. На пути встрѣчается ему ху-хун (воронъ). Я не могъ въ семь лѣтъ сѣсть почки своего тигроваго быка, что можешь, сѣшь. — Дай, выклюю одинъ глазъ быка. — Пoshоль прочь, дрянь!—сказалъ старикъ и пошелъ далѣе. Попадается ему сорока, спрашивается:—не могу ли склевать лопатку быка?—Пoshла прочь, дрянь!—Попадается дальше волкъ: позволь кожу съ ноги на тулум (мѣшокъ безъ шва) снять, на мясо сѣсть.—Пoshель прочь, дрянь!—(Потому всѣхъ гнали старикъ, что мало просили, все у него остается мяса слишкомъ много). Пшелъ далѣе. Видѣть, стоитъ дрянная юрта, взошелъ въ юрту, лежить въ ней баба, одно ухо подъ себя подослала, другимъ накрылась. Это была чилбага—вѣдьма.

— Куда пошелъ Ирлэдэй?—спросила старуха.

— Да вотъ закололъ я своего тигроваго быка, не могъ въ семь лѣтъ одной почки сѣсть, пошелъ звать, чтобы кто сѣль мясо. Ты сколько можешь сѣсть?

— А могу тебѣ оставить кончикъ хвоста да пару роговъ.

— Молодчина—старуха! Идемъ быка есть ко мнѣ.

Отправились. Пришли къ старику: воронъ глазъ выклевалъ; сорока лопатку исклевала; волкъ ободралъ ногу, ободраль и сѣль.

— Ну, что, наѣлись?—спросилъ старикъ. Звѣри отвѣтили: — будетъ, сыты.—Вѣдьма между тѣмъ за одинъ разъ быка проглотила, большія кости изо рта выплевываетъ, тонкія кости изъ носа выкидываетъ.

— Обманщикъ—Ирлэдэй, позвалъ меня, обѣщалъ накормить мясомъ, а тутъ и одного хорошаго жевка нѣть. Я тебя самого сѣѣть, развѣ я шла за тѣмъ, чтобы уйти голодной.

Схватила вѣдьма старика, пошла домой. Въ юрту пришла, взяла, посадила его въ барбу¹⁾ и подвѣсила къ дымовому отверстию.—Очень вкусно конченое мясо!—говорить. Вышла сама изъ юрты и говоритъ ребятишкамъ:—я пойду по дрова, а вы, какъ Ирлэдэй прокоптится, убейте его, печенку на вертель (шиш) насадите, почку на листвиною деревѣ зажарьте.

— Что сѣѣть съ тобой, Ирлэдэй, чтобы ты померъ—спросили ребятишки?

— А стоять только ремень перерѣзать, на которомъ я вишу, тотчасъ помру тогда—ответилъ Ирлэдэй.

Обрѣзали ремень ребятиши, старикъ упалъ на землю. Вскочивши, схватилъ ребятишекъ, убилъ ихъ, печенку и почки насадилъ на вертель, какъ приказывала вѣдьма. Самыхъ ребятишекъ положилъ на кровать, подъ одѣяло, лица вымазалъ до лоска жиромъ, а самъ выкопалъ у порога юрты большую яму, тамъ спрятался. Вѣдьма принесла дрова, сбросила около юрты; взойдя, увидѣла два вертела съ печенкой и почками, а ребятишекъ сиащими подъ одѣяломъ.

— Эка какъ набѣлись, что и на лицахъ жиръ Ирлэдея выступилъ, надо и мнѣ попробовать мясца Ирлэдея.—Взяла ножъ, отрѣзала кусокъ печенки:—что это, какъ будто печень моего ребенка?—съ недоумѣніемъ подумала. Попробовала почки: «что это, какъ будто почка моего ребенка?—Подскочила къ ребятишкамъ, подняла одѣяло, головы ребята покатились къ ногамъ ея.

Заревѣла вѣдьма:—обманщикъ, мошенникъ Ирлэдэй, гдѣ ты, а?!—Посыпалася голосъ въ разныхъ мѣстахъ: а, разбойникъ, ты въ яму забрался! Схватила топоръ, онъ оказался тузымъ, надо поточить. Взяла брусье, намочить нечѣмъ: нѣть воды въ юртѣ. Побѣжалъ къ водѣ, на льду замѣтила кровь.—Что это за кровь, неужто моихъ ребятишекъ, надо попробовать!—Лизнула и приморозила языкъ. Выскочиль тогда изъ ямы Ирлэдэй, подѣжалъ къ вѣдьмѣ, спрашивавшій: какъ тебѣ языкъ высвободить?—Ударь—говорить они—топоромъ ионъ между языккомъ и льдомъ, тогда языкъ освободится.—Ирлэдэй схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову; забралъ все, что было у вѣдьмы, отправился домой и зажгъ на славу.

(Записалъ И. Н. Бяковъ со словъ сойотъ р. Кемчика).

З л а я б а б а .

Женился одинъ человѣкъ, взялъ за себя злую бабу. А у бабы была мать, еще алѣе дочери. У мужа тоже была мать, только не злая, смирила. Жена съ своей матерью постоянно ругали мать мужа, всегда жаловались на неѣ: и худая то она, и лѣнивая, и обжора. Жалко мужику мать, а подѣлать съ бабами ничего не можетъ. Пришлось ему разъ отлучиться на долгое время, онъ и сказалъ женѣ: «когда будешь варить мясо, то своей матери вари легкое, а моей—бахтариму (кожу съ брюшиной)». Жена осталась довольна такимъ приказаніемъ и мать ея тоже, думаютъ: ну, теперь старуха сдохнетъ. Какъ только варить мясо, жена подаетъ своей матери легкое, а матери мужа—бахтариму, да смеется: ай да сынокъ, чѣмъ мать кормить, а тутъ и собакѣ-то есть нечего.

Пріѣзжаетъ мужъ. Теща при послѣднемъ издыханіи, а мать его стала блѣдая, жирная. Теща умерла, а мать еще много лѣтъ жила, потому что она знала, что бахтарима весь жиръ, весь сокъ въ себя впитываетъ, дѣлается питательной, а легкое—если его одно есть—ничего не стоитъ, съ него и сдохнуть можно. Такъ-то онъ перехитрилъ бабъ и мать свою спасъ.

(Рассказалъ сойотъ Шумгуртей Оинсумо).

¹⁾ Барба—сосудъ изъ кожи.

Воздушный корабль.

Жили-были два друга: столяр (бузанчи) и малярь (будуччи); одинъ безъ другого заказовъ не принималъ, заработокъ дѣлили поровну, спали на одной постели, головами поклонились на одномъ изголовье (сырыкъ).

Однажды богачъ пригласилъ ихъ работать. Заказъ хороший, выгодный; кормить хорошо, мяса вдоволь, а по окончаніи дневной работы каждый день кутер арага (кошаный мѣхъ съ арагой—молочной водкой); работой же торопить, да и еще приманка —у хозяина дочь молодая, красавица. Стали они, украдкой одинъ отъ другого, за ней ухаживать, и одинъ думаетъ, что она его любить, другой—что его. А того не знать, что она ихъ обоихъ одинаково любить. Живутъ по прежнему согласно.

Только однажды столяръ замѣтилъ, какъ товарищъ малярь любезничать съ красавицей въ кустахъ, разсердился страшно на вѣроломнаго друга и задумалъ его погубить. Сдѣлалъ ящикъ, придѣлалъ колеса съ крыльями и, когда все было готово, сказалъ другу малярю: посмотри, какой я искусный ящикъ сдѣлалъ, только нужно окрасить, ты сядь въ него и осмотри хорошенъко, можетъ быть, чего не достаетъ. А чтобы осмотрѣть получше, возьмись за ручку, что въ крышкѣ, и верти сильнѣе. Ничего не подозрѣвавшій малярь сѣлъ въ ящикъ и сталъ вертѣть ручку—ящикъ сталъ подниматься. Малярю понравицось, онъ давай сильнѣе вертѣть ручку, ящикъ все сильнѣе подымается вверхъ. Наконецъ, маляръ взглянулъ внизъ, голова закружилась: люди не больше мураса, юрты — не больше кочки ему показались. Что дѣлать? Если не вертѣть ручку, ящикъ упадеть на землю, и онъ разобьется ва смерть; если подыматься кверху, хватить ли силъ подняться до перваго неба: руки и такъ уже уставать стали. Вертишь онъ ручку уже обѣими руками поперемѣнно: засили уже не видать и до неба далеко. Озираясь со страхомъ кругомъ себя, онъ замѣтилъ впереди себя ручку, стала ее вертѣть; ящикъ тогда не сталъ подниматься кверху, а полетѣть по направленію полета втицъ, когда онъ летять на югъ осенью, а въ то время была какъ разъ осень и птицы леїтъся домой. Время маляръ не помнилъ, сколько онъ летѣть, потому что онъ такъ высоко поднялся, гдѣ уже ночи не бываетъ, всс—день. Почувствовавъ сильный голодъ, стала осматриваться, замѣтилъ немнога сыру, варенаго мяса и для утоленія жажды—мѣхъ съ водкой. Подкрѣпившись немнога, стала размышлять, какъ бы ему соснуть немнога, и вдругъ замѣтилъ въ днѣ ящика еще ручку. Не отпуская ту ручку, которую вертѣль раньше, онъ схватилъ другой рукой замѣченную ручку, стала вертѣть, и ящикъ, продолжая полетъ, сталъ сильнѣе вертѣть ту ручку, которая была въ днѣ ящика. Какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что опускается въ море: брызги волицъ уже долетали до ящика. Въ испугѣ маляръ схватился за верхнюю ручку и итновенно поднялся кверху. Куда ни взглянетъ, бѣднага, вездѣ вода—море! Что дѣлать? Кверху подниматься, до неба не долетишь; леїтъ за птицами — водѣ конца краю нѣть, да и силь уже нѣть. Долженъ потонуть. Собравшись съ послѣдними силами маляръ стала вертѣть ручку, которая была впереди. Пролетѣвшіи такъ цардочно времени, она замѣтилъ впереди островъ, но въ сторонѣ, такъ что онъ долженъ былъ пролетѣть мимо. Въ отчаяніи бросилъ онъ ручку, которую вертѣль, и взмахнулъ руками. Потомъ дернула ручку вправо; ящикъ пошелъ направо; дернула нальво, ящикъ пошелъ влѣво. — А, такъ значитъ это поводъ и можно летѣть всюду, куда захочу — подумалъ обрадованый маляръ и направился къ острову. Видитъ: на островѣ высокая каменная ограда, въ оградѣ, а въ ней каменный домъ. Подлетѣль къ оградѣ, спустился на землю и отъ изнеможенія тутъ же въ ящикѣ и уснулъ: спаль три дня и три ночи. Проснувшись, стала сначала оглядываться: гдѣ онъ? что за ограда? Наконецъ, увидѣль ящикъ и вспомнилъ о коварномъ другѣ. Утоливши голодъ остатками пищи, пошелъ осматривать: нѣть ли гдѣ дверей попасть въ ограду. Три раза обошелъ, нигдѣ нѣть входа. Тогда сѣлъ въ ящикѣ, перелетѣль черезъ ограду, спустился на траву, вошелъ въ домъ, увидѣль дѣвицу, такую красавицу, что еще краше той, которую оставилъ. Дѣвица вскочила, замахала руками:—уйди, духъ! зачѣмъ сюда пришелъ, за моей душой что-ли?

— Нетъ, дѣвушка, я — человѣкъ, а не духъ, и не за душой пришель, а приказано ми небожителями взять тебя въ жены, выдумала я нальярь. Даши мнѣ для этого летательный снарядъ и вѣдѣла летѣть за тобой.

— Не повѣрю, я здѣсь ужъ 10-ый годъ живу, ни одного человѣка не видѣла
кромѣ одного старого слуги, который два раза въ годъ является сюда, приносить
припасы и вѣсти отъ моихъ, отца и матери.

— Вѣришь или не вѣришь — это все равно, а что я — твой мужъ, это тоже вѣрно, иди, посмотри хоть мою машину и остатки припасовъ».

— Дѣвушка знаетъ, что духи вещественными не пытаются, видеть, правда: передъ-
ней не духъ, а человѣкъ. Одно ей удивляетъ, какъ этотъ человѣкъ будетъ мужемъ,
когда у родителей ей не сваталъ. Да такъ какъ маляръ былъ человѣкъ красивый, то и этотъ
вопросъ былъ вскорѣ устраненъ. Живеть маляръ съ красавицей, какъ мужъ съ женой. Кра-
савица маляру повѣдала, что ей сватаетъ ханъ за сына, а сынъ у него дуракъ и безобраз-
ный: вотъ она и выпросила у отца выстроить для нея домъ, чтобы ни одинъ живой человѣкъ
не могъ къ ней проникнуть. Разъ ночью они были разбужены шагами человѣка,
держащаго въ руки огонь, съ вытаращенными отъ удивленія глазами. Маляръ сообразилъ,
что это долженъ быть тотъ самыи слуга, который два раза въ годъ доставляетъ кра-
савицѣ припасы, и говоритъ: —ты что глаза таращишь, я — мужъ твоей молодой госпожи,
посланный небожителями. —Слуга, не вѣря глазамъ, думая, что видѣть духа, а не чело-
вѣка, обратился къ красавицѣ.

— Да, правда — сказала она.

— «Теперь какъ же? отецъ твой требуетъ тебя домой, хотеть выдать за ханову сына. Если черезъ три дня ты не будешьъ его женой, ханъ грозить истребить все, а твоего отца и мать сдѣлать рабами.

Заплакала красавица: жалко отца и мать, жалко и маляра, которого она успѣла уже полюбить, да и хановъ сынъ къ тому же очень ужъ безобразенъ. Маляръ не вставая съ постели, распорядился, чтобы слуга убирался домой, сказалъ бы тестю приготовить пять мѣшковъ пороха и фитиль въ десять сажень, и что онъ жены своей никому не уступить, такъ сами небожители распорядились. Скажи ему: «черезъ три дня я самъ буду». На третій день, распросивши красавицу, куда держать направленіе, сѣль въ ящикъ и улетѣлъ. Прилетѣлъ къ тестю въ улусь. Слуга уже передалъ распоряженіе маляра; порохъ и фитиль были приготовлены. Хотя и боялся старикъ, отецъ красавицы, раздражать хана и не вѣрилъ посланнымъ небожителямъ зятю, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать съ цѣлымъ войскомъ, и опять таки опасался оскорбить зятя: какъ бы не обидѣть небожителей. Пришли посланные отъ хана съ требованіемъ выдать dochь сейчасъ-же—срокъ кончается; маляръ велѣлъ отвѣтить, что невѣста одѣвается; посланные ушли. Тогда онъ садится въ ящикъ, поднимается кверху, легть къ войску хана. Надлгетѣвши надъ войскомъ, стала онъ то подниматься кверху, то опускаться внизъ—на такое разстояніе, чтобы не могла долетѣть до него стрѣла. Когда опускается внизъ, кричитъ имъ изъ ящика: «я, воюю небожигелей,—мужъ красавицы и никому ей не уступлю, убирайтесь по добру домой». Собрались въ кучу военноначальники, а за ними и все войско, задрали головы кверху, смогрять, что за штука: птица не птица, кричить, какъ человѣкъ, впереди хвостъ, позади хвостъ, внизу хвостъ, голова посрединѣ».

Связать малярь четыре мѣшка (прикрепить пятый веревки не хватило), затѣмъ привязать фитиль, поджечь; когда же замѣтилъ, что фитиль догораетъ, спустившись, какъ можно ниже, опустилъ мѣшки въ самую середину войска. Какъ только мѣшки съ порохомъ упали на землю,

Н е к о н ч а н ы .

Евг. Яковлевъ.

Ахтуба. Астрах. губ.
1901 г. Августъ.

О Т ДЪЛЪ III.

Вопросы и ответы.

Перепечатавъ въ настоящемъ выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статеекъ обь общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ комиссій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія обь общинѣ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общинного землевладѣнія и, о томъ, въ чёмъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшеній, и въ чёмъ онѣ, по ихъ мнѣнию, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и отличительной особенностью великорусской отрасли русского народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просить всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самымъ противоположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ обь общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Ред.

О Т Д ЪЛ Ъ V.

С М Ъ С Ъ.

Гайно-Слободской волости, Борисовского уезда, Минской губерніи.

То, что великорусские крестьяне зовутъ селомъ, т. е. большую деревню съ церковью, здѣшние бѣлорусы именуютъ мѣстечкомъ (мистечко). Мѣстечки, попадаются рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ дворы стоять отдельно или составляютъ небольшія деревушки, отъ 5 до 10 дворовъ. Крестьяне, селясь такимъ образомъ, имѣютъ въ виду избѣгать массовыхъ пожаровъ, а съ другой стороны, устранить черезполосицы, неизбѣжныя при расположении большими деревнями. Говорить, до нашествія французовъ крестьяне этой мѣстности селились большими деревнями, но послѣ пожаровъ и разгромовъ, произведенного французами, стали строиться отдельными поселками. Жилыя помѣщанія въ деревушкахъ расположены вдоль улицы; къ улицѣ прилегаютъ дома, иногда и хозяйственныя постройки, но сплошною стѣной, такъ что двери ихъ выходятъ на дворъ; къ послѣднему примыкаютъ другія хозяйственныя строенія, при чемъ гумно съ сушилкою, (осець) ставятъ поодаль. При расположениіи отдельно—дворъ окружаетъ слѣдующія постройки: домъ, амбаръ (свирль), варивня (помѣщеніе для овощей, отапливаемое зимой), хлѣвы; къ гумну же примыкаютъ сѣнныя и хлѣбныя сараи и токъ (съ сушилкой); на гумнахъ строятся «озереда» (переплыть, на которомъ вѣшаютъ снопы, бывшіе подъ дождемъ).

Жилой домъ носитъ название «хата», сарай—пуня, амбаръ—свирль, сушилка—осець, конюшня—стайня, хлѣвъ—хлѣу, хлѣвъ для свиней—свинарникъ,—для овецъ—овчарня,—для птицы домашней—катухъ.

Вообще всѣ постройки деревянныя, иныхъ не строятъ никогда. Жилой домъ строится изъ сосноваго дерева, высотою въ 11—12 вѣнцовъ; складываются стѣны изъ круглыхъ бревенъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ («высклютованныхъ»); фундаментъ «подмурука» дѣлается изъ камня—крупнаго булыжника, скрѣпленного смѣстью изъ глины и вапсы (извести). Длина хаты 8—10 аршинъ, такая же ширина, длина и ширина сѣни 6—7 аршинъ. Въ настоящее время чаще встречается въ домахъ полъ («подлога»), обыкновенно внутренность хаты утрамбовывается размоченной глиной, которая, засохнувъ, принимаетъ видъ асфальтоваго пола. Однако зимой въ такой хатѣ всегда лежитъ на полу тонкій слой жидкой, скользкой грязи отъ наноснаго на логахъ снѣга, и отъ сырости въ хатѣ постоянно чувствуется парность, отчего деревянныя постройки не долговѣчны,—черезъ двадцать-тридцать лѣтъ приходятъ въ ветхость. Прочія постройки строятся изъ еловаго или осиноваго дерева безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Внутренность сараевъ выстилается вдоль или поперекъ постройки плотнымъ рядомъ жердей для предохраненія сложеннаго въ нихъ сѣна или сноповъ отъ подмоканія; внутренность тока и сушилки утрамбовывается глиной также, какъ и въ хатѣ, и содержитъ сухо, отчего она трескается; каждую осень передъ молотьбой трещины замазываются.

Высота всѣхъ построекъ одинакова: 10—12 вѣцовыхъ; длина—24—30 аршинъ; ширина 8—10 аршинъ. Всѣ постройки какъ хату, такъ и хозяйственныя строенія покрываютъ троекимъ способомъ: гонтами, досками и соломою. Лучшею крышею считается гонтовая, а выборъ материаловъ для крыши зависитъ отъ благосостоянія хозяина.

Окна въ хатѣ прорубаютъ три, рѣдко четыре; они обыкновенно квадратныя, въ $1\frac{1}{2}$ фута, двусторчатыя, бываютъ больше (до аршина) и меныше (до 1 фута). Два окна находятся съ фронта и одно или два сбоку. Иль дверей однѣ ведутъ со двора въ сѣни, а другія изъ сѣни въ хату; двери всегда одностворчатыя, вышиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина, шириной въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Украшены на дверяхъ окнахъ, косякахъ, ушахъ не дѣлаются; косяки оконъ снаружи обиваются досками (шалѣвка), которая выѣливаются нальдомъ. Крыши на всѣхъ безъ искученія постройкахъ дѣлаются на два ската, крутизною въ 45—50 градусовъ.

Въ белорусской хатѣ, сейчасъ около двери въ противоположной стѣнѣ отъ фронта, помѣщается печь, занимающая $\frac{1}{4}$ пространства всей хаты; въ противоположномъ отъ печи углу по диагонали повышены образа, а подъ ними ставить столъ; уголъ этотъ занимаютъ придѣланныя къ стѣнѣ, шириной въ 10 вершковъ, лавы (скамьи); два другие угла: одинъ около двери занять полками для посуды, кадками и пр. домашними принадлежностями, въ другомъ же стоять кровати или нарь, покрытыя соломой или сѣномъ,—большее изящество въ убранствѣ постелей рѣдко встрѣчается. Печь обыкновенная, чтѣю носятъ название русской, дѣлается не изъ кирпича, а глиняная, т. е. по сдѣланному деревянному остову обмазываются и уколачиваются сырой глиной и потомъ обжигаются или иначе высушиваются; трубу выводятъ въ сѣни, которая всегда во время топки наполнены дымомъ; по окончаніи топки дымовое отверстіе въ сѣнахъ затыкается сверткомъ тряпокъ.

Бань вовсе нѣть; ихъ замѣняютъ сушилки, печи въ которыхъ сложены изъ груды будничника, ничѣмъ не обмазанного, и безъ трубы, такъ что дымъ стелется въ самой сушилѣ и выходитъ черезъ двери въ токъ.

Для сидѣнья въ хатѣ кромѣ помянутыхъ лавъ имѣется скамейка (зедель), иногда дѣль. Столъ деревянный, не крашеный, на четырехъ ножкахъ и всегда либо въдвижной ящицѣ. Посуда вся глиняная: миски, (рѣдко тарелки), ложки (лыжки) деревянные, не крашеные. Для варки пищи употребляются обыкновенные чугунные, иногда глянцевые, но оплетенные снаружи проволочной сѣткой горшки, затѣмъ миски, кувшины безъ ручекъ (гладышы) для молока; прочая домашняя посуда вся деревянная: кадки (цебры), ведра, корыта (начука).

Хозяйственная утварь крестьянъ отличается чрезвычайной простотой и топорностью отдѣлки и, вмѣстѣ съ тѣмъ носить на себѣ отпечатокъ крайней бѣдности: все самодѣльное. Такъ, предметы для ъезды, напр., телѣга, по типу совершенно схожа съ великорусской, но значительно меныше размѣрами и не имѣть вовсе оковки, даже колеса не окованы шинами, т. е., ободья деревянные,—такъ на нихъ и ъздятъ: великорусскій крестьянинъ не поверить, что возможна такая ъзда; прочія части телѣги также не окуты желѣзомъ, а скрѣплены вязами и деревянными гвоздями по заранѣе проверченнымъ дыркамъ. Полозья саней также не подбиты желѣзомъ, почему сани полозья дѣлаются очень широкія, но не смотря на это въ одну зиму, много въ дѣль, изнашиваются.

Хомуты, шлеи, возжи и пр. наполовину рыбарскаго производства, а наполовину самодѣльные,—силетены изъ пеньки и очень поэтому не прочны.

Земледѣльческія орудія: сохы, бороны также отличаются первобытностью устройства; плуговъ, желѣзныхъ боронъ вовсе нѣть; въ послѣдніхъ встрѣчается улучшеніе: въ деревянный остовъ вбиваются желѣзные зубья; обыкновенно борону сколачиваютъ изъ ряда суковатыхъ полосъ. Такая борона встрѣчается только въ Бѣлоруссіи.

Имѣніе Буславичи.

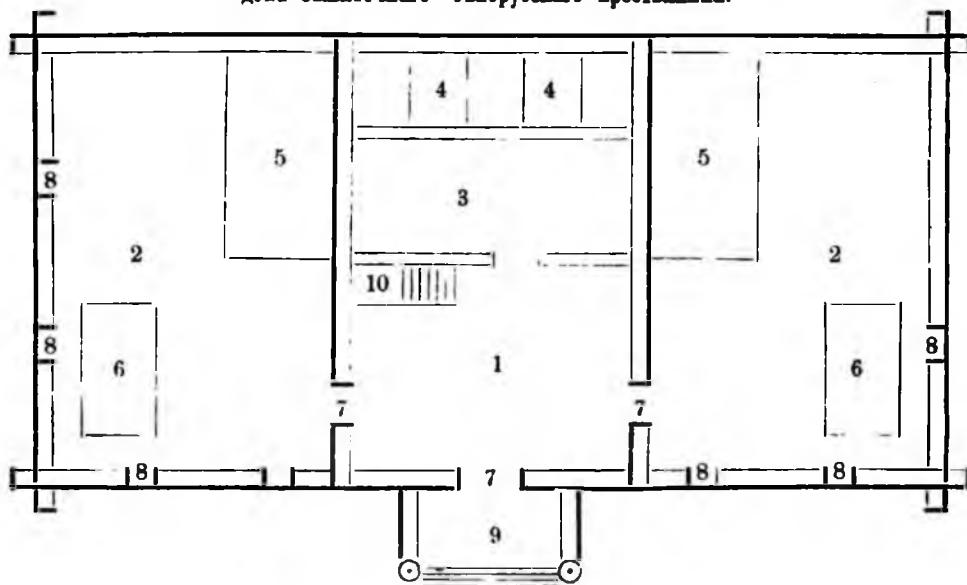
14 авг. 1892 г.

А. К. Васильевъ.

(См. прилож. на сѣдл. стран.).

ПЛАНЪ

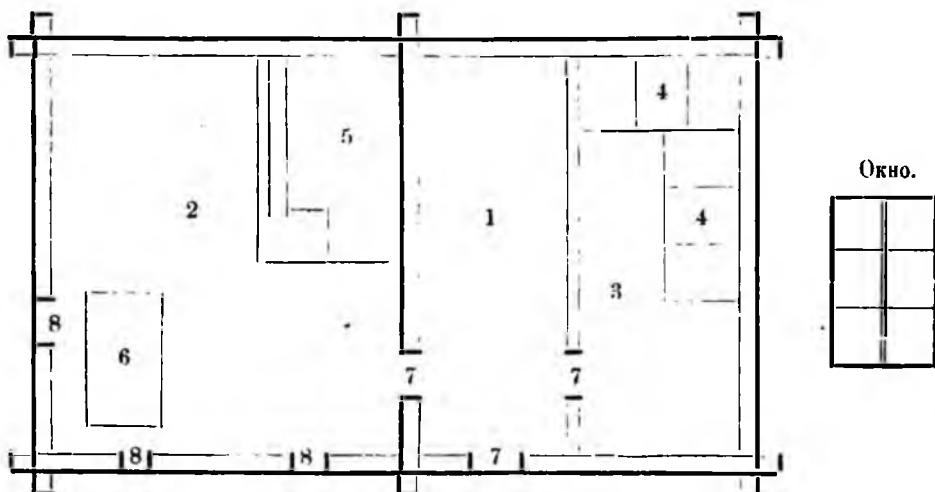
дома зажиточного бѣлорусского крестьянина.

1. Сыни.	7. Двери.
2. Хаты.	8. Окна.
3, 4. Спижарня съ закромами (оруды).	9. Крыльцо на столбахъ.
5. Печи.	10. Лѣстница на чердачъ.
6. Столы.	

ПЛАНЪ

дома бѣлорусского крестьянина.

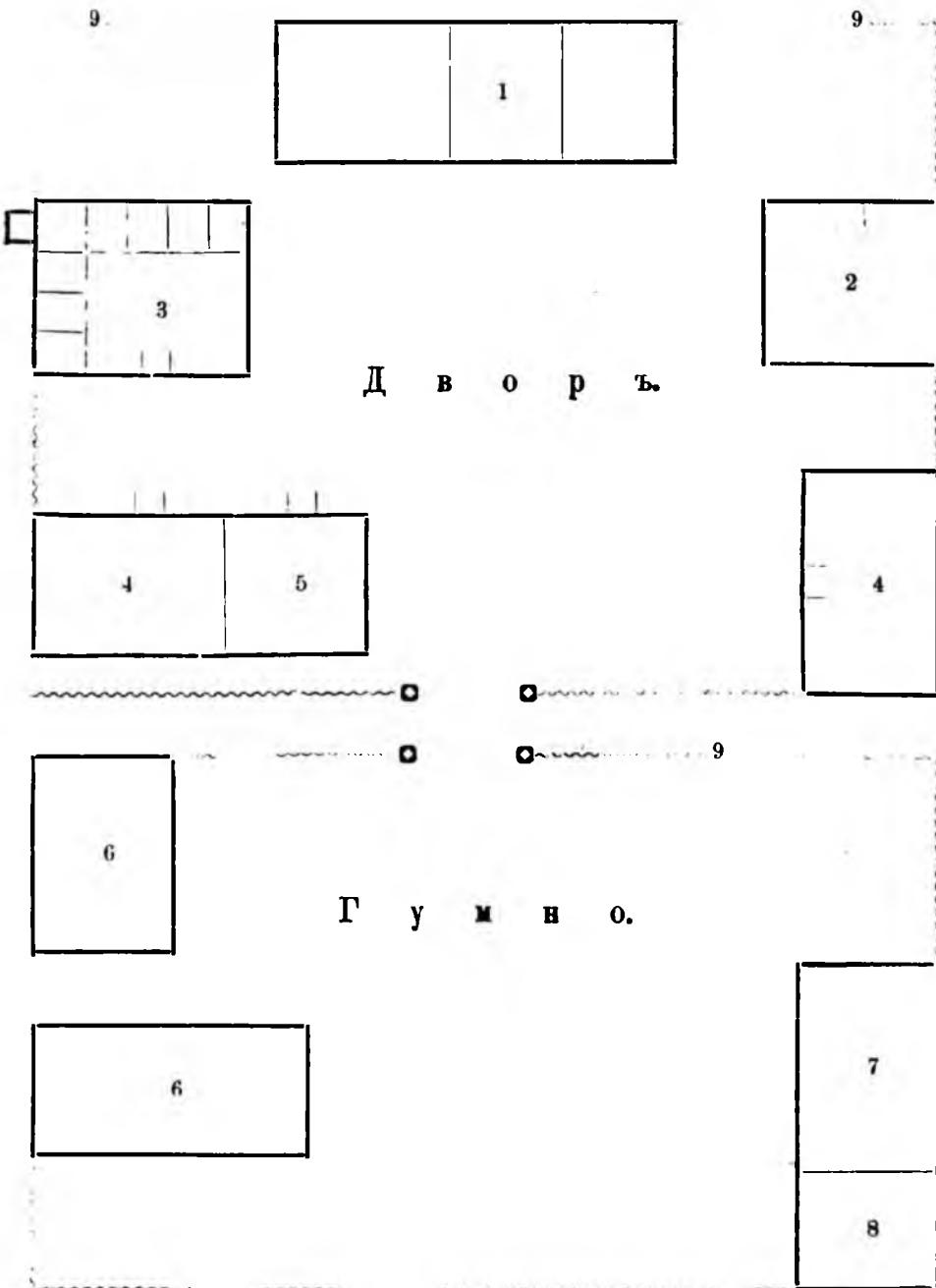
1. Сыни.	6. Столъ.
2. Хата.	7. Двери.
3, 4. Спижарня съ орудами.	8. Окна.
5. Печь.	

Окно.

РАСПОЛОЖЕНИЕ

двора и гумна.

1. Домъ.	5. Конюшня (стайня).
2. Варивна.	6. Сараи (пушки).
3. Амбаръ (свирицъ).	7, 8. Токъ и сушилка (осенецъ).
4. Хлѣвы.	9. Изгородь изъ жердей.

Борьба общины съ черезполосицей и мелкополосицей.

Противники общинного землевладѣнія отмѣчаютъ, какъ особенную слабость, соединенную съ нимъ, чрезмѣрную дробность и мелкоту полосъ, разбросанныхъ въ разнообразныхъ направлениихъ общинныхъ полей и отстоящихъ одна отъ другой въ значительныхъ разстояніяхъ. Фактъ несомнѣнныи. Черезполосица и мелкополосица—слабое мѣсто общины и въ рукахъ его противниковъ значительный аргументъ противъ общинного землепользованія. Но это только при первомъ, поверхностномъ, почти близорукомъ взглядѣ на общины и ея порядки.

Достаточно подойти къ вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ подъ угломъ зрѣнія не на одну только общинную форму землепользованія, но и на другія формы, какъ слабыя мѣста общины окажутся не столь большими, и съ этой стороны общинное землевладѣніе явится даже предпочтительнѣе и въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ при другихъ формахъ землепользованія. Сравнительныи данные по вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ при общинномъ и другихъ формахъ землепользованія указываютъ на то, что черезполосица вовсе не есть характерная особенность общины, а присуща нисколько не въ менѣшей степени и другимъ формамъ землевладѣнія.

Вотъ что говорить по этому вопросу г. Тернеръ («Государство и землевладѣніе» ч. I, 1896, стр. 185—186): «Вредное вліяніе черезполосности и измельчанія участковъ на культуру земли вообще не подлежитъ сомнѣнію, но было бы совершенно ошибочно и неосновательно связывать эти неудобства съ общиннымъ владѣніемъ землей. Черезполосность и измельчаніе земли далеко не составляютъ исключительной принадлежности общинного владѣнія. Въ области подворного пользованія землей чрезвычайно распространена не только черезполосность, но и дробленіе земли. Самый фактъ равномѣрного наслѣдованія вызываетъ постоянные дѣлежи земли, послѣдствіемъ которыхъ является та же черезполосность и то же измельчаніе участковъ, какія встрѣчаются и при общинномъ владѣніи, но только безъ корректива, который имѣется при послѣднемъ. При подворной формѣ землевладѣнія черезполосность со всеми ея неудобствами выражается въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ владѣніи. Общинники путемъ передѣловъ, путемъ пріурочиванія надѣловъ къ одному мѣсту всегда могутъ уменьшить черезполосность. Вотъ почему нерѣдко случается, что подворные общины прибѣгаютъ къ передѣлу земель, какъ къ послѣднему средству выйти изъ затрудненія. Уничтоженіе общинного землевладѣнія не достиглось бы ни уничтоженіемъ черезполосности, ни прекращеніемъ дробленія земли; напротивъ того, получились бы въ этомъ отношеніи еще гораздо худшіе результаты, т. е. такая запутанность землевладѣнія, которая сдѣлала бы совершенно невозможной сколько-нибудь порядочную обработку земли». Далѣе г. Тернеръ приводитъ рядъ фактовъ и примѣровъ изъ жизни Сѣверо-Западнаго края, Полтавской и Курской губ., где всюду въ мѣстахъ существованія формъ землепользованія необщинного—подворного, четвертного и т. п. характера,—«страшная черезполосица». «Черезполосица—характерная особенность четвертного землевладѣнія. Дробленіе участковъ дошло до предѣловъ возможнаго. Поражающая черезполосность, которая должна со временемъ достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе сельского хозяйства сдѣлается невозможнымъ»,—такъ говоритъ г. Тернеръ. Статистикъ ярославскаго губ. земства К. Я. Воробьевъ выпустилъ обстоятельную работу—«Община и черезполосица и ярославская полевая «готия» въ которой разработаны имъ самые жизненные цифры и факты, касающіеся вреда черезполосицы и тѣхъ мѣропріятій, которымъ сама община выдвигаетъ и предпринимаетъ въ борьбѣ съ нежелательными и существенными зломъ. Трудъ г. Воробьева долженъ вызывать къ себѣ особенное вниманіе по многимъ соображеніямъ: 1) цифровыхъ, статистическихъ работъ по вопросу о черезполосицѣ вообще нѣть; авторъ даетъ одинъ изъ первыхъ картины существующей дѣятельности въ цифрахъ; 2) работа указываетъ на возможность целеznой борьбы самой общины съ черезполосицей и ея вредомъ, подтверждая мнѣніе г. Тернера, что «общин-

ники всегда могут уменьшить черезполосность», и 3) К. Я. Воробьева нельзя упрекнуть въ сочувствіи общинному землепользованію; тѣмъ большую цѣнность приобрѣтаютъ для болѣе прочаго обоснованія послѣдняго цифры, факты и выводы, которые мы находимъ въ трудахъ автора.

Вообщѣ, въ Ярославской губерніи на среднее хозяйство губерніи приходится по 33 полосы въ трехъ поляхъ или по 11 въ каждомъ. По отдѣльнымъ уѣздаамъ эта средняя спускается до 23 и повышается до 39. Въ частности же, по исключительнымъ общинамъ, предѣлы колебанія числа полосъ средняго двора выражаются для шиншиц'я 6-ю и для шахіш'я 118-ю. Въ Угличскомъ уѣзде средний домохозяинъ имѣть въ своихъ трехъ поляхъ 36 полосъ, т. е. по 12 въ каждомъ полѣ; но есть общины, гдѣ число полосъ доходитъ до 120 на домохозяйство. Средній дворъ въ Тверскомъ уѣзде пользуется 14-ю полосами въ каждомъ изъ трехъ полей, а во всѣхъ поляхъ 42 полосами; въ нѣкоторыхъ общинахъ число полосъ доходитъ до 93.

На душевой надѣлѣ въ Ярославской губерніи приходится въ среднемъ пашни около 1,6 дес. Если всякий домохозяинъ имѣть въ среднемъ, какъ сказано, 33 полосы, то каждая изъ нихъ будетъ занимать площадь только въ 117 кв. саж. При стосаженой длины такая полоса будетъ имѣть менѣе $1\frac{1}{4}$ саж. въ ширину. Но есть полосы, въ среднемъ выводъ имѣющія $\frac{3}{4}$ саж. ширины, $\frac{1}{2}$ саж. и даже $\frac{1}{3}$ саж. Въ ономъ Угличскомъ уѣзде—58 общинъ, въ которыхъ встрѣчаются полосы въ $\frac{1}{2}$ саж. ширину и менѣе.

Излишне, конечно, говорить о всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ въ хозяйственномъ отношеніи при столь сильной мелкополосицѣ и черезполосицѣ. Никто не станетъ отрицать ихъ. Не нужно лишь забывать, что эти неудобства—не удѣлъ одного лишь общинного землевладѣнія.

Борьба,—какъ мы видѣли изъ житія г. Тернера,—съ мелкополосицей и черезполосицей, во мнѣніе распространенныхъ при подворной четвертной и другихъ формахъ землевладѣнія, невозможна при этихъ формахъ, а если возможна, то при осуществленіи уже началь, положенныхъ въ основу общинного землепользованія, т. е. передѣловъ земель.

Между тѣмъ община вырабатываетъ тѣ или иные мѣропріятія, ведущія къ уменьшению черезполосицы. Ярославская полевая «сотня» является однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Эта «сотня» введена пока въ двухъ земледѣльческихъ уѣздахъ Ярославской губерніи, Мышкинскомъ и Моложскомъ. Сравненіе этихъ уѣзовъ съ другими указываетъ на то, что значительные шаги къ сокращенію, а въ будущемъ, быть можетъ, къ полному уничтоженію черезполосицы и мелкополосицы, при общинной формѣ землепользованія вполнѣ возможны.

Въ указанныхъ двухъ уѣздахъ общинная пахотная земля крестьянами дѣлится не на обычныя полосы, а на участки определенной ширины, называемые здѣсь «сотнями». Такая сотня представляетъ изъ себя земельную площадь въ сто двухсаженыхъ квадратныхъ коловъ и, следовательно, равняется 400 кв. саженямъ ($2^2 \times 100 = 400$) или—одной шестой части казенной десятины. При такомъ дѣленіи всѣ полосы или полевые участки имѣютъ одинаковую, вполнѣ определенную площадь. Мы опустимъ дальнѣйшія техническія указанія на производство разверстки общинниками пахотныхъ земель и обратимся къ сравнительнымъ цыфрамъ. Какъ мы видѣли раньше, по Ярославской губерніи число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина составляетъ 33, причемъ въ нѣкоторыхъ общинахъ эта цифра поднимается до 118. Въ Мышкинскомъ уже уѣзде, гдѣ дѣленіе на «сотни» охватило весь уѣздъ, число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина спускается уже до 23, и самое большое число полосъ, встрѣчающееся въ отдѣльныхъ общинахъ, только 80. Ни одинъ изъ другихъ уѣзовъ въ этомъ отношеніи не представляетъ подобія. Всѣ болѣе рельефную картину даетъ группировка селений по числу полосъ на хозяйство въ абсолютныхъ и относительныхъ чисцахъ.

	До 10 полосъ.	11—20 полосъ.	21—30 полосъ.	34—40 полосъ.	41—50 полосъ.	Более 50 полосъ.
Губернія	40	138	179	134	101	103
	П р о ц е н тъ.					
	5,7	19,9	25,8	19,3	14,5	14,8
Мышкинскій уѣздъ . . .	12	29	20	7	4	4
	П р о ц е н тъ.					
	18,3	28,8	30,3	10,6	6,0	6,0

Какъ видно изъ приведенной таблицы, число многополосниковъ-домохозяевъ по губерніи несравненно выше, чѣмъ въ Мышкинскомъ уѣзда. Число домохозяевъ въ послѣднемъ, у которыхъ не болѣе 20 полосъ во всѣхъ поляхъ, составляетъ 47,1—проц., а въ губерніи только 25,6 проц.; не болѣе 30 полосъ въ Мышкинскомъ уѣзда 77,4 проц., въ губерніи—51,4 проц. Ни одинъ изъ остальныхъ уѣзовъ въ отдельности не даетъ такихъ благопріятныхъ цифръ, какъ Мышкинскій.

Вообще, цитируя г. Воробьевъ, «раздѣлъ на сотни ведеть къ сокращенію числа полосъ и къ соответственному увеличенію площади средней полосы. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣленіе пашни на сотни вдвое сокращаетъ ея мелкополосицу, причемъ оказывается наиболѣе выгоднымъ для наименѣе обеспеченныхъ землею группъ населения. Одновѣнники теперь не боятся, чтѣ у нихъ нельзѧ проѣхать стъ бороной по полосѣ, какъ это бываетъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ иѣтъ сотень. Сокращеніе мелкополосицъ въ такой же степени, т. е. почти вдвое, уменьшаетъ въ крестьянскомъ общинномъ хозяйствѣ потерю удобной земли на межахъ, сѣмять при посѣвѣ и удобренія, а также значительно сокращаетъ излишнюю трату времени на переходы и перезады съ полосы на полосу. Г. Воробьевъ выясняетъ, что одно сокращеніе потеръ на межахъ, при повсемѣстномъ введеніи въ Ярославской губерніи сотни, увеличило бы культурную пахотную площадь въ губерніи на $3\frac{1}{2}$ тыс. дес. и дало бы населенію ежегодный пріростъ валового дохода около 60 тыс. рублей. Далѣе, сотня, какъ полоса сравнительно крупная, представляетъ значительныя удобства для болѣе тщательной обработки и посѣва, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сокращеніемъ числа межъ и уменьшеніемъ засоренности посѣвовъ, ведеть къ улучшению урожая. Наконецъ, при сотенномъ раздѣлѣ нельзѧ отрицать сравнительно большаго простора къ введенію улучшений въ хозяйствахъ отдельныхъ домохозяевъ: выгородивъ изъ поля даже одну сотню, энергичный домохозяинъ-новаторъ приобрѣтаетъ возможность производить по своему желанію посѣвы въ обычного сѣвооборота,—напримѣръ, завести травосѣяніе. Но, самое главное,—сотня опредѣленностью раздѣловъ своей площади вносить въ условія крестьянского хозяйства весьма важный культурно-прогрессивный элементъ. Чтобы вести съ успѣхомъ сельское хозяйство, хозяину нужно прежде всего знать составъ своего хозяйства, нужно уметь вести правильные хозяйственныя расчеты, вообще относиться къ веденію хозяйства вполнѣ сознательно. При обычной черепахолюбности сознательное отношение крестьянъ къ своему хозяйству крайне затруднительно: хозяйственныя расчеты у него основаны больше на обычай, чѣмъ на опредѣленномъ знаніи. Не то—при саженномъ дѣленіи полей. Каждый хозяинъ отлично знаетъ, сколько у него земли въ каждой полѣ, и всеи хозяйственныя расчеты ведеть преимущественно къ опредѣленной площади (сотнѣ), согласно выработаннымъ практикой нормамъ. Всякъ при этомъ уже знаетъ, сколько нужно навоза положить на сотню, какое количество сѣмянъ нужно взять, чтобы не зачастить и не слышкомъ рѣдко посѣять, во что обойдутся полевые работы, если приходится прибѣгать къ наемному труду. Отношение къ урожаю привыкшаго крестьянину-домохозяину будетъ отличаться болѣе сознательностью, чѣмъ отношение незнакомаго съ сотней или вообще опредѣленной земельной единицей. Результаты своего хозяйства будутъ несравненно яснѣе первому, чѣмъ второму. Матеріала для работы критической мысли у первого значительно больше, чѣмъ у

второго. Однимъ словомъ, съ введеніемъ опредѣленной земельной единицы въ хозяйствѣ общинника патріархальный «глазомѣръ» уступилъ свое място сознательнымъ разсчетамъ.

Этотъ элементъ большой осмыслиности, какой вводится сотней въ условія крестьянского общинного хозяйства, является залогомъ дальнѣйшаго культурнаго преуспѣянія крестьянина-общинника.

Изъ изложенного видно, что внутри общины является вполнѣ возможной борьба съ череполосицей и мелкополосицей, и эта борьба приводить къ сравнительно благоприятнымъ результатамъ. Крестьяне-общинники не безъ успѣха изыскиваютъ способы и мѣропріятія къ возможному парализованію вреда дробности земельныхъ участковъ и череполосиц.

Было бы желательно и необходимо и здѣсь прийти крестьянамъ на помощь, хотя бы дальнѣйшимъ развитіемъ, укрѣпленіемъ и распространеніемъ того типа разверстки общинныхъ земель, какой даетъ «ярославская сотня». Земство въ другихъ губерній необходимо было бы отправлять въ Ярославскую губернію, именно—Мышкинский уѣздъ ея, особыхъ специалистовъ, инструкторовъ,—наковыши могли бы явиться, напримѣръ, землемѣры,—для подробнаго ознакомленія и изученія на мястѣ тѣхъ приемовъ, которые примѣняются крестьянами при дѣленіи пахотныхъ полей на «сотни». Изучившіе на мястѣ способы разверстки инструкторы научать крестьянъ разныхъ губерній этимъ способамъ. Изученіе «ярославской сотни» и пропаганда ея, а также и другихъ видовъ и способовъ, могущихъ оказаться полезными въ борьбѣ съ череполосицей, должны составить предметъ дѣятельности экономическихъ и агрономическихъ отдѣлений земскихъ управъ.

Необходимо и правительству,—въ данномъ случаѣ, министерству земледѣлія,—выступить въ этой новой, пока, области съ широкими мѣропріятіями.

N.

(Спб. 1902. Сент.).

Письмо изъ Торжка.

Намъ пишутъ изъ Торжка: 9 сентября въ Торжкѣ состоялось засѣданіе комиссіи новоторжскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности при участіи крестьянъ, въ количествѣ 20, приглашенныхъ предсѣдателемъ комиссіи для сообщенія ей своихъ мнѣній по вопросамъ крестьянского общинного землевладѣнія и землепользованія и крестьянского общественнаго управления.

Высказывались крестьяне преимущественно о разныхъ «наболѣвшихъ» вопросахъ современной общественной и вообще крестьянской жизни.

Одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ, что неудобно отдељать вопросъ общинного крестьянского землепользованія отъ вопроса о правовомъ положеніи личности крестьянина въ крестьянскомъ обществѣ, такъ какъ обѣ эти стороны зависимости личности крестьянина отъ земельной общины и отъ сельского и волостного обществъ такъ тѣсно связаны между собою въ жизни, что нельзя высказываться обѣ одной изъ этихъ сторонъ, не затрагивая другой. Въ дѣйствительности и оказалось, что, говоря отдельно о земельной общинѣ и о сельскомъ обществѣ, многимъ приходилось повторяться.

Предсѣдатель предложилъ крестьянамъ высказаться: находять-ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ?

Большинство крестьянъ по этому вопросу высказалось, что уничтоженіе крестьянской общины и общинного землепользованія и землевладѣнія было бы возможно только при условіи обезпеченія каждому крестьянину въ настоящемъ и будущемъ такого количества земли, которое бы гарантировало существованіе его и его семейства не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти. А такъ какъ это невозможно, и малоземелье крестьянъ, въ виду прироста населенія, все увеличивается, то только община не даетъ большинству крестьянъ обратиться въ безземельныхъ батраковъ. А потому уничтожить крестьянское общинное землевладѣніе было бы «противно совѣсти», какъ выразился одинъ частный старикъ, волостной ставшина.

При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія въ землепользованіи сами указывали на темныя ихъ стороны—дробленіе земли на мелкія полосы, чрезполностъ, препятствующія введенію травосѣянія и другимъ земледѣльческимъ улучшениемъ, трудность согласить большинство общинниковъ на какую-нибудь мелiorативную мѣру и невозможность сдѣлать это одному на своихъ полосахъ, препятствія, встречаемыя общинами со стороны закона или земскихъ начальниковъ, при осуществлениі мѣръ, признанныхъ міромъ полезными, нераѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, хозяйственной группировки нѣсколькихъ членовъ общины въ одну хозяйственную единицу, обиѣна натурой или путемъ купли-продажи общинной земли для обоюдной хозяйственной выголы и т. п. Но всѣ эти недостатки,—по мнѣнію защитниковъ общины,—зависятъ не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ несамостоятельности общинъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ и въ управлениі мѣрскими дѣлами, а также въ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній и общаго образованія крестьянъ.

Высказывались, однако, и другія мнѣнія. «Дайте намъ возможность книжки читать; да обрубите тѣ лѣвѣ веревки, которыми привязываютъ личность крестьянина къ земельной общинѣ и къ сельскому обществу, какъ была обрублена 19 февраля 1861 года третья веревка, привязавшая крестьянина къ помѣщику,—и вы увидите, чѣмъ станутъ крестьяне透过 какихъ-нибудь десять лѣтъ»,—сказалъ одинъ молодой крестьянинъ, ярый противникъ общиннаго землевладѣнія и власти надъ крестьяниномъ того сельского общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Кромѣ поминутаго здѣсь яраго противника общины, въ засѣданіи 9 сентября былъ еще п другой, тоже молодой, который болѣе спокойно и болѣе систематично, но также рѣшительно высказывался противъ общины, и вотъ на продолжительной и упорной полемикѣ между этими противниками и остальными сторонниками общины и сосредоточился вѣць интересъ засѣданія 9 сентября.

Противниками общины выставлены были противъ нея слѣдующія обвиненія:

1) Общинное землевладѣніе и связанныя съ нимъ зависимости общинника отъ сельского общества обезвѣняли общинную землю крестьянъ. Соглашаясь платить за соответствующую, по качеству, сосѣднюю помѣщичью землю высокую арендную плату, крестьяне отрещиваются отъ пользованія свободной общинной землей за отбываніе приходящихся на эту землю повинностей, и земля остается пустырь. 2) Очень мелкое дробление участковъ, въ связи съ чрезполосицей, отнимаетъ у крестьянъ много земли, годной для обработки и, въ связи съ опасеніемъ частныхъ передѣловъ, препятствуетъ улучшению этой обработки и вообще поднятію сельско-хозяйственной культуры. 3) Невозможность распорядиться собственнымъ надѣломъ по своему усмотрѣнію, затрудненія, встречаемыя общинниками при желаніи получить или обѣйтъ паспортъ, взысканія и съ отсутствующихъ общинниковъ, чѣмъ не пользующихся отъ мѣра, разнородныхъ платежей—все это связываетъ общинника-крестьянина по рукамъ и ногамъ и препятствуетъ всякой инициативѣ. 4) Прикрытие общинниковъ къ мѣсту ихъ прописки и затруднительность отыскания посторонняго заработка понижаетъ заработную плату внутри общины до того, что обѣднѣвшіе и попавшіе въ кабалу къ богатымъ общинникамъ крестьяне работаютъ на богачей за плату иногда въ пять разъ менѣшую, чѣмъ можно было бы получить у сосѣднаго помѣщика.

Признавая невозможность какого бы то ни было улучшения при современномъ строѣ крестьянскаго землепользованія, противники общины высказывались, однако, что не могутъ считать улучшениемъ дѣла переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному, въ той формѣ, въ какой послѣднее существуетъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, такъ какъ это подворное землепользованіе, по ихъ мнѣнію,—та же замаскированная община, съ тою же чрезполосицей и съ тѣми же препятствіями къ улучшению крестьянскаго хозяйства и, вообще, крестьянскаго быта. Въ заключеніе, оба противника общины высказали взглядъ, что единственнымъ выходомъ изъ современного тягостнаго положенія крестьянъ можетъ быть только уничтоженіе общины и распространеніе на нихъ общихъ для всѣхъ гражданскихъ законовъ.

Сторонники общины приводили противъ этихъ обвиненій слѣдующія возраженія:

1) Пустыри и неиспользованная земля не являются непремѣннымъ следствіемъ

общинного землепользования, такъ какъ если они и существуютъ въ нѣкоторыхъ общинахъ, то въ цѣлой массѣ другихъ на каждый, почему-либо освобождающейся клочокъ общинной земли является нѣсколько лицъ, готовыхъ взять ее въ свое пользованіе съ съ дополнительной за нее обществу извѣстной суммы, въ добавокъ къ пополненію всѣхъ, лежащихъ на этой землѣ повинностей. Часто же земли остаются пустырёмъ потому, что она совершенно неудобна для обработки. 2) Для возможнаго устраненія вреда отъ очень мелкаго дробленія земли и чрезполосности нѣкоторыхъ общин, при разверсткѣ земли между общинниками, пользуются способомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «складуха» и состоящимъ въ томъ, что каждому общиннику отводится двѣ полосы, находящіяся между собою по качеству и другимъ условіямъ въ обратной пропорціи. Напримеръ, при одинаковомъ качествѣ земли, получающему ближайшую полосу отводится и самая дальняя, слѣдующему общиннику даются двѣ вторыя по близости и удаленности полосы и т. д. Затрудненія же, встрѣчаемыя при примѣненіи меньшинствомъ или единичными хозяевами новыхъ пріемовъ для улучшенія хозяйства, исчезнутъ съ подъемомъ образования крестьянъ. Впрочемъ, сторонники общинъ не отрицаютъ, что къ полевой землѣ полезно было бы примѣнить участковое владѣніе, оставивъ въ общинномъ выгонъ, лѣса и луга, съ обязательнымъ введеніемъ хотя бы четырехпольного хозяйства. Это дадѣ бы возможность желающимъ вводить у себя травосѣяніе и всякихъ улучшеній, безъ опасенія частыхъ передѣловъ. 3) Предоставленіе каждому крестьянину права продавать свой надѣль обезземелить массу крестьянъ. Что же касается стѣсненій при выдачѣ паспортовъ, то, дѣйствительно, нельзя признать нормальнымъ явленіемъ требование обществомъ за паспортъ денегъ на угощаніе водкой, требование же отъ уходящаго на заработки общинника передачи бому-нибудь изъ общинниковъ находящіихъ въ его пользованіи земли и уплаты числящейся на немъ недоимки необходимо для обеспеченія исправности общинъ въ уплатѣ всѣхъ слѣдующихъ съ нея сборовъ и въ выполненіи всѣхъ общественныхъ ея обязанностей, какъ то: общественное празрѣніе, плата за лѣченіе общинниковъ въ больницахъ и т. п. 4) Стѣсненіе обезземелія массы крестьянъ, при уничтоженіи общинного землевладѣнія, будетъ еще большее понижение заработной платы.

Въ итогѣ выходитъ, что надо не уничтожать крестьянскую общину, а предоставить ей больше самостоятельности, облегчивъ въ тоже время народу возможность получать солидное общее и сельско-хозяйственное образованіе.

«Но чѣто составляеть самое болѣе мѣсто современныхъ условій крестьянской жизни,—сказалъ въ концѣ засѣданія членъ комиссіи, мѣстный земской гласный, крестьянинъ Ив. Ег. Евстратовъ,—это—тѣлесное наказаніе. Самое ужасное то, что позоръ наказанія падаетъ на всю семью наказанаго. Дѣвицѣ, дочери наказанаго, нельзя глязъ показывать на улицѣ изъ-за укоровъ и насмѣшекъ надъ нею, ни въ чёмъ непочтенною и только имѣвшему весчастіе быть дочерью выскѣченаго отца. А каково присутствовать при совершенії этой ужасной операции!»

(Спб. Вѣд. 1902).

Письмо изъ Коврова.

«Въ засѣданіи ковровскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ ряду другихъ членовъ комитета, высказался по стоящимъ на очередь вопросамъ и крестьянинъ с. Клязьемского Городка Ф. И. Носковъ. По его убѣждѣнію, въ основу мѣровріятій къ поднятію сельскаго хозяйства должны быть поставлены не мѣры къ поднятію умственного и культурного развитія крестьянъ, а «реформы крестьянскаго положенія». Надо просить правительство, чтобы оно сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ положеніи крестьянъ, а если ихъ сдѣлало не будуть, то никакія школы и библиотеки, никакія другія мѣры не будутъ въ сиахъ поднять сельское крестьянское хозяйство: оно падо за послѣднія 10 лѣтъ вдвое и падеть еще вдвое. Онъ видѣть причину упадка сельскаго хозяйства въ томъ «давительномъ» положеніи, въ котоюмъ находится, по его мнѣнію, крестьянство. «Кого порѣть

рэзгой? — говорилъ онъ, — крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ? — крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ — всѣ имѣютъ свои права, только не имѣть ихъ крестьянина. Я, вотъ, — крестьянина: меня пригласили на засѣданіе, и я говорю; а если кому-нибудь мои слова не понравятся — завтра же меня посадятъ подъ арестъ, и некому мнѣ жаловаться. Если вникнуть въ крестьянское положеніе, посмотретьъ на житѣе крестьянина особенно въ зимнее время: черная изба, холода, голодъ — то это такое горе, котораго нельзя словами описать. Крестьянское положеніе поставлено у насъ самымъ извѣштіемъ. Поэтому богатый уходить изъ крестьянства, остаются только бѣдные. Неустранимымъ результатомъ этого является паденіе сельского хозяйства. Необходимо поднять крестьянское положеніе, «сдѣлать его высшимъ», тогда только и поднимется крестьянское хозяйство. Приводимъ еще выписку изъ докладной записки, представленной тѣмъ же крестьяниномъ Ф. И. Носковымъ.

«Въ продолженіе послѣднихъ 11-ти лѣтъ, — пишетъ онъ, — крестьянское населеніе несравненно обѣднѣло, стало бѣдныхъ много больше; по такой бѣдности земля обрабатывается сама по себѣ хуже прежняго, такъ какъ скота осталось много менѣе, удабривать землю нечѣмъ, — поэтому другіе промыслы оказались безъ земледѣлія безсильны, самое главное у крестьянъ есть земледѣліе.

«Благосостояніе крестьянъ безъ земледѣлія другими промыслами поднять трудно. Могу сказать утвѣрдительно, вообще крестьянамъ за послѣднія 10 лѣтъ окончательно обѣднѣли; эта бѣдность на нашихъ глазахъ доказывается слѣдующими фактами: если село или деревня до послѣднихъ 10 лѣтъ, т. е. до 1890 и 1891 годовъ имѣла 50 лошадей, 100 коровъ и 150 овецъ, а по прошествію этихъ послѣднихъ 10 лѣтъ въ настоящее время имѣеть не болѣе 25 лошадей, 60 коровъ и 80 овецъ, и то съ трудомъ, это можно встрѣтить повсюду въ разныхъ уѣздахъ.

«Есть громадная перемѣна — бѣдность, которая послѣдовала отъ стѣсненія, о чѣмъ иною будетъ подробнѣе сказано ниже.

«Бѣдности и упадку благосостоянія земледѣльца за послѣднія 10 лѣтъ или 12 лѣтъ есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянину съ другимъ гражданиномъ. Уничтожить бѣдность и поднять ихъ благосостояніе и земледѣліе — нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, но найти ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управлѣнія крестьянину съ другими сословіями, т. е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч. и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судомъ арестовъ и проч.

«Поставить земледѣліе и самого земледѣльца на планѣ виднаго мѣста и представить ему право пользованія привилегіями за выдающіяся услуги ихъ дѣлу по земледѣлію.

«Если только правительство найдетъ со своей стороны это возможнымъ — устроить быть крестьянскаго населенія наравнѣ съ другими сословіями, — тогда черезъ 5 или 6 лѣтъ у крестьянъ явится: умъ, способность, деньги, скотъ, машины и земледѣльческія орудія; однимъ словомъ, все, что нужно для земледѣлія, расчистки земли и проч. Могутъ основаться сельскіе и волостные банки, товарищества, компаніи и проч.

«Въ то время состоятельный крестьянинъ не будетъ стремиться отѣздомъ на чужую сторону по паспорту или переходомъ въ другое сословіе, а будетъ дорожить родиной. А если не будетъ благоугодно правительству уравнить крестьянина съ другими сословіями и оставить крестьянское населеніе въ текущемъ настоящемъ положеніи его правленія, тогда не могутъ никакія другія условія и старанія правительства уничтожить бѣдность и поднять благосостояніе крестьянина и его земледѣліе, потому что крестьянинъ при настоящихъ обстоятельствахъ его положенія не старается разводиться земледѣлѣемъ, скотоводствомъ и проч., а стремится выѣхать по паспорту на чужую сторону или же перечислиться совсѣмъ въ другое сословіе, чтобы этимъ избавиться отъ нерѣшенныхъ судомъ непрѣятностей.

«И всѣ нижеслѣдующіе вопросы касаются уничтоженія бѣдности и поднятія благосостоянія крестьянина и его земледѣлія, и выраженные въ нихъ предметы эти, какъ не будутъ сдѣланы, ни одинъ изъ нихъ не можетъ стѣснить къ упадку крестьянина, а равно же не могутъ и поднять его благосостояніе, о чѣмъ иною сказано подробнѣе выше».

(Спб. вѣд.).

Этнографическая заметка.

Во многихъ селахъ и деревняхъ Шуйского уѣзда исполняются при свадебныхъ обрядахъ слѣдующіе довольно странные въ настоящее время обычай. По прїездѣ молодыхъ изъ церкви послѣ бракосочетанія въ домъ жениха, священнику, послѣ совершенія молитвы, подаютъ головной уборъ невѣсты для окропленія его святой водою. Уборъ этотъ состоять изъ платка или вичкы, смотря потому, въ какомъ мѣстѣ что носить молодая женщина. Окропленный святой водою уборъ молодая должна непремѣнно надѣть на другой день брака, какъ первый женскій, и уже не дѣвичій нарядъ, для чего онъ, какъ новина, и окропляется св. водою.

Послѣ бракосочетанія начинаетъ съ третьего дня, теща, т. е. мать молодой, посыпаетъ каждое утро или относить сама въ домъ зятя завтракъ, который состоится первоначально изъ гречневыхъ блиновъ, а далѣе изъ пирожковъ (переженцовъ), оладей и т. п.

Кормежка завтракомъ продолжается у зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ со дня брака цѣлый годъ, а у бѣдныхъ половину года или несколько мѣсяцевъ, смотря потому какъ позволять обстоятельства и средства. Въ день брачной годовщины теща приходитъ съ завтракомъ сама и благодарить зятя за «неоставленіе» своей дочери. Обычай этотъ соблюдается только тогда, когда брачная чета проживала прежде въ одномъ селеніи; если же берутъ невѣstu изъ другой деревни, то за ея отдаленностью такого обычая не исполняютъ.

Петръ Гундобинъ.

Г. Шуя.
Февраля 1862 г.

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое издание Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества, подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ, — обыкновенно 3 и 4 выпуски въ одной книжкѣ (отъ 17 до 20 листовъ).

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна — въ Петербургѣ — 5 р., въ Имперіи — 5 р. 50 к., за границею — 6 р. Книгопродающимъ дѣлается скидка въ 40 к. съ экземпляра.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старинѣ» съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за 3 р., въ Имперіи за $3\frac{1}{2}$ р. и за границу 4 р., за 1898 по 1901 включительно — по 4 р., $4\frac{1}{2}$ р. и по 5 р.

Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старинѣ» за истекшія двѣнадцать лѣтъ можно получить въ Обществѣ за 5 к.